

Отряд состоит из кота

Мария Рашова

2024-10-24

Contents

Эпилог	3
Глава 1	4
Глава 2	5
Глава 3	7
Глава 4	8
Глава 5	10
Глава 6	12
Глава 7	13
Глава 8	15
Глава 9	17
Глава 10	18
Глава 11	20
Глава 12	21
Глава 13	22
Глава 14	23
Глава 15	24
Глава 16	26

Глава 17	27
Глава 18	29
Глава 19	31
Глава 20	33
Глава 21	35
Глава 22	37
Глава 23	38
Глава 24	39
Глава 25	41
Глава 26	42
Глава 27	46
Глава 28	48
Глава 29	50
Глава 30	51
Глава 31	52
Глава 32	54
Глава 33	56
Глава 34	57
Глава 35	59
Глава 36	60
Глава 37	62
Глава 38	64
Глава 39	66
Глава 40	67
Глава 41	68

Глава 42	69
Глава 43	71
Глава 44	73
Глава 45	74
Глава 46	78
Глава 47	81
Глава 48	83
Глава 49	85
Глава 50	86
Глава 51	87
Глава 52	90
Глава 53	93
Глава 54	96
Глава 55	97
Глава 56	99
Глава 57	102
Глава 58	103
Глава 59	105

Эпилог

Вот уж нигде и никогда я не думал, что такое может произойти. «Ох, ох, ох, - как сказали бы самые прошаренные домохозяйки, - молоко убежало!» Молоко убежало, да на фиг, убежало все, включая наш космический корабль.

Глава 1

Мы не привлекали к себе избыточного внимания, жили просто, тихо, и вот уже несколько десятков тысячелетий лишний раз не высывались на этой Земле. Все потому, что все эти годы мы вели изнурительную, выматывающую нас и забирающую все последние силы войну. Об этом знал каждый, проживающий на этой планете и помогал нам, как мог. Те люди, что не состояли в действующем войске, всегда помогали: едой, средствами передвижения, крышей над головой, советом. Мы не жаловались. Мы терпели. Мы привыкли к этой бесконечной битве. Народ ждал Армагеддона, а я лично ждал Второго Пришествия. Ждал, лелеял в своей душе: я очень хотел, чтобы, наконец, эта планета очистилась от зла. Земля заслуживала самого лучшего. Она, годами угнетаемая бесконечными войнами, злом, развратом, насилием и жестокостью заслуживала быть спасенной. Что я мог? Обычный светлый солдат, «солдатик», как ласково называли нас гражданские, вчерашний студент, «хлюпик», по мнению тьмы. Со мной даже толком не воевали, не строили сложных ловушек, не заманивали в западни: так, давили примитивно энергетическим прессом, и все. Я не знаю, почему небо решило доверить мне эту миссию. Хотелось бы сказать, что там совершили ошибку, как на любой фабрике или производстве, но фишка в том, что ТАМ никогда не ошибаются. Просто никогда.

Я пою свою тихую песенку, сидя на надувном детском плоту с розовыми слониками в открытом бушующем океане, полным акул, и я, как никогда спокоен, спокоен как удав. Потому что небо не может ошибаться. Вам может не нравиться его решение, это да. Но небо не может ошибаться. Мы все это знаем, а теперь знаете и вы. Небо не может ошибаться.

С началом военных действий я стал строже к себе. Собраннее. Я понимал, что за моими поступками наблюдают. И наблюдают те, о которых я бы хотел, чтобы они никогда не узнали о моем существовании. Мы не будем сейчас говорить об издержках профессии воина Света, потому что это не профессия. Это состояние души. Не то, чтобы я был не строг к себе в остальное время – нет. Но я, в общем то, бывал ленив. Бывал обжорлив. Бывал попросту туп, особенно, когда дело касалось планирования моего будущего. Я, бывало, унывал на ровном месте. Был уверен, что ничего не добьюсь в этой жизни хорошего, мой уровень - ниже среднего и это пора бы принять и уже успокоиться. Но... «Шило в жопе?», - подскажете вы. Нет, ребята, тут все гораздо серьезнее. Какая-то часть меня была

уверена, что придет мой час, и я буду управлять космическими кораблями. Придет этот золотой момент, эта минута, это секунда, когда по взмаху моей руки в воздух будут подниматься целые светлые эскадрильи. Я знал, что я не совершенство, я знал, что я не эталон. Я знал, что до этого самого момента мне придется выкорчевать из моей души все мои видимые и невидимые несовершенства и пороки, все мои страсти, все грешные порывы, все корни гордыни и самолюбия, все блудные помыслы, хорошо сдобренные чревоугодием, осуждением, гневом, мшелоимством и унынием, все-все-все, что я, идиот, успел накопить за мою юность и те хвосты, что по законам кармы притащил с собой из прошлой жизни. Какой же я был дурак! Встревал в каждый спор, лез со своим «ценным мнением». Разнимал каждую драку так, что неделями ходил с синяками. Те, чьи глаза были налиты кровью, пытались убить друг друга, а когда я пытался их разнять – уже меня. Неделями потом зализывал раны. Эх. Ну не дурак ли? В моей серенькой душе маленькой мышки-полевки гнездились настолько великие мечты и замыслы, что в один прекрасный день она перестала вмещать все это, и я чувствовал, как меня распирает изнутри. Я был максимально незаметным мелким грызуном с грандиозными планами льва. Жизнь вторила мне, как мать вторит агуканью неразумного дитяти. Жизнь давала те знаки и намеки, за которые я всегда мог ухватиться, которые подтверждали то, что я был избран для великих дел.

Глава 2

Но каждое утро хаос засасывал меня, как и всех остальных, с жадным причмокиванием. Эта суэта, эта утренняя мегаполисная спешка, бег по кругу с препятствиями, все, что задурманивает мозг, опускает усталость в ваши мышцы, все, что делает невосприимчивой вашу душу, все, что отдаляет вас от цели, все то же, что происходит и у остальных жителей этой славной планеты. Монахи избавились от страстей, а я нет. Я не был святым, я не был праведником, каждый день я сражался с темными энергетическими атаками, направленными на меня. Да, ничего серьезного не было, но этот извечный энергетический пресс был стабильно неприятен. Меня давили те, кто думали, что рано или поздно смогут меня пробить, сломать, раздавить. Но я был с Богом. Я держался за молитвы крепче крепкого, как за последнюю соломинку. И моя соломинка была мощнее стали. С каждым днем я становился все сильнее и сильнее. И этого не могли не заметить темные. Мои космические

корабли ждали меня. Я был капитан без курса, команды и корабля. Я был капитан без плана на жизнь, хотя уж этот то план любой здравомыслящий человек должен быть в состоянии себе простроить. Но моими планами заведовала поднебесная канцелярия, и я твердо знал, что «хочешь рассмешить Бога – расскажи Ему о своих планах» (с). И я не смешил. Я не отвечивал. Я хранил молчание. Я бегал в шкурке мышки-полевки по Москве, изо всех сил скрывая, что внутри неё вырос медведь. Скрывать удавалось плохо, я не был мастером маскировки, а такого уровня я достигал впервые. Я знал, что рано или поздно темные поймут, что я справляюсь с их ежедневным прессом на «раз-два» и замутят что-то более серьезное. Возможно, меня ожидает сражение. Да, к бабке не ходи, будет заваруха. Соответственно, к этому времени я должен найти свои корабли. Каждый капитан в этой жизни должен найти их. Мы все должны найти свои корабли.

Для прикрытия я работал на обычной работе. Мы все трудились на обычных работах, чтобы не привлекать внимания. Вот уже которую жизнь я клянчил у высших работу булочника в маленькой пекарне и магазинчике при ней. Слезно просил, временами даже требовал. Все дело в том, что меня сводил с ума запах свежесыпеченного хлеба. Я мгновенно «делал стойку», покупал тут же горячий хлеб и сжирал по дороге половину, не взирая на изумленные взгляды прохожих. Да, я знаю, так делают только дети, но мне было все равно. Абсолютно по барабану. В вопросах хлеба я был один большой сплошной Деть. Не мог удержаться. Я был как Рокфор, безвольно идущий на запах сыра, я всасывал запах хлеба обеими ноздрями, он проникал в мое нутро, легкие, сердце, желудок, а я все никак не мог им насытиться. Возможно, там, наверху мне и отказывали жизнь за жизнью работать в булочной, потому что я был хлебный маньяк? Хм.

Надо подумать.

Еще хотел работать горшечником на юге Италии веке этак в 19м. Жить в маленьком домике на скале, разрисовывать горшки. Тоже не дали. Эх. Воспитателем в детском саду. Отказали. Капитаном авиалайнера. Тоже нет. Смотрителем детских аттракционов. Нет. Продавцом сладкой ваты. Нет. Дворником. Пришел отказ.

Мужская скупая слеза скатилась по моей щеке – самые «рыбные» места для светлых были не для меня. Я чистил зубы и грустно смотрел на свое отражение в зеркале ванной. Никто и никогда меня толком не спрашивал, кем в этой жизни я хочу быть. Решали там, на небе, и только то, что будет

полезно моей душе. В общем, булочником я так и не стал. А жаль. Свежевыпеченный хлеб и кофе были моими легальными наркотиками в этой жизни. Запах ароматных булок, круассанов и кофе всегда сбивал меня с ног, не мог спокойно пройти мимо кофейни, неведомая сила всегда засасывала меня внутрь, не важно, что за погода была на улице - летняя жара или зимняя стужа, мой организм в любое время дня и ночи мог принять в себя булку и чашку кофе. Хвала небу, что оставило нам наши маленькие радости на этой планете, не смотря на то, что мы должны постигать тут жесткие жизненные уроки, всегда есть повод выпить кофе, сожрать круассан и чуток оттаять душой. Нам всем просто крайне необходимо оттаять душой.

Я собирался на совершенно обычную работу, ту, на которой работают тысячи трудяг в Москве, ту, которая не похожа на красочную открытку. Что тут бродить тут да около, если станет каждому понятно, что я, целиком и полностью был не лучше мышки- полевки. Сер, незаметен, мал. Не отвечивал в энергетических битвах. Так, подавал патроны. В лучшем случае для стороны зла я был невзрачной, ничего не значащей пешкой. На меня и сил то тратить не хотелось, так, пшик один. Тем страннее события, следовавшие тем утром, когда я собирался на работу. Ничего не предвещало, как говорится, и вот...

Глава 3

Эх, где бы мне найти настолько большие и крепкие крылья, чтобы в любую секунду опасности они меня уносили прочь от моих тревог и забот? Эх, где бы мне найти их? Я был слаб, сер, неприметен. Я жил свою маленькую жизнь, не встречая в траблы. Я не был монахом, молельником, праведником, святым. Единственное, что во мне было хорошего - я был очень предан Богу. Я любил Его, всегда любил. Молился, как мог. Старался творить Иисусову молитву. Читал жития святых, сопоставляя свою маленькую незаметную жизнь с их подвигами, ужасался своим грехам. Читал акафисты. И даже на секунду, на долю секунды, на одну сотую ее мне не приходило в мою бедную голову, что очень скоро я попаду в эпицентр борьбы Добра и Зла. Что очень скоро мое имя появится в списках темных на первом месте в графе «Враг номер один». Что очень скоро я перестану принадлежать самому себе, потому что я полностью буду служить Богу и Ему одному. Очень скоро мышка- полевка превратится в огнедышащего дракона с крестом на спине, раздирающего зло в клочья, встающего огненной стеной для защиты добра. Очень скоро в мою спину полетят стрелы, мечи,

штыки, пули, бомбы, но не смогут нанести мне и царапины. Очень скоро моей силе позавидуют живые и мертвые. Очень скоро я стану верным орудием в руках Божиих, и никто, кроме Него самого, не сможет остановить меня. Огонь внутри меня невозможно будет потушить, потому что он нерукотворен. Пламя, разгоревшееся внутри меня, сожжет темных, превратив их замыслы и дела в пепел, развоплотив их души навеки. Очень скоро я увижу, как целые полчища тьмы провалятся в тартар и уже никогда сюда больше не вернуться. Мне доведется узреть жалкий бесславный конец тьмы, над которым можно будет только посмеяться. Тот, кто хотел править миром, будет скрежетать зубами от бессилия в вечном огне, ибо мир этот принадлежит Богу, и только Ему одному.

Глава 4

В то утро я, как обычно, почистил зубы, умыл лицо, брызнул на себя дорогими нишевыми духами, которые подарили добрые коллеги и которые пахли, как моча собаки из подворотни, надел свой красивый костюм, взял кейс и вышел за дверь. Стояла та самая тревожная пора августа, когда солнце уже выполнило свой план, испепелив город за два первых летних месяца, и теперь чиллило, попивая на шезлонге вкусный коктейль, и изредка, приподнимая свою летнюю шляпу, посылало лучи на наш Москвабад. Из-за организовавшейся внезапной прохлады москвичи выдохнули, привели себя в чувство, и погрузились в этот же чилл. Томный августовский воздух, отсутствие каких-либо срочных и важных дел, приторно сладко-горькая-тоскливо-курортная атмосфера на набережных и парках делали свое дело: все знали, что этот чилл ненадолго, что скоро придет сентябрь, порадует десятком бабьих солнечных дней, если повезет, и почти сразу наступит холодная тоскливая осень, а за ней ужас беспросветной зимы, этот холод, этот снег, это уныние...бррр....Поэтому москвичи чиллили, чиллили, как в последний раз, пытаюсь надышаться августовским воздухом, распахать этот воздух по карманам, как вор в магазине, пытаюсь впихнуть невпихуемое, удержать то, что уже начало просачиваться сквозь пальцы; пить ароматы августовских томных роз, цветущих отчаянно, безудержно; провожать оранжево-малиновые закаты; забирать, выпитывать все это августовское дыхание в себя, как в последний раз, как в последний раз. Еще не время прощаться с летом, еще не слышна агония осени, но август уже горек: на дне золотого бокала самого сладкого, самого томного его вина тебя ждет

разочарование. Потому что рай на Земле не может длиться вечно. Здесь ничто не может длиться вечно, тренировочная база предназначена для того чтобы на ней проливали кровь, пот и слезы, а не для того, чтобы здесь кайфовать always&forever. Многие пытаются обосноваться здесь так, как будто они тут навсегда. Это смешно, как если бы бабочки-однодневки начинали строить себе дома из камня, едва родившись, и подавали документы на оформление паспорта. Здесь всего лишь чистилище, место, где душу трут между двух ужасных жерновов, чтобы снять с нее все грехи, все наросты, все уродства. Все зло, что было сюда притащено из прошлой жизни, все, что успело налипнуть в этой. Да, больно, да, неприятно, но крайне необходимо. Без этой чистки в Рай не попадешь. А в ад мы не хотим, спасибо, кушайте сами. Поэтому, все, что остается делать – терпеть. Терпение – единственная добродетель, что нам остается в последние времена. В том, что последние времена уже наступили, я ни капли не сомневался, проходя мимо детской площадки с матюгающимися детьми и утонувшими в своих телефонах, ничего не замечающими, взрослыми. Мы все похожи на мальчика Ваню, которого Баба-Яга засовывает в печку. Как, в какой момент мы не заметили, что мы сидим, уткнувшись в свои смартфоны, на большой лопате, в которой нас засовывают в печь, в самое пекло, в страшный огонь? Почему ни до кого, кроме горстки бодрствующих, никак не может это дойти? Почему для некоторых уже поздно даже кричать «караул», почему души спят беспробудным сном? Где мимо нашего внимания проскочил тот момент, когда на нашу прекрасную планету окончательно просочилось зло? Где мы все были?! Сидели в телефонах, листали бесполезные веселенькие секундные видосики, чтобы не знать, не видеть, не чувствовать, чтобы не жить эту жизнь, а чтобы она жила нас. Уж как-нибудь. Лишь бы не чувствовать боль. Не прилагать усилий. Лишь бы не чувствовать себя отверженным, никчемным неудачником. Лишь оно как-нибудь само. И оно само, оооо, поверьте, как нагло, нахраписто и быстро оно само – и вуаля, половина ада у нас! И если бы не монахи, праведники, отшельники и святые – сюда бы приперся тартар целиком. Мы держимся, пока за нас молятся наши старцы, пока наши православные бабулечки в полуразрушенных храмах в заброшенных деревнях стоят и молятся за Россию и весь мир. Вы даже и на долю секунды не можете себе представить, сколько весит слово таких бабушек, и как их боятся бесы. Чего стоит взгляд настоящего старца, у которого окормляются сотни людей, и как его трепещет тьма. Вначале было Слово. Молитвенное слово держит Россию (а с ней и весь мир), и никогда не даст ей упасть. Пока в далекой деревне бабулечка в белом платочке, еле стоя на больных

ногах, шепчет слова литургии в деревянной старой церквушке, насквозь продуваемой ветром, пока старец в монастыре без усталости 24/7 принимает своих чад и отпускает им грехи после исповеди, нас не сломать, нас не перебить, нас не уничтожить. Выстоит земля русская, посрамятся вороги.

Глава 5

Каждый из нас должен думать, как бы не добавить своего зла ко всеобщему. Захотелось разгневаться, накричать на кого-либо – закусите губу. Можете до крови, я разрешаю. Лучше рана на теле, чем рана на душе. Идите сожрите что-нибудь. Побеждайте страшный большой грех мелким грехом, если нет сил на борьбу. Лучше сожрать кусочек горького шоколада в пост, чем накричать на мать, отца, детей, жену, мужа. Да на любого человека. Осуждение и гнев весят намного больше и влияют на душу в миллион раз страшнее, чем мелкое глупое чревоугодие. Даже если идет пост или вы на диете, есть способы заткнуть свой гнев: «Иногда лучше жевать, чем говорить». (с) Шрамы на душах ваших детей, супруги, мужа или родителей после ссоры с вами могут никогда не зажить. А ваш желудок отлично переварит несанкционированный бургер или жареную картошечку после 18:00. «Разделяй и властвуй» (с) – тщательно фильтруй все, что ты говоришь или делаешь, особенно в отношении других людей. Держи себя в руках, не позволяй внутренним демонам разрушить свою жизнь и жизни близких и не очень людей. Молитва, пост и причастие – вот что освобождает от темных, вот что разрезает цепи, вот что делает светлым твой путь.

Ничто не предвещало этим томным августовским утром. Я позавтракал арбузом – говорят, они особенно хороши в августе. Я вышел из дома на солнце, которое устало пепелить столицу России за два летних месяца и немного успокоилось. Внутри себя я продолжал «читать лекцию» всем людям, я шел и разглагольствовал внутри себя, каким же именно способом нам всем нужно спастись. Глупое, глупое фарисейство, ведь спасти в первую очередь нужно самого себя. «Спаси себя сам и около тебя спасутся тысячи» (с). Я знал, я ведал про это, я вовсе не был так глуп. И все же, и все же, каждый раз объяснял сотням и тысячам невидимых людей в моем подсознании, как лучше всего нужно спастись. Знаю, это было достаточно наивно и самонадеянно с моей стороны – читать в моей гулкой голове лекции по спасению души, в то время как моя душа, в общем то, была не очень-то и спасена, но я не мог этого избежать. Я

шел по улице, размахивая кейсом, и в то же время внутри себя проповедовал. Глупее ничего и представить то невозможно, но я жил так, как умел. Внутри мышки- полевки проворачивался огромный бурый медведь, и я уже практически ничего не мог с этим сделать. Аура. Аура, будь она неладна. Аура выдавала меня. Разумеется, я нацепил на себя какие-то отрепья на днях убитого серого засранца, но моя аура пробивалась жизнерадостной радугой сквозь это дерьмо, и как я ни старался, я ничем не мог ее заткнуть. Мне не хотелось лезть на рожон и организовывать на ровном месте сражение, отстаивая перед темными мой новый уровень, но отовсюду в моей жизни торчали белые нитки, было понятно и ежу, что я не тот чувак, за которого себя выдаю. Москва регламентировалась несколькими великими светлыми, за каждым из них был закреплен свой район. Я знал это, я не высовывался. Чтобы тебе под твою ответственность выдали хотя бы улицу, нужно изрядно повоевать. Я же был штабной крысой, так, в голове моей проходили электроразряды по поводу планов темных и светлых, но это все, чем я мог, собственно, похвастаться. Я не был воином, я не был великим, я читал бесконечные лекции о спасении мира в моем мозгу, который любой серый или темный с готовностью обозвал бы бредовыми, и я даже с точностью не могу сказать, что за этим стояло: очередная моя искренняя и глупая попытка спасти мир или гордыня? Почему я решил, что могу спасти других, если сам еще не был спасен, и находился в том же самом чистилище по имени Земля, что и они? Но «если звезды зажигают – значит это кому-нибудь нужно». (с) Итак, это утро ничем не отличалось от других таких же утр. Солнце светило ярко, я был в приподнятом настроении и особенно бодро вещал в моем мозгу незнакомой публике, как действительно нужно спастись, и что для этого нужно сделать. Я был сапожником без сапог – я знал, что нужно делать остальным, чтобы спасти свою душу, и очевидно допускал неприятные промахи и ошибки в бесконечной войне, которую вели против меня темные. Как полевая мышь могла привлечь к себе внимание темных? Чем я смог навлечь на себя бесконечный энергетический пресс? У меня нет ответов на этот вопрос. Я знал одно: полевая мышка должна добежать до финиша во что бы то ни стало. Полевая мышь должна пересечь финальную линию, она должна вытерпеть все невзгоды, падающие на ее голову, она должна выдержать. И каждый день я перебирал лапками. Я бежал к моему финишу, я знал, что я должен туда прийти «со щитом», а не «на щите». Я старался, правда. Бог видит, я старался.

Глава 6

Это утро не было чем-то особенным. Оно оставалось в ряду таких же августовских прохладных утр, когда страшная летняя жара уже спала, а равнодушный сентябрьский холод еще не наступил, осень прятала за пазухой свои кинжалы – октябрь и ноябрь, а зима еще даже не подпилила свои ледяные ногти – сосульки, чтобы воткнуть их в зазевавшихся прохожих. Август – всегда был последней тихой гаванью перед испытаниями. И я ценил его за это. Легкая нотка грусти, слабый привкус легкого депрессивного ветра на губах, сладость последнего тепла, уходящие летние надежды и весенние мечты и планы – все это было смешано в августе. Знающие люди пили его, как выпивал зашедший на огонек чужестранец в баре с мягким теплым светом под тот самый медляк, который спустя десятилетия бередил душу – с чувством, с толком, с расстановкой. Сладость обволакивает, но горечь тоски на дне стакана не дает расслабиться, август всегда имеет тебе что сказать, август всегда прав. Взмахнет изумрудным крылом с терпким сладким тоскливым ароматом, и поминай как звали, и беспощадная осень заступит в свои права, с которой, в общем – то, не забалуешь. Я знал это. Я ненавидел осень, а осень взаимно меня. С зимой, как ни странно, было легче смириться. Осень вынимала всю душу своей тоской, а зима – ну тут уж, снег так снег, мороз так мороз, белое забвение, сонная ледяная стабильность – ничего особенно не менялось в моей жизни. Но эта роковая рыжая тварь, приходящая сразу после летнего Рая... Она заслуживала того отношения, которое я к ней питал. Пушкин строчил осенью как не в себя, Пушкин, друг мой, как же так, на чем ты сидел, отсыпь и мне немного... Каждый раз, когда я думал об осени, внутри меня кто-то одергивал: «Прекрати, всего лишь 30 августа. У тебя есть еще 2 дня на веселье. Целых два дня. Ты не имеешь права ныть». Да, всего лишь два дня до того момента, как кто-то на небесах дернет рубильник, и на землю посыплется все эти страшные золотые листья – конец всему, конец мечтам, конец надеждам, конец легкому летнему вайбу. Конец лета всегда был для меня тем, с чем я справлялся трудом. Врата летнего Рая захлопывались напрочь прямо на моих глазах, а я стоял, молча смотря на это. Неизбежность – вот что всегда скрывается за концом лета. Неизбежность холода, ушедших надежд, разбитых мечтаний, страданий и мук. Как всегда, как в первый раз, я удивительным образом заставался осенью в врасплох, еще ни разу я не был морально готов к этому. Как коммунальщики не готовы к первому снегу, каждый раз он вызывает у них истовое удивление: «Надо же, выпал! А мы

и не ждали!», так и я не был готов к листопаду, бесконечным дождям, туманам, черным ветвям деревьев, раскинувшимся, как ножки паука над головой; серой леденящей тоске - этому вот всему. Был бы девчонкой, заварил бы себе горячий вкусный кофе, сел бы на подоконник, закутался клетчатым коричневым пледом, да так и просмотрел бы в окно до весны. Все равно ничего хорошего не произойдет. Но мы, мужчины, должны лишь сурово сдвинуть брови от этих страшных холодов, да сжать губы, обветренные настолько, что каждая неумело содранная корочка на них влечет кровопролитие на весь подбородок. Но настоящие мужчины не пользуются гигиенической помадой, ведь тогда их могут обвинить в чем угодно. Настоящие мужчины ходят зимой с губами, на которые физически больно смотреть, и каждый внезапный смех или неожиданная улыбка может закончиться кровавым фонтаном. Русских суровых мужчин зимой веселить опасно.

Глава 7

Каждое лето мой внутренний счетчик дел стопорился от осознания того, что время вышло, а я остался с невыполненным огромным списком. Я мог бесконечно загибать пальцы, чего я не успел. Я не успел толком искупаться, позагорать вволюшку, поездить на всех видах гидроциклов, с криком скатиться с водных горок, томно гулять теплыми ночами по центру Москвы, кормить лебедей и уток в ближайшем парке, носить легкие шорты абсолютно дурацкой кислотной расцветки, и в них же и купаться, смотреть профессиональным взглядом пикапера поверх черных очков на молоденьких московских чиккуль. Я не успел все. Все я не успел этим летом. И сейчас я вынужден смотреть в спину уходящего августа и лишь сжимать кулаки от несправедливости жизни. Быстрое - как мороженое на горячем куске шоколадного хлеба - исчезает мгновенно. Исчезает и оставляет горечь разочарования, что не успел вкусить, не успел распробовать, все остальные успели, а ты нет, вот осёл-то, осёл...

Никогда не завидовал людям, которые находят развлечения по нраву на этой планете и делают их смыслом жизни. Я - не мог, меня тошнило от одной мысли о сливе всех жизненных сил в одну корзину, а они умели, могли и видели в этом смысл жизни. Все эти развлекатели себя всех мастей едва ли знают, что в аду есть специальные отделы для любителей

хоккея и футбола, шахмат и поп-музыки, рокеров и реперов, что есть места для пивных алкоголиков, для фанатов фэшн, пригубливающих просекко в дорогих салонах, для профи рыбалки, для мастодонтов видеоигр, для потерявших голову на увлечениях богатых и бедных, для сдвинувшихся на играх вдовцов и разведенных, для всех, кто производит контент и подписан на OnlyFans и Pornhub, для всех – всех, кто поставил во главу угла развлечение, для всех, кто забыл про Бога. Никто из фанатов «невинного» футбола в жизни бы не подумал, что он может стать причиной непрерывного горения в огненной реке, где сидят эти бедолаги по шею с такими же рьяными фанатами. Нет большего энергетического слива энергии, чем футбольное поле: место, где орут, кричат, испытывают негативные эмоции, где вампиры могут сожрать здоровье и силы бедолаг-болельщиков и подзарядить себя на годы вперед. Я уже молчу про сложные схемы подпитки мировых событий, которые подгадываются под чемпионаты мира. Подложили организаторы пентаграмму под стадион – и вот уже миллионы болельщиков кричат во славу чего...? Совсем не плохо уметь играть в шахматы, плохо сходить с ума, мечтая обыграть всех и каждого. Здорово иметь любимую футбольную команду, или играть самому, плохо зависеть от футбольных матчей настолько, чтобы в вечер трансляции не забрать жену из роддома. Классно читать реп, плохо употреблять наркотики и петь об этом в каждой песне наивным подростком до той самой поры, пока темные не решат закончить твою жизнь «самоубийством». Каждый думает, что чтобы попасть в ад, нужно совершить минимум убийство. И никто не может взять в толк, что страсть, возводимая на первое место без памяти о Боге есть ничто иное как поклонение мамоне. А служить Богу и мамоне одновременно невозможно. Невозможно, ребят. Мне было искренне жаль всех страстных людей. Они думали, что распоряжаются своей жизнью, в то время как все они плотно сидели на крючке собственных страстей.

Я же, развлекаясь, всегда чувствовал себя максимально неуютно. Да что там, я себя чувствовал, как дебил. Ох уж эти развлечения. На каждой вечеринке мне казалось, что я сейчас максимально глупо прожигаю свою жизнь, и единственное, чего мне на самом деле хотелось – свалить немедленно. Да, я не употреблял и капли алкоголя, но любой тусовщик, наблюдающий за развитием вечеринки с бокалом апельсинового сока, в ужасе сбежит оттуда, недоумевая, как он мог находиться в обществе этих людей годами, да что там, даже přátельствовать и дружить с ними. Трезвый пьяному не товарищ, праздный и ленивый человек усердному

труженику не по пути. Нам на этой планете дано всего два дела: работать и любить. Отдыхать тоже нужно, но в меру. Русский же человек, как правило, не знает меры. Купаемся - так до посинения, ржем до колик в животе, жрем фастфуд до язв желудка и лишнего веса, братаемся до драки, любим до драмы, грустим до клинической депрессии. Мы невоздержанны в своих чувствах, своих желаниях. Мы рабы удовольствия. Мой мозг контролировал в этой жизни все и вся, но он один не мог повернуть движение этой планеты вспять. Я не был не то, что святым, я не был праведником, я не был даже его тенью. Я не был идеально хорошим человеком. Я не был даже человеком, полностью контролирующим свою духовную жизнь. Жалкие попытки были, но мои страстишки нет-нет, да и давали себе знать. О, эти несчастные, яростно осуждающие алкоголиков, сами полностью погрязшие в видеоиграх. Они видят чужие цепи, не замечая собственных кандалов. Хвастаются тем, что свободны, сами не в силах пошевелить даже большим пальцем правой ноги, потому что бесы их держат крепче крепкого. Это самое страшное - объявить себе и всему миру, что ты безгрешен. Тогда счет жизни идет уже на дни и часы, тогда ты обречен. В сжатый кулак невозможно ничего положить, такому человеку бесполезно что-то объяснять. Но Бог дарует свою милость и шансы на спасение всем. И таким тоже. Главное, ухватиться за последнюю соломинку, и не дать вас убедить бесам, что будут еще. Могут и не быть. Терпение Бога не бесконечно. Мы все находимся под Его властью и трепещем, ожидая Его решения.

Глава 8

Итак, это августовское утро не предвещало ничего особенного. Я шел по набережной Москва- реки, размахивая кейсом. Несколько раз меня чуть не сбили парочка сумасшедших на электросамокатах на дикой скорости, я все ждал выхода закона, ограничивающего передвижение этих безумных в пешеходных зонах, но Собянин медлил. Так же, как и медлил мэр этого города ровно через сто лет, когда уже наконец изобрели левитирующие одноместные. О, сколькими авариями в воздухе было чревато это промедление! Все-таки, полностью заняв воздушное пространство Москвы, все эти одноместные и многоместные остались без светофоров! Я горько подумал, что Высшие меня всегда запикивают в прошлые жизни. Ну, там, где максимально отсталая культура, наука и техника. Здесь, например, в 2024 году, народ все еще заправлял свои тачки бензином, и это было, если честно, дико неудобно и

смешно. Да что там, у тачек были колеса(!) и передвигались они исключительно по земле. Водители привычно костерили плохие дороги, гаишников и дураков. Но что было делать? Я сам себе жизнь не выбирал. А если учитывать хвост из моих грехов и косяков из прошлых жизней, я не имел права даже заикаться об улучшении той эпохи, в которую меня внедряли. Я был агентом 007, про меня знали высшие и не имел понятия ни один из ныне живущих на планете Земля. Я был максимально неуловим (по крайней мере, я надеялся на это, холил и лелеял мою мечту). Задача передо мной стояла максимально четкая: я должен был приблизить победу светлых на планете Земля. Не самая сладкая работка, учитывая то, что эта, некогда голубая планета, стояла последней по иерархии планет перед Адом. То есть, чуть-чуть не Ад, и ой, как далеко, не Рай. Живущие здесь об этом не задумывались, как равно и о том, за каким их тут всех воплотили. Жили в свое удовольствие, пока по ним не звонил колокол. И, судя по обстановке, звонить стали все чаще. Войны, катастрофы и природные катаклизмы участились в наше время на столько, что у обывателя даже не приподнимается бровь, когда он читает эти страшные утренние новости за завтраком. Жахнуло не рядом, ну вот и ладушки, вот и день удался. Я жив - и ладно. А что там происходит на самом деле - не наше дело, не наше, нос туда не суем, дрожим за свою дорожную шкурку. Но если бы засунули. Если бы спросили себя: «Какого хрена это все происходит, и почему так участилось?», то ответ не замедлил бы себя ждать. Последние времена. Последние времена размахивая черным флагом с костью и черепом, последние времена стоят на пороге, последние времена подсунули черную метку всем живущим, последние времена объявили о том, что они пришли. Что же делать? Не терять фокуса внимания на своей душе, молиться, исповедоваться, каяться в грехах, причащаться. Не ровен час, а то. Помирать без причастия ой как не хочется, те, кто читал Библию, и кто хотя бы мельком пробежался по рассказам переживших клиническую смерть, понимают, что на мытарствах нелегко. И дай Бог, там грязную душу отстирают, отшкрябают, как в мощной стиральной машинке, и она после этого, как после Великой Бани, пойдет в Рай, а ну как нет? как не получится? Или отстирают, но не сразу? Наши тутошные, медленно ползущие земные десятилетия и века - там несутся как взмах ресниц. Нет уж, лучше уж душу на Земле хранить чистой, чем потом так страшно мучиться. Нет, нет и нет, мы уж как-нибудь тут, без развлечений, но зато с чистой душой в белой рубашке. Никого не осуждаю, особенно душ, попавших сюда впервые. Новоприбывшие так склонны к греху. Так наивны, (а для темных, читай - «глупы»). Так хотят развлекаться. Так

беспечны. Хоть ты вериги мира перед ними надень и обзвонись в тяжелые колокола, что время пришло – все будут кружиться на бесконечных чертовых колесах развлечений. Эх.

Глава 9

И вот, все который раз я хочу рассказать, что же со мной произошло этим августовским утром? Что же, что же, что же...? Любопытство – не порок, как говорится, но как же оно жжет пятки. Как же хочется заглянуть за забор к соседу, в замочную скважину подглядеть за соседкой, ну хоть чуть-чуть попялиться в незанавешенные окна интересующих близкоживущих личностей, так, самую малость. Без этого не может обойтись ни один человек на планете Земля. Ах, вру, кроме святых и праведных, к которым, мы, конечно же, не относимся. Я знал, что звание отличника жизни мне не грозит, я знал, что за мной водились грехи, и в этой, и в прошлой жизни, а потому я был крайне осторожен. И внимателен. Потому что рано открывать шампанское в честь победы над грехом. Бес может преследовать добычу долгие годы после успешного изгнания его из тела, лететь на расстоянии трех метров, ждать той минутной, секундной слабости, чтобы вновь успешно занять потерянную когда-то дислокацию. Не расслабляйтесь! Вспомните бывших алкоголиков, по 10-20 лет не употребляющих, и спотыкнувшихся на одном маленьком глотке из бокала шампанского в честь какого-то невинного праздника! Они дали себя уговорить. Они были уверены, что змей повержен и можно расслабиться, о, как же они ошибались. Моя вина была в том, что я решил, что победил всех бесов, избавился от всех моих грехов. Попахивает гордыней, да? Безусловно, и эта сволочь тут замешана, без нее не обошлось. Но я и сам дурак, сам дурак, представляете? Решил, что меня больше не обмануть. Игры разума закончились, теперь я ого-го, теперь я на коне. Каково же было мое горькое осознание, что мой мысленный голос, дающий подсказки, и которого я почитал за голос ангела, оказался опять бесовским. Как же мне было больно, когда я понял, что опять, вольно или невольно, был игрушкой в руках темных, инструментом для этих тварей. Не так как раньше, о нет, они не смогли внедриться так глубоко, так, по мелочи, в течение месяца я сдавал позиции. И как охолощенный в -35 ледяной водой из кадки после русской бани, я вдруг понял все. И мороз продрал меня по коже. Я был в лапах тьмы, мною забавлялись вот уже месяц как, меня вели к гибели. Буквально 30 дней назад я был свободен, я был с Богом, я знал,

куда идти и что делать, и вот я опять по шею в грязи, сбитый с толку, обескураженный, убитый сам собой. Ну не тупица же я?!! Я же знал, знал, что ангелы не ведут со мной беседы. Со мной ведут разговоры лишь бесы, потому что мой фейс вывешен на всех их ублюдских тайных офисах, это обо мне ведутся бесконечные переписки, беседы и переговоры, это меня хотят на всех слоях существования низложить, уничтожить, убить. Но я перерождаюсь каждую жизнь всем назло. Каждую новую жизнь я живой и полон сил. Я просто жду свои корабли. Как только здесь, в этой Вселенной мне предоставят мои корабли, я больше не буду отчитываться ни перед кем, кроме Бога. Перед Ним одним я буду нести ответственность, Ему одному давать отчет. А так, пока я влачу здешнее жалкое временное пребывание, я вынужден терпеть их – всех тех, кто летит за мной на расстоянии трех метров.

Глава 10

Итак, осечка. Месяц я предоставлял доступ к моему мозгу этим тварям из-за одного мааааленького греха. Никогда не понимал, почему в Библии сказано, что не бывает маленьких грехов. И вот доперло. Даже один маленький грех предоставляет все ключи от кодовых замков моего мозга – бесам. И темные получают открытый доступ к моим мыслям. А там – расклад от временного умопомрачения и накала всех нервов до сумасшествия и суицида, разброс большой. Вспомнил про грех, исповедовал, ключи забрал. А осадочек-то остался. Выходит, после совершения греха человек теряет свою защиту от этих тварей. Нет, разумеется, ангел-хранитель пашет вовсю 24/7, и какая-то базовая защита остается. Но в ней появляется брешь. И, чем больше грехов, тем больше брешь. Вот так вот, мои дорогие, мои хорошие, десять раз потом подумаешь, прежде, чем что-то сказать или сделать. «Следи за собой, будь осторожен» (с). А я и следил. Ведь лучше разбить будильник булыжником, чем наблюдать его неестественное парение в пропасти, как сделал Паисий Святогорец. Если что-то идет явно не так, против законов физики, значит, вы глубоко в лапах врага. Бдите. Бдите и днем, и ночью. Бдите 24 часа в сутки. Лучше тут, на этой планете недоспать и недоесть, чем потом сгрехотать в ад. О, поверьте, я знаю, о чем говорю.

Моя маленькая жизнь не оставляла мне шансов на «жаление» себя. О, конечно же, очень хотелось пролить слезу над таким бестолковым существованием, пожаловаться кому-нибудь, что все шло совсем не так, как хотелось. Но я понимал, что глупо

жаловаться на себя самого. «Если бы нашли виновника наших бед и как следует отпинали его, то наш зад болел бы еще неделю» (с). Я знал, что во всех неудачах в жизни я был виноват сам. Своими мыслями, действиями, нерадением к молитве. Я давно бы получил свои корабли, но более ленивого, праздного, грешного и недостойного существа было бы трудно сыскать во всей Вселенной. Не знаю, почему небо терпело меня. Сам себе я категорически не нравился. Но нужно было себя любить, ибо «полюби ближнего своего как самого себя» (с) и я старался. Это необходимо. Мы никогда не сможем полюбить другого, прежде чем не полюбим сами себя. Очень хотелось понять, что являлось спусковым крючком ко греху, где я срывался, где сбивался с пути, где моя коса находила на камень? Ответа не было. Мы все здесь были как дети в саду, оставленные родителями, можно было заплакать и забиться в угол, можно пожалеть своих игрушек однокласснику и наслаждаться его плачем, можно начать проявлять агрессию и драться, можно было заедать сырниками свое горе, а можно было сесть и спокойно наладить мысленную связь с родителями и научить этому остальных. Отец у нас всех был всегда один, и имя ему было Иисус Христос. Выйти на связь было не сложно, нужно было лишь сосредоточиться. Что, собственно, я и делал. Всю жизнь я пытался выйти на связь с Богом и не спутать Его голос с подделками от темных. Не всегда мне это удавалось. Но я не отчаивался.

Можно бесконечно ныть, испытывая терпение окружающих, что все идет не то и не так. Можно бесконечно ждать лифта на первом этаже в толпе таких же страждущих и скучающих. А можно пойти на лестницу и преодолевать путь ступенька за ступенькой. Да, есть такой вариант, что вас обгонят те, что сейчас часами, днями и годами ждут свой лифт. Но есть так же, к сожалению, вариант, что они никогда его не дождутся. Наша жизнь – это преодоление. Преодолевайте ступеньку за ступенькой и не жалуйтесь. Наберитесь терпения: не вы создавали этот мир, не вам его поторапливать. И этот мир, и эта жизнь созданы вовсе не для того, чтобы мистер Пупкин или мадам Верещалкина, то бишь вы, были в нем счастливы. Да, вас закинуло сюда, на эту планету, да, тут не сладко, но никто ведь вам и не обещал сахар? Так чего же вы ноете? Было бы гораздо хуже, поверьте мне, если бы вы сгрохотали прямиком в ад. А так, это последняя планета перед адом, в меру ужасна, в меру прекрасна, да, она образцовое чистилище, но что с того? Вы не должны ныть и клеймить судьбу, что попали сюда. Вы должны радоваться, что вас не закинуло еще ниже, хотя могло бы. Могло.

Глава 11

Наблюдая бесконечные войны, что ведутся на поверхности этой планеты, всю несправедливость, кровь, убийства, жажду наживы, блуд, насилие, ложь, гордыню, превышения власти, хочется закрыть глаза и представить, что все это страшный сон. Но мы никогда не можем понять весь замысел Бога, он просто непостижим для человеческого мозга, и все, что нам кажется жесточайшей несправедливостью, входит в Его Божественный Замысел и все служит ко благу. Единственная цель Бога – спасти наши души, и мы не должны примерять земную логику и справедливость для суждения о событиях в мире. Мы носимся, схватив наши маленькие линейки и штангенциркули, силясь измерить неизмеримое, падаем ниц от усталости, но даже не на йоту не приближаемся к Нему. Святые праведные старцы, живущие в монастырях по всей Руси, молящиеся днем и ночью, максимально близки к знаниям о Божьем замысле, а посему могут и имеют право пророчествовать о судьбах России и всего мира. Но мы нашим скудным человеческим умом не можем понять всего Божественного размаха действий вокруг нас. И если мы начинаем судить события нашей человеческой логикой, мы непременно попадаем в сети лукавого, ждущего 24/7, чтобы мы возроптали и осудили Замысел Всевышнего. Чего делать ни в коем разе нельзя, ибо тут же мы и отпадаем от Бога и предоставляем рогатым брешь в нашей защите для действий против нас. «Да будет воля Твоя, а не моя, Господи» (с): эта фраза – универсальная защита от этого вот всего.

Самое опасное после очередного прегрешения – это уныние. Как только ты понял, что опять и снова «Акелла промахнулся» (с), хочется опустить свою голову на большие лохматые лапы и завывать на луну. Этого делать нельзя ни в коем случае, ведь уныние, последний ключ темных, открывающих для них двери души, ждет вас 24/7. Да, нужно взбодриться. Вскочить, как румяный спортсмен после ошибки на соревнованиях – бодро, свежо, пружинисто: мол, вам не взять меня, обломаете свои клыки. Не всегда мне это удавалось. В смысле, бодро. Чаще всего старой облезлой раздолбанной уставшей измученной потерявшей всякую надежду клячей я еле-еле заставлял себя встать после очередного падения. Но, Слава Богу, поднимался. Мне есть чему радоваться, ведь я видел множество тех, кто не смог. Они все погибли душой, и конец их был ужасен. Не мучайте себя, не нужно делать изо всех сил вид, что вы бодры, свежи и полны энергией – ведь на эту показуху уйдут еще силы, и не малые. Вставайте медленно, держась за стеночку. Если не получается – ползайте, пока не найдете какой-нибудь уступ,

хватаетесь за него и потихонечку поднимаетесь. Мы тут не на соревнованиях, тут все гораздо хуже, тут происходит нечто очень важное, самое важное, для чего мы все здесь, на этой планете, появились: мы тут спасаем свою душу. Так будьте достойны этого. Трудитесь, держитесь, вставайте. Не будьте безвольной биомассой, разлитой по полу – вы носите достойное великое звание Человека. Я верю в вас, вы сможете подняться.

Глава 12

«Упаду 100 раз, поднимусь 101, обломаетесь, темные твари», - думал я, лавируя в бесконечном потоке машин: столичный улей был полон раздраженных жужжащих пчел. В каждой голове сидящего в авто, неважно, последней марки или в жестяном корыте, в голове по кругу крутились одни и те же мысли. Большинство думало все те же заезженные пластинки песни раздражения, что еще с вечера так заботливо были поставлены для них бесами. Лишь часть, прочитавших утреннее правило, могли избежать этого. Но общий фон нетерпения и ненависти, как грязные волны, докатывался и до верующих. Маленькие автомобильные иконки (как их ни высмеивают нелюди) спасали от этих волн, да жаркая молитва. Каждый из нас вынужден был взаимодействовать с этим миром 24/7 – этим раздраженным, агрессивным, злым миром, потому что мы не могли уйти в пустыню и запереться там в своей келье. Разумеется, каждому этого бы хотелось, но только истинно верующие понимали, что там искушений может быть много больше. В миру бесы действуют через окружающих людей, в пустыни они являются к молитвенникам лично. И только горячая молитва к Богу может изгнать их. До следующего раза. Мы все находимся на передовой. Наши огненные рубежи, кроме нас, защитить некому. Так что мне не оставалось ничего другого, как молча ехать в одной из машин в бесконечных потоках раздражения этим августовским утром.

Самое основное – понять, что ты ничем не лучше других. Да, ты опытный сапер, но даже опытный сапер не бежит беспечно в одуванчиковое поле, крича, что он познал истину. Да, интуиция великая вещь, но сапер не доверяет ей. Хуже: сапер не доверяет сам себе. Как успешно трезвый, вот уже десятки лет, бывший алкоголик все еще не верит себе. И потому все еще трезв. И потому все еще жив. Мы должны научиться не доверять себе. Наше ветхое тело подвержено страстям. Пришел с работы, еле держишься на ногах, а спать без молитвы нельзя, и ты прекрасно знаешь об этом. Диван манит тебя всеми своими

пухlostями, и ты думаешь: «Прилягу на 10 минут, ничего же не случится. Я же знаю, что нельзя спать без молитвы. Я же умный, я сильный. Я точно не усну. Я. Точно. Не. Усну». И вот, в три часа ночи, абсолютно ошалевший, разбитый, с больной головой, с немедленно внедрившимися всеми видами лярв и вампиров под кожу, ты просыпаешься с больной совестью. Кто виноват? Ты. Кого винить? Себя. Кому ты опять зря доверился? Кому ты поверил? На кого вознадеялся? И проиграл. Потому не доверяйте себе. Касается ли это дело куска торта в ночи, или «маленькой рюмочки» на посошок, или случайного массажа, или нелепо засунутого в карман телефончика от пышногрудой блондинки, по которому ты, женатый человек, конечно же, не планируешь звонить – не доверяйте себе. Все виды искушений крутятся чертовыми колесами вокруг твоего мозга круглосуточно, не верь себе. Не доверяй. Вера, память о Боге, железная дисциплина – только это и спасает. Тело тленно, тело хочет развлечений, есть и спать – не доверяй себе, пока ты в нем. Душа свободна от всего этого дерьма, но облегчение будет только после смерти, поэтому потерпи. Хотя, кому то, конечно, и облегчение, а кому-то верная гибель. Но, не будем об этом, не нам судить, мы можем отвечать только за свои грехи и печься о своем спасении.

Глава 13

Жаркое августовское солнце с горьким привкусом конца лета ласкало москвичей своими лучами. Москвичи были не свободны, но своей несвободой маялись лишь единицы. Остальные привыкли к тому, что мир захватил их жалкие тела, мир правил балом в их судьбе, а они наивно предполагали, что влачат свою, такую родную и материальную жизнь, совсем не являясь кормовой базой для темных. Чушь. Большинство крутились в экосистеме тьмы, разумеется, за исключением тех, кто успел уверовать. Тьма наступала, а я к этому не был готов. Впрочем, как всегда.

Открою секрет – я был ленив. Я был ленивее, чем все люди планеты Земля, вместе взятые. При этом я был мега продуктивен. Я старался делать все с первого раза, просто потому что мне было бы лень переделывать. Я казался успешнее многих активных «достигаторов» по одной простой причине: я надеялся, что вон там, за поворотом, после миллиарда переделанных мною важных и срочных дел, забрезжит диван, на котором мне дадут, наконец, со спокойной душой отдохнуть. Моя душа жаждала отдыха. Я бежал за этим сладостным

перерывом, как ослик за морковкой, которая привязана к его носу. О, как же превозносили мою продуктивность те, кто не знал эту мою страшную тайну! Лень. Лень правила балом, и именно из-за нее я выработал такую стратегию – делать все дела вместе и сразу, чтобы эта сволочь не успела мне сделать подсечку и пододвинуть диван. Я почти победил её. Ах, вру, мы все еще сражались на равных: иногда меня вырубало без молитв после сложного дня, когда я хотел всего лишь прилечь на 5 минут, эта дрянь все так же стабильно делала мне подножку. Они не меняют свои тупые методы веками, если эти методы работают. Будьте мудрее. Будьте сильнее этого дерьма. Я прекрасно знал, что засыпать без вечерних молитв нельзя, и я же предавал себя почти каждый вечер, вырубаясь на диване за пару секунд, уговаривая себя, что я «только полежать». О, как мы предаем себя каждый день! Мы сами – первые враги себе, главные предатели.

Я выработал свою стратегию, и она помогла мне добиться огромных высот в профессии, но я знал, знал, что на расстоянии трех метров за мной гонится моя лень. Всю жизнь. Всю жизнь 24/7 она преследует меня, готовая каждый раз сесть мне на голову при малейшей остановке, чтобы испортить мою продуктивность, мое будущее, мою жизнь. Я чувствовал ее спиной. Лень. Врага нужно знать в лицо, и я знал его. Не нужно недооценивать те разрушения, которые эта мразь готова навести в вашей жизни. Она гнездится в недельном бардаке, измазанном майонезом джойстиком видеоигр, невымытой посуде, несданных проектах, пролетевших дедлайнах, опозданиях на собеседованиях, сорванных мероприятиях, обнулении всех возможностей. Она отсекает желание жить железным секатором. Она – мать уныния. А уныние ведет к самоубийству. Нужно всегда помнить о силе врага, никогда не жалеть себя и всегда давать ему сдачи. Лень.

Глава 14

Август замешивал свое настоявшееся летнее вино, чтобы напоить допьяна тех бедолаг, на головы которых еще не успело упасть дамокловым мечом ожидание осени. Август веселил, как в последний раз, но мы все знали, что это лихорадочное, шутовское веселье – перед гильотиной, и на дне его бокала с игристым вином лежит горечь. Я все знал про себя. Я не был Пушкиным, осень не являлась для меня источником вдохновения. Я знал, что меня ждет длительная осенняя агония. Такая мрачная, выжигающая душу, что в ноябре я обычно

уже истошно молился о первом снеге, чтобы замело уже на фиг все мои ожидания, все надежды. Весна щедро отсыпает сладких мечтаний и грез, лето русский человек пребывает в эйфории, и только осень заставляет составить смету, чтобы зимой заплатить по счетам. Осень подводит итоги наивной весне и беспечному лету, осень дает понять, что человека ждет чистилище зимы, осень врывается в сердце, холодит душу. Осень.

Но я был тоже не лыком шит. Я боролся до последней капли крови с врагами, всеми моими грехами, плохими обстоятельствами моей жизни, с сезонами. Я не был самым лучшим бойцом, это правда, но никто не посмел бы сказать про меня, что я – «сбитый летчик», или что я сложил лапки. О, нет. Я предпочел бы погибнуть в бою, чем сгнить от страха и бездействия. Я делал хуки врагам с правой и левой даже во сне. Мой удар ноги был способен пробить дыру в каждом из них. Я боролся 24/7, каждую секунду моей жизни. Я не был повержен, нет. Возможно, грустил из-за этой рыжей стервы, осени, как и все мы. Но я был все еще в строю.

Право слово, ведь кто-то же на планете Земля обожает осень. «Да,- хмыкнуло внутри,- возможно, в Сочи или Майами ты бы тоже любил осень. В Греции и Турции тоже ничего». Их легкая красивая жаркая осень с легкой ноткой грустинки в Arrogol Spritz не сравнится с нашей, ноябрьской, черной, мрачной, восставшей не хочу знать откуда. Счастливые люди, в солнечной жаре глядящие на горизонт с бокалом в руке, провожающие южное лето! А теперь загляните в глаза любого человека в России в ноябре, и вы там увидите черную Тоску. У человека может быть все хорошо, но эта дама прочно занимает место в душе, устраиваясь поудобнее с первого ноября и до последнего числа месяца, хрен выгонишь. Потому и ждут все белый снег, как спасения, потому и молятся о нем. Перепиши нашу жизнь заново, убели снегом наши грехи, отпусти нам все сделанное ведомо и неведомо, прости нас, Господи.

Глава 15

Я боролся иногда вслепую. Если меня выпустить на ринг, то-то бы надо мной потешались зрители: я бросал свои хуки налево и направо с напрочь зажмуренными глазами. Я боялся, я боялся открыть их и увидеть своих реальных врагов. Я не признавал их. Я не понимал, что нахожусь в замесе кровавой битвы, где воевать вслепую – значит похоронить себя, я не знал этого.

Глупо прятать голову в землю, как страус, если ты уже в самом эпицентре битвы за твою душу. Да-да, многие думают, что душа – то, что неотделимо от тела, она всегда будет с человеком, ведь никто не стучится ранним солнечным утром с контрактом на ее продажу. Да, это было бы глупо и неосмотрительно со стороны темных, ведь они тысячелетиями внушают, что их нет, просто не существует в принципе, и никогда не было. Никто не нападает на человека, никто не заставляет его грешить, все сам, сам, сам. Чушь. Так вот, проблема в том, что контракт можно подписать во сне, и в этом весь ужас. Нельзя нагрешить так, чтобы ваша защита ослабла настолько, чтобы эти твари приползли к вам во сне. И да, если это произойдет, если во сне будет предложение о подписании контракта на продажу души, такой сон вы запомните. Такой сон вы будете помнить всю жизнь, не забудете никогда. Такое невозможно забыть. Берите себя в руки, опрокидывайте чернила, рвите контракт, выкидывайте ручку, бегите. Бегите быстрее ветра. Вышибайте двери с ноги, опрокидывая мебель, расталкивая копытных и рогатых – бегите быстрее молнии оттуда. Вы управляете своей реальностью даже во сне. Не давайте заманить себя в ловушку. Вы сильнее этого. Выход даже из такого сна – есть. Если вы зашли в этот сон, значит, вы знаете, как оттуда выйти, ничего не подписав, оставив темных с носом. Если вас отправили на эту планету, Вы – боец. Вы непобедимы. Вы сможете справиться со всем дерьмом в вашей жизни. У вас останутся силы успешно противостоять тем, кто очень хочет купить вашу душу. Вы сделаете это. «Нет» говорить очень легко. «На «нет» и суда нет» (с), и вы прекрасно это знаете. Нет суда. Нет продажи души. Нет греха. Нет ада. Вся жизнь я был этакий Running man, я бегал греха. Искренние идиоты те, кто пытаются сражаться с каждым грехом, когда достаточно убежать. Чем вы лучше Царя Давида? Почему думаете, что способны мгновенно победить грех? Почему так уверены в своих силах? Почему так убеждены, что грех не затянет вас? В каком месте вы особенные? Зачем алкашу в завязке идти на день рождения, где совершенно точно будет бухло рекой, где всю ночь завидующие его решению и трезвой счастливой жизни «друзья» будут уговаривать его выпить, пока не добьются своего? Зачем хранящему свой брак и отчаянно сражающемуся с блудом идти по условной «улице красных фонарей»? Зачем знающему за собой грех осуждения садиться на обед рядом с главными сплетниками офиса? Зачем тому, кто болен гневом чувствовать, как взрывается его висок и не пытаться убежать от провокатора? Если вы знаете свой грех, зачем прётесь в то место, где он стопудово поднимет свою мерзкую голову? Стучите ему по башке молотком, отсекайте секирой, бегите тех мест, где в людях просыпаются грехи. Не

будьте так наивны, стечений обстоятельств не бывает. Бывает то, что ваши косяки отследили бесы и теперь у них «рыбалка» - вас ловят на удочку. Бывают искушения и то, как вы им противостоите. «Следи за собой, будь осторожен» (с). Плоть глупа, плоть ищет развлечений. Но у вас есть разум, чтобы ее сдерживать, у вас есть вера, чтобы получить помощь небес. Не унывайте, если вдруг оступились, ведь уныние связывает по рукам и ногам, тогда как вы должны быть во всеоружии до следующего нападения греха. Будьте мужественны. Боритесь. Сражайтесь, ибо цена высока. Ваша душа нужна Богу, ваша задача - в целостности и сохранности доставить ее пред Его очи, когда придет час.

Глава 16

Помните, что самое тяжелое время - перед рассветом. Ваша задача - дождаться его, оставаясь в полной боеготовности. Так думал я, вдыхая невозможно терпкий запах августа. Все-таки, август бережит даже несуществующие раны. Это же надо было создать такой месяц, на границе рая и той осенней тоскливой пустоши, которая идет за ним. Как гранатовый сок - и кисло, и сладко, и горько. Август - как вечер воскресенья, уже чуть-чуть испорченный привкусом понедельника. Люди, стонущие от понедельников, кстати, редко осознают, что захвачены тьмой в большей степени, потому что понедельник - день Архангела Михаила. Все эти адепты того, кого Архангел Михаил с его аггелами сверг на землю, никак не возьмут себе в толк, почему им так плохо в первый день недели. Я же, наоборот, стараюсь повернуть все свои важные дела в этот день. Все мои корабли выходят из гавани в опасное плавание по понедельникам. И плевать я хотел на ваши дурацкие языческие приметы, я верю в Бога, и не было случая, чтобы Архангел Михаил мне не помог.

Сегодня был понедельник, день Архангела Михаила, и я чувствовал его мощь. Это чувство невозможно спутать ни с чем другим, более ярко и сильно оно проявляется в дни православных праздников. В воздухе чувствуется мощная энергия, сильнее океана, способная поднять тебя над землей, напоить тебя живительной влагой, живой водой, которой так нам всем не хватает. Мы боеем не от болезней, а от того, что так мало божественной энергии осталось внутри наших тел. А ее остается так мало, потому что мы грешим non-stop и не каемся. Потому что врагу рода человеческого очень важно, чтобы мы не раскаялись в течение своей жизни. Ведь в таком случае нас можно утащить в ад легко и без усилий.

Я не был идеалом, я был грешен. В юности сильно грешен, сейчас же грехи приходили в виде помыслов, а это самая благодатная стадия, чтобы их убить. Пока грех всего лишь летает над вашей головой черным вороном, думая, как бы уместиться поудобнее на вашу макушку и свить там гнездо, самое время его мгновенно грохнуть одним метким выстрелом точно в цель. Это так просто и не требует усилий. Неизмеримо больше сил и времени потребуется, когда грех укоренился, пустил корни и даже заплодоносил. Тогда вполне может быть будет нужна помощь священника и отчитки на изгнание бесов. Путь будет труден и тяжел. Так не проще ли отмахнуться от самой первой мысли, от «прилога», как его называют монахи. Ну пришел и пришел, не ваш же, бесовский, отмахнулись и дальше пошли легкой походкой с расправленными плечами. Не мое – не беру! Не надо думать, что все мысли в вашей голове – ваши. Вот уж неправда то. Вам бы и больше половины в голову не пришло. Были у нас в советском детстве такие штуки для выбивания ковров. Берете такую мысленно, и каааааак давай чехвостить все прилоги и помыслы! Помогает на раз, советую. И помните: в чем осудишь, в том и останешься. В следующий раз, когда решите осудить бомжа, пьяницу, женщину легкого поведения или убийцу, остановитесь. Вы же не хотите оказаться на их месте? Их ждет Божий суд, поверьте, если эти люди не принесут покаяния, им придется крайне несладко. Но вы должны думать только о себе, о своих грехах, искренней исповеди перед причастием и своей посмертной участи. Это единственное, что вас должно заботить. О судьбах других людей позаботится Господь Бог: «Аз воздам» (Рим 12:19). Вы не судия, чтобы судить.

Глава 17

Августовский понедельник раскинулся над столицей, я вышагивал к своему офису, полный надежд на тихий мирный день, и вдруг я почувствовал острую жажду. Ну, нет у нас в Москве питьевых фонтанчиков, нету. Любой человек, чувствующий жажду, вынужден идти покупать воду втридорога, да еще и в пластиковых бутылках, что делает «мусорных королей» еще богаче, а экологическую катастрофу, нависшую над Россией – еще ощутимее. Что делать людям, волею судеб оказавшихся без копейки на улицах Москвы – я не знаю. Постапокалипсис к нам еще ближе, когда люди будут сидеть жопами на деньгах и изнывать от жажды – ведь ни капли чистой воды не останется. Я знаю, что проекты такие были по установке

питьевых фонтанчиков (ну были же!), но чей-то длинный карман и волосатая рука помешали этому. Так вот, я захотел пить. Остановился, окинул взглядом: по обеим сторонам виднелись только кофейни, ни одного магазина в центре Москвы, а что вы хотели? Красиво жить не запретишь. Захотел пить? Покупай в кофейне воду по цене в 10 раз выше обычной за бутылочку. Делать было нечего, мне же было не 80 лет, чтобы стоять и ворчать тут, в центре столицы, на ценообразование. Я еще был не на пенсии, но обязательно не упущу свой шанс в будущем. Поворчат-то я люблю - хлебом не корми. Я зашел в одну из самых гламурных кофейен в городе, цены оставляли желать лучшего. Не то, чтобы там был космический кофе - обычный, но атмосфера из-за цен была тихая, бесконечного «движняка», как в других кофейнях столицы, куда несется наш мегаполисный люд в поисках энергии, никогда не было. Посему, бывало, заходил сюда чисто из-за атмосферы, чтобы подумать о том, о сем. Планировал взять только воду, но...но...но.... Тьма знает все наши слабые стороны. И я, старый кофеман, не удержался и взял кофе. Сейчас, спустя годы, вспоминая тот судьбоносный момент, я не могу не подумать о том, что все это было преднамеренно подстроено: и то, что я захотел пить именно в тот момент, когда вокруг меня были одни кофейни, и то, что рядом была именно эта, в сети которой я любил сживать. Все было не случайно, ох, как не случайно. Мы думаем, что наши привычки неизвестны никому, ахха-ха, как смешно, у бесов есть по полному, пухлому, с кучей закладок, досье на каждого из нас. Бариста как-то странно посмотрел на меня, когда отдавал кофе, выдал какой-то такой пронзительный изучающий взгляд. Я абсолютно не придал ему значения, подумал, что, наверное, спутал с кем-то из знакомых, нас, светлых моего уровня, часто путают. Люди видят в нас всех своих друзей, всю родню до седьмого колена, просто потому, что уровень света в нас высвечивает ту доброту, те позитивные черты характера, которые есть в каждом человеке. И вуаля - всем кажется, что мы похожи внешне на кого-то из их знакомых. Но это неправда. Свет, находящийся в нас, похож на всех и вся. Ведь Бог создавал нас всех одинаково - из Света. Это мы с течением жизни своими грехами зачем-то наклеиваем на себя тонны тьмы, а потом еще и жалуемся на это нашему Небесному Отцу. Хм. Не странно ли это? Сам залез в грязь, сам и вылезай, отряхивайся. Но нет, мы так любим обвинить в наших бедах кого-то другого. Кого угодно, только не самого себя. Я отвлекся, но запах кофе из моей дымящейся кружки не мог долго держать меня в моих мыслях. Я сделал пару глотков воды - собственно, из-за которой я и приплелся сюда. Вода за 300 рублей ничем не отличалась от воды за 30 в ближайшей «Шестёрочке». Я еще

раз поймал на себе странный напряженный взгляд баристы. Пожал плечами – видимо, парню опять привиделось, что мы знакомы. А потом я вдохнул аромат кофе, и у меня закружилась голова. Беспечно решив, что это из-за крепости, я сделал еще глоток. И мгновенно провалился в портал. В огромном черном портале меня несло с космической скоростью, а я еще и стучался о стенки портала, как безвольная тряпка, мысленно ругая себя, на чем свет стоит. Повелся на кофе! Идиот! Меня несло и швыряло как тряпичную куклу, безмозглого. Тупее меня не было светлого на этой планете. Как же легко меня взять в оборот! Чашка кофе - и вуаля!!!! Я уже несусь незнамо куда незнамо зачем! Помогите!!!!

Глава 18

Мои вопли в черной трубе портала не возымели ни на что никакого действия. Темные – забавлялись моей паникой. Светлые – наблюдали. Я вывалился в детскую песочницу. «Глупая идея, - скажете вы, - столько свидетелей». Ха-ха. Я не обозначил время. Я вывалился в детскую песочницу в полночь. Моя жопа приземлилась аккурат в песочницу, так что я практически не пострадал, вызвав, кстати, по неосторожности, песчаную бурю. Я огляделся. Я стоял во дворе четырех старых многоэтажек. Год предугадать было невозможно, думаю, что что-то а-ля советский союз или вроде того. Может, 80е. Судя по пластмассовым остаткам игрушек в песочнице – точно советские годы. Хотя, кто знает, может бабушки и дедушки показывали внукам свои раритеты, да те так и оставили в песочнице. Я же не был совсем дураком, вернее, совсем не дураком я был. Я знал, понимал, что все на свете не происходит случайно. Что случай – именно то слово, за которым скрывается Бог. Я знал, что ничего не происходит против Его воли, без Его допущения. И все же, все же жгучая вина снедала меня, я думал, что именно мой косяк привел меня к тому, что я провалился в портал. И дернул же меня черт выпить кофе! Ведь кружилась же у меня голова! Было предупреждение! Но я упрямый, блин! Сделал этот гребаный глоток! Доехал бы до работы нормально! Жажда у него там была, подумаешь! Водички он захотел! А потом повелся на аромат кофе, идиот! «Дайте нам воды попить пожалуйста, а то так кушать хочется, что переночевать негде!» (с) В итоге я оказался здесь, в окружении этих страшных серых советских многоэтажек. Эх, на работу опоздаю. Тоскливо засосало под ложечкой. Может, это не другое время, а просто другой район Москвы? Внутри теплилась слабая надежда. Может, все не

так страшно? Может, есть еще шансы вернуться в мое время и место и успеть, блин, на работу? Идиот я, идиот. Вечно косячу. Моя жизнь состоит целиком и полностью из моих косяков. Эх, ну и что теперь делать? Что теперь? Да, я косячу. Да, я признаю это. Но надо же и как-то двигаться вперед. Упал – вставай. Вставай, да, ты, ты. Отряхивайся. Иди вперед. Иди вперед, несмотря ни на что. Иди вперед, даже если весь мир будет против тебя. В конце концов, у тебя есть только один противник – это ты сам. Вернее, твои негативные стороны. Твоя лень, твоя слабость, твой страх, твой гнев, твои сомнения. Всю жизнь на ринге ты один на один. Глупо винить кого-то еще. Если ты не допустишь слабости, враг не сможет тебя ударить. Ты будешь защищен. Будь всегда на шаг впереди своих сомнений, своего страха. Предугадывай движения врага. Будь мирен в себе – это оградит тебя от лишнего зла. Не забывай, что в тебе пребывает Бог. Не предавай все то хорошее, что есть в тебе. Верь в Бога. Верь в себя. Ты сможешь. Так говорил я сам себе, пробираясь по советскому серому дворику, со всех четырех сторон окруженному многоэтажками в эту странную полночь. Эх, все обвиняют наш народ в извечной русской тоске, а вы попробуйте не тосковать, когда ваши окна выходят в такие вот мрачные колодца, и с другой стороны вы легко можете разглядеть лицо человека, стоящего с кружкой кофе в руках, и взглядом, полным безнадеги, скользящего по вашему окну. Вы смотрите в свое отражение: кто-то там, на противоположном конце двора, в такой же серой многоэтажке, пашет 5/2 на своей гребаной работе, так же не высыпается, ему так же не хватает любви, и он так же, как и вы, страшно одинок. Ведь можно быть одиноким, даже будучи семейным человеком. Ведь можно страдать от одиночества, даже если вы начальник большой компании, где 24/7 о вас только и говорят, и бегут наперегонки первым позвать вам руку. Одиночество – это не про наличие людей вокруг. Одиночество – это когда никто не способен согреть внутри. Я шел и шел. И шел, и шел. Мне не подалось ни одного человека в течение получаса. Хм. Куда все подевались? Вымерли, что ли? Старый советский город без признаков жизни...Хм... уж не на тренировочную ли базу меня закинули?! «За что?!?», - крикнул я в небо. Не так уж много я и грешил! Не таким уж отвратительным я был! Что за вечная невезуха по жизни! Почему я, а не кто-то другой? «Потому что ты лучший», - прошелестело рядом с моим ухом. Да, я был бы абсолютным дебилом, если бы повелся на это. Бесы прекрасно осведомлены о моей гордыни, всегда находят лучший момент, чтобы подкинуть дровишек в этот костер. Но одна маленькая проблемка есть в том, что я просто дико не хочу в ад. Ну не хочу вот, и все тут. Пусть там эти парнокопытные сами себя наизнанку

выворачивают, а мне неинтересно. Я не был лучшим, и я знал это. Лучшие находятся на небе, в Раю. Близки к Престолу. Их, как нас, двоечников распоследних, как меня, грешника и лентяя, в десятый раз на Землю не отправляют. У них-то все как раз хорошо. Это у нас бег с препятствиями, бесконечная полоса, и мы все прыгаем, прыгаем, и опрокидываем перегородки, и дышим через раз, потеем и закатываем глаза – но это все равно все в бесконечность раз лучше, чем ад. Посему я знал, что я грешник и пропускал демонские слова похвальбы мимо своих ушей. После такой похвальбы они, как правило, предлагают монахам – отшельникам спрыгнуть с вершины скалы, где находятся их кельи, чтобы отлететь сразу к Богу в Рай. Да-да, в Рай. И если об этом не узнают их наставники, монахи погибают, падая вниз. И Рай ли их ждет в этом случае? Вот как страшен комплимент от бесов, вот почему я уверен, что я всегда последний в очереди с тележкой моих грехов, вот почему это всегда работает. Портретами лучших из лучших увешаны стены храма, а я не таков. Грехов моих неисчислимо множество, и только милостью Божьей я еще жив. Я - муравей, который катит рисинку в 10 раз больше его самого, рисинка падает, потом я падаю от усталости, потом снова рисинка. Но я продолжаю свой путь. Да, кому-то, может быть и смешно от результатов моих трудов (темным, как правило и смешно – я же не продал свою душу, надо же хоть как-то меня смутить). Но мой путь и есть цель. Я не могу дать себе слабину. Я не могу упасть. Я не могу сдать. Мне нельзя попасть в ловушку врага и остаться в его цепях. Знаем, плавали – потом за освобождение плата слишком высока. Нет уж, «кушайте сами, смотрите, не обляпайтесь» (с) Я буду бороться до самой последней капли крови. Вот мне живет Мальчиш – Кибальчиш. Я не сдамся.

Глава 19

Как бы праведно ни пламенел я внутри, а обстоятельства оставляли желать лучшего. Мне рассказывали про тренировочные базы для светлых – где мы должны показать лучшие версии себя, чтобы быть зачисленными в основной состав армии. Но я не мог и предположить, что меня когда-нибудь закинут на такую. Нет, к этому я вовсе не был готов. Я молча шел вдоль мрачного двора. Ни в одном из окон не горел свет. Я был один. Молчание можно было бы разрезать ножом, настолько оно было напряженным, густым, материальным. Я четко знал, что за мной наблюдают. Возможно, хотят убить. И даже, скорее всего, я уже на прицеле. Все вокруг меня было похоже на антураж какой-то

компьютерной игры постапокалипсиса. И я очень-очень-очень не хотел бы здесь находиться. Хуже этого – лишь осознавать, что тобой «играют». Что ты – лишь пешка на огромном игровом поле, что ты зависишь, что тобой распоряжаются против твоей воли. Для Бога важно, чтобы человек следовал своей свободной Воле, делал самостоятельный выбор. Темные же, наоборот, рады заполучить очередную душу в свои сети, чтобы распоряжаться ее ресурсами. Самое главное – не вестись на их ловушки, отдуплять каждый момент, что ты делаешь, о чем думаешь, под чьим влиянием ты сейчас находишься. Разум и свободная воля – вот что отличает человека думающего и верующего от тех, кто только воображает, что они свободны, на самом же деле – давно и плотно поработаны своими страстями и грехом. Не нужно нравочений: я очень хотел выбраться из того отстойного места, где так некстати внезапно оказался, мне, в общем то, было плевать на всех геймеров мира, так неустанно приносящих себя в жертву игровому идолу, так стремящихся в ад – мне бы самого себя сейчас было спасти. И для начала хотя бы тело. Да, тела на первое время было бы достаточно. Все-таки, мы тут в общем и целом биологические существа, кожаные мешки, набитые жиром и костями. Для того, чтобы душа могла успеть принести Богу покаяние и не сгрозотать в ад, нужно, чтобы кожаный мешок был еще жив. Я знал об этом, поэтому очень страшился здесь, в неведомой мне реальности, внезапно сложить свои косточки, потому что истинного покаяния Богу я еще не принес. Я не был святым, я не был праведником, к сожалению, я косячил в малых размерах и (я не тешил себя надеждой) в больших, но я очень хотел спастись. И я примерно представлял себе, насколько жесток и безнадежен ад, и совсем не понаслышке я знал, насколько хорошо быть с Богом, с миром в душе, и очень хотел быть только с Ним. Никакие бесовские финтифлюшки меня не интересовали, их ловушки и капканы зазря крутились вокруг меня 24/7, а я жаждал жить и умереть рядом с Богом, я очень хотел, чтобы после смерти моя душа отошла к Нему. И этот провал в портал совсем не входил в мои планы. Я отлично видел, что вся поверхность подернута тьмой. Я прекрасно отдавал себе отчет, что, по ходу дела, это именно та игра, в ходе которой игрок отдает свою душу, подписывает контракт кровью. Кровь стыла у меня в жилах от ужаса. Я хотел слинять отсюда как можно скорее. О, глупенькие наивные геймеры, круглосуточно приклеенные к своим крутым стульям, слишком комфортным, чтобы понять, что на самом деле они электрические. Любая неконтролируемая страсть, заменяющая собой веру в Бога, ведет в ад. Под каждым таким стулом – порталюга в те места, где по доброй воле никто на свете не хотел бы оказаться. Особенно «радует» предложение

продать душу на одном из уровней игры. И этот баннер никак не закрывается, ну нет, ну просто нет никакого крестика или кнопочки, чтобы закрыть. Только выбор, тупой выбор: да – и вы продаете душу, и игра продолжается, нет – и все схлопывается. Где сейчас души тех пареньков, что нетерпеливо нажали «да», лишь бы остаться в игре? Ведь им так хотелось играть дальше, они так плотно сидели на крючке у тьмы. И лишь несколько человек, остановились, одумались, задали себе необходимые вопросы, пришли к вере, выбросили приставку максимально далеко из своей жизни. Поражаюсь наглости тьмы. Вшить продажу души в уровень игры. Глупые, глупые души геймеров, пропадаете вы за пустяк, за ничто, за фантик, за финтифлюшку, пропадаете навечно, тонете в огненном озере бесконечность за какую-то фигню, за пару минут азарта, за ваши зазорные крики, за глупые никнеймы, за ночи без сна, за фейковое веселье, за иллюзию того, что вы там победили игрушечных монстров, пока настоящие доедают вас. Вы бесконечно жмете на кнопку, чтобы убить всех в игре, не осознавая, что эти выстрелы летят в вашу душу. Достаточно перечитать тоненькую книжечку «В помощь кающимся», чтобы в ваших руках задрожала приставка, чтобы отскрести остатки души от вашего дорогого мягкого геймерского кресла, чтобы на негнущихся от долгого сидения ногах прийти в храм. Инвалиды душевные и телесные, геймеры, замурованные вашими внутренними демонами в четырех стенах, создавшие множество адовых реальностей, как вы живете? Да, я знаю... Вы же не живете, вы существуете. А создатели игр? Кошмары не снятся вам ночами? Не снятся, потому что вы хладнокровно продали свои души. Как наркодилеры, которые сами не употребляют, зато щедро развозят наркоту по клиентам, так и вы - сами не играете, зато креативите все новые и новые игры с убийствами и кровью, создаете все новые капканы агрессии и зла для неопытных юных душ. Мало что сами себя сгубили, так еще и глупых малолеток подсадили на это. Не ждите пощады от Вселенной, расправа над вами будет по справедливости.

Глава 20

Я пробирался мимо мрачных многоэтажек, и так и не встретил нигде ни одной души. Не было ни единого человека вокруг. Ни в одном из окон так ни разу и не включился свет. По моим ощущениям, был уже предрассветный час, что-то около 4-х утра или ночи – кому как больше нравится. Все реаниматологи мира не любят 4 часа ночи. Понятно почему – в этот час умирает

больше всего пациентов. Даже тех, кто, казалось, идет на поправку. В этот час больше всего самоубийств. В этот час больше всего кровавых драк в барах и клубах. Страшные, масштабные войны начинаются в это время. Час горя, час непоправимых решений. Организм человека ослаблен, а тьма, уходя, пытается отожрать кусок от времени света. «Самый темный час перед рассветом» (с), и мы все об этом знаем. Я шел в этот страшный час мимо многоэтажных домов, где не горело ни одно окно, и только серая холодная мгла была вокруг меня. Что ж, это все очень похоже на чистилище или на заставку какой-то максимально нелепой игры. За что, за что, небо, ты меня, горемычного, направило сюда? что я сделал не так? За что расплата такой большой ценой? Что я здесь потерял, зачем я здесь? Какой малолетка – геймер, допивая свой энергетик, с красными, как у вампира, глазами, исступленно водит затертой мышкой по столу, двигая моим аватаром? Какие отморозки с автоматами ждут меня за углом, о чем вы там, глупые, глупые малолетки, подсаженные, как наркоманы, на видеоигры, так ржете, когда вся моя жизнь стоит на кону? В отличие от пробитых геймеров я-то понимал, что все это далеко не игрушки. Вся моя жизнь – не игрушки. Моя душа – не игрушка для вас, тьмой закованные в кандалы геймеры! Здесь, в этой серой реальности с ненастоящими домами и дворами, с фейковыми советскими игрушками в песочнице, так легко погибнуть. Здесь смерть ждет на каждом повороте, и любой подросток смеется ей в лицо, абсолютно не отдуляя, что это смерть души. Страшно, очень страшно. Я шел медленно, тихо переставляя ноги, как на минном поле, каждую секунду ожидая нападения. Время тянулось медленно, капало по капле, отсчитывая секунды с четырех ночи: тьма не хотела уходить. Минуты тянулись, как резина. Кто играл мною? Чьей я был игрушкой? Чья злая воля забросила меня сюда? Что я должен был делать, чтобы спастись? Вопросы крутились в моей голове, вопросы без ответов. Вдруг во мне проснулся какой-то «комсомолец –на – Амуре». Внезапно зазвучал его голос в моей голове, голос был чистым, звонким и сильным: «Это что же, товарищи, деется? Это я-то, я-то, со всеми моими сверхспособностями, со всей моей верой в Бога, оказался в видеоигре аватаром, всего лишь игрушкой, которой распоряжается сопливый мальчишка в 4 утра, решивший продать свою глупую душу за ничто, за фантик, за пару кликов мышкой, за рейтинг в несуществующей реальности, за фейковое «уважение» таких же безголовых? Это что, это мною кто-то там распоряжается? Мною, рабом Божьим, подчиненным Ему одному? Это что, это моей жизнью кто-то смеет «распоряжаться»? Моей жизнью, принадлежащей только Вседержителю? Вы там совсем с дуба рухнули,

что ли? Охренели, смотрю, вконец? Хренушки, фигушки, идите лесом, материться нам нельзя, но вы прекрасно знаете заданное направление. Я принадлежу лишь Ему, и моя жизнь принадлежит лишь Ему, а вы, придурки, идите лесом. Решили продать ваши души тьме – что ж, это упало тяжким грузом на ваши плечи, но моя –то душа принадлежит Богу! Горите тихо в своем аду, а я буду жить свою полную, красивую, честную и чистую жизнь». Я выпрямил плечи и перестал красться, как мышь по холодильнику. Да плевать, если какой-то малолетка в ночи с красными глазами и черными подглазниками играет мною: сейчас я сыграю с ним. Я распрямился и пошел вперед гордой походкой, даже не пытаюсь скрыться. «Двум смертям не бывать, а одной не миновать»(с).

Если смерть ждет меня за поворотом – что ж, значит, это решение Бога и его нужно принять. А трястись от страха – глупо. Нельзя кормить демонов страхом. Они только этого и ждут. Мы все свободны, у нас у всех единый Отец, который не допустит зла. Да, иногда нам кажется, что события вокруг нас чересчур жестоки и крайне несправедливы. Но мы не обладаем знаниями и мудростью Всевышнего. Мы видим только маленький кусочек айсберга. К тому же, учитывая то, что планета Земля – всего лишь полигон испытаний для душ перед отправкой в вечность, можно ли рассуждать о том, что повезло больше тем, кто пробыл здесь дольше? Повезло тем, кто умер вовремя, не успев сильно нагрешить, ушел в вечность раскаянным, причастившимся и заслуженно попал в Рай. Вот им всем повезло. А мы здесь корячимся десятилетиями, погибая в грехах, пока небо ждет нашего покаяния. Кому тут больше «повезло»?

Глава 21

Я шел вперед, гордо выпрямив спину. Я ничего не боялся. Я смог бы справиться со всем, что Бог попустил, что ждало меня за поворотом. Но то, что я увидел, повергло меня в полный шок. К этому жизнь меня не готовила. После череды многоэтажек и очередного поворота пешеходной дорожки передо мной открылся непроходимый густой лес. То есть, позади меня стояли высотки без признаков жизни, а за углом меня ждала просто стена темно-зеленого леса, так же без следов обитания человека. Охренеть. И что? И куда мне двигаться? Я сел прямо на холодную землю, я долго подбирал слово в русском языке, которое полностью бы отразило мое состояние. «Обескуражен» - примерно умноженное стократно, нет, лучше подойдет:

«охренив полностью» – вот какие определения были близки ко мне. Я помолился Иисусовой молитвой, прочитал «Отче наш» и «Живый в помощи». На душе мгновенно полегчало, и сразу показалось что густая, тягучая, напряженная тишина немного отошла, разрядилась. Мой мозг начал хотя бы немного соображать. Видел ли я хотя бы раз лес в видеоиграх? Хм, учитывая то, что я в них ни разу не играл (Бог миловал), даже представив себе видеоряд всех реклам игр, попавших кого-либо в мое поле зрения, я бы не смог ответить утвердительно. Почему я избежал этой ловушки, так успешно засасывающей всех детей и подростков? Почему видео игры не поработили меня? Ну, во-первых, чтобы понять, что перед вами вагон с дерьмом, совсем необязательно засовывать туда палец. Его вы узнаете по запаху, причем, задолго до того, как он прибудет на платформу. Я видел эти красные заспанные глаза, эти черные подглазники, трясущиеся руки, полное отсутствие интереса к реальной жизни, и полный капздец в оной у всех этих молодых игроманов. Я видел, что время их жизни бессовестно крадется тьмой. Я видел и понимал, что видеоигры – это те же самые наркотики, лишаящие самого главного в жизни человека – силы воли. Они сжирали все желания игрока, им ничего не хотелось. Вязкое болото жрало детей и подростков с мерным причмокиванием, а взрослые думали, что все ок, что это просто поколение Z растет таким холодным, с полным отсутствием желания чего-либо. Беспорядочный секс и бухло больше не интересовало их, зачем, если темные придумали наркотики помощнее: они были легальны, и действовали прямо в мозг: соцсети с их короткими секундными видеороликами, программирующими психику на обесточивание воли, которые можно было смотреть бесконечно, и видеоигры. «Крутите барабан»(с), ибо мы не знаем, какая именно пуля в этой русской рулетке наверняка убьет вас. Крутите барабан еще сильнее, ведь бесы так заинтересованы в скорейшей смерти вашей силы воли. Чем душа в аду отличается от живой души, пребывающей в своем теле на земле? - Отсутствием силы воли. Душа в аду вынуждена только терпеть все те мучения, что выпали на ее долю, она не может ничего изменить. Мы же, живые души, находящиеся на Земле, еще можем и должны изменить ход событий! Не верьте тем, кто утверждает, что вы в кандалах! Ваша воля свободна, вы вольны выбирать между светом и тьмой, право выбора даровано самим Богом, и никто не в силах это изменить!

Глава 22

Почему я вечно спасаю тех, кто в этом не заинтересован? Посмотрите на них: как подопытные мыши, они жмут на педальку с упорным рвением, Центр удовольствия стимулируется, эндорфины поступают в их мозг, но вот беда: педалька жметя слишком часто, человек требует все больше и больше кайфа, организм истощается, и в один прекрасный момент люди, как эти самые мышки, не выдерживают и умирают. Что тут можно сказать? Жатва человеческих душ идет на этой планете от создания мира. Мне хочется их спасти, всегда хочется их спасти, ведь в каждом человеке есть что-то хорошее, частичка Бога, но каждую жизнь у меня ни разу не получается затащить их в Рай. Ведь это невозможно. Каждый волен отвечать только за себя самого.

Ни один святой не жил на Земле ради удовольствия. Святые жили, выполняя волю Бога и спасая других людей, опять же, по Его воле. А я, торопыга, вечно «поперед батьки в пекло», ни разу не спросив у неба благословения, лезу спасать кого-то, немедленно получаю по щщам, сижу потом, рыдая в углу и зализывая раны, а чтобы неповадно было. «Тебя посодуют, а ты не воруй»(с) – логика же всегда прослеживается железная. Не делай того – не будет этого. Все справедливо, все понимаю, сам дурак. Мне бы себя спасти сначала, а потом всех остальных. Как говорится, «сначала оденьте кислородную маску на себя, а потом на ребенка» (с), а не наоборот. Ребенок не сможет вас вытащить из горящего самолета, а вот вы его – вполне. Оххх, дурак я дурак, и что же мне неймется? Когда моя буйная головушка успокоится? Нормальные не шарятся по дурацким порталам, не попадают в отстойные видеоигры в густом лесу, живут себе припеваючи, сидят небось щас на Патриках в уютных кофейнях, на верандах под пледиком пьют столичный флет-уайт. А я?!А я?! Дурак и раздолбай, хоть бы раз четко выполнил волю небес, все что-то мямлю. Молюсь с неохотой, заставляю себя по полчаса, а то и час, вечерние молитвы прочитать, а бывает, что вырубаюсь на диване и совсем без них, я же только «на пять минуточек» прилег...И в эту же ночь – кошмары, пробитие ауры, ослабление защиты. Ооооо, бесовские ловушки, я вас узнаю в профиль. А они их даже не меняют столетиями, типа, раньше сработало и сейчас сработает, не парятся совсем. Я смотрел в этот вечнозеленый игорный лес и думал о своем. Где бы найти обратную дверь в портал чтобы выбраться отсюда, на фиг? Что я помню из лекций и разнарядок об игровом пространстве, почему я решил, что это именно оно? Откуда я знаю, что мной кто-то либо играет, либо пытается играть? Что

ему нужно? И как, блин, вернуться из этой игровой реальности в свое родное человеческое тело? Вопросов было огромное количество, и все они были без ответов.

Глава 23

Делать было нечего, и я сделал первый шаг в лес. Графика хорошо прогрузилась, фактура елей, травинок, ягод и грибов выглядела настоящей. Я сделал еще несколько шагов вперед и увидел метрах в двадцати от себя тропинку. Слегка срезал по пути к ней, мои кроссы и джинсы чуть промокли от росы. Wow. Действительно wow. Они заморочились и сделали росу. Охренеть. Четыре дешечка, что ли? Я подумал, что вполне мог быть тестировщиком игр. Мог бы, если бы не понимал их разрушительное воздействие на психику человека. Если бы совести у меня не было, если бы я продал свою душу – то да. Но я был умнее всех этих дебилов, продавших ее за немного денег, смешной кусок власти, за бирюльки и плюшки, которые истлеют раньше, чем получивший их грешник просвистит в ад. Я не продал свою душу. Я не продал свою душу. Я не продал свою душу.

Я прошел еще несколько метров вперед по тропинке, мало что менялось вокруг. Я видел их, заключивших контракт с тьмой, с мизерными зарплатами, со смешным фейковым превосходством над другими, и даже не отдупляющих, как жестко их обманули, и какой нескончаемый ужас ждет их после смерти. Надо быть умнее тьмы, мальчики и девочки. Нужно сохранить душу, чего бы вам это не стоило: ведь не вы ее разработали и установили, любое вмешательство в систему грозит смертью материнской платы, а там, без нее, ваш душевный комп будет просто пластмасской, выброшенной в мусорные баки – никакой ценности, ненужный хлам. Будьте умнее, не поддавайтесь на провокации, не жмите на стодевятом уровне игры, чтобы продолжить, на кнопки: «Продать душу: да-нет», не подписывайте ничего ни наяву ни во сне, ни кровью ни обычными чернилами, ни маркером, ни перьевой ручкой, ничем другим, не будьте дураками, знайте, что «если есть тьма, должен быть свет»(с), и наоборот. Когда вас покупают за полушку, взгляните в того, кто предлагает цену: от него вы явственно почувствуете леденящий холод. Знайте: в центре ада не жарко. В центре ада нет огня. В самом центре ада страшный, убивающий все живое холод. Дай вам Бог никогда никогда не почувствовать его.

Пейзаж – темные ели, чуть более светлые кустарники и небольшие зеленые елочки с легким вкраплением красных ягод и коричневых шляпок грибов в траве то тут, то там, не менялся. Меня это не тревожило – у разработчиков, скорее всего, не было ни времени, ни денег, впрочем, как всегда. Меня волновало другое – с кем именно предстояло сразиться игроку? Кто это будет? Полчища диких племен? Закованные в латы средневековые рыцари? Монголо-татары? Наполеон со своим французским войском в белых панталонах, жаждущий мщения? Гитлер со своим дойч солдатами? Инопланетяне? Снежные «человеки»? Неандертальцы? Чудовища? Команда дровосеков? Чужие? Кто?? К чему мне нужно было готовиться? Какие страшные тайны хранил этот лес? Иногда я вздрагивал, когда под моей ногой слышался хруст сломанной ветки, но фишка в том, что никакой ветки не существовало! Для большей реалистичности разрабы записали хруст ветки, и она ломалась примерно каждые метров тридцать с одним и тем же звуком, хотя физически я ее не видел и не чувствовал. Это было странное ощущение. Такое чувство, что ребята сделали ловушку и закидали её еловыми ветками. Ох, как же меня угораздило сюда попасть... Сердце мое чуяло недоброе... Но что мне оставалось делать? Я был еще жив. Передо мною не лежало ничего, кроме пути вперед. Странный выбор, нечего сказать, когда нет выбора. Что я мог сделать, если я уже попал сюда, в эту реальность? Мне оставалось только существовать в ней. Я шел вперед просто потому, что другого пути не существовало. Я не был героем, я просто жил эту жизнь.

Глава 24

Я сильно опасался, что мои кроссовки совсем промокнули от росы, но через пару сотню метров роса закончилась. Странный алгоритм, не правда ли: они запрограммировали росу только на первые 200 метров, как приманку. Думай, думай, моя дырявая башка, зачем?! Что за странная причуда? Хруст ветки каждые 30 метров начал действовать мне на мозг: я знал, что он будет и через определенное время начинал подсознательно ждать его. В этой жизни нет ничего хуже, чем ждать и догонять.

Светало, но, что самое страшное – солнца не было. Просто увеличивался свет и яснее были видны предметы, как если бы кто повысил яркость и четкость на компе. И еще я начал бояться, что в какой-то момент ближе к вечеру сгустятся сумерки, а не успею дойти до нужного пункта. Желательно, населенного. Желательно того, где я смогу выжить. Вспомнил

все игры на неубиваемых «кирпичах», в которые играл в юности: как правило, сначала ты сражался с маленькими тварями и преодолевал небольшие препятствия, в конце же тебя ждало супер-мега-пупер огромное чудовище с просто необъятных размеров челюстью, стремящееся тебя проглотить за считанные секунды. В голове подростка на эту штуку могла быть только одна реакция – мгновенно вспотевшие ладошки и попытки нажать на все кнопки одновременно. Я не мог жать на кнопки. Проблема была в том, что за меня их кто-то отчаянно жал, пока я пробирался по лесу. Я знал, что я лакомый кусок для темных, я знал, что они давно жаждали моей смерти, но мне и в голову не приходило, что они так заморочатся и устроят вот это вот всё. Ведь можно же меня было грохнуть и более легким способом. Но что-то внутри меня возразило: «Прав нет. Кому жить, кому умереть – может решать только Господь Бог, и никто, кроме него. А у этих тварей нет прав на это». Зачем же мне тогда такие испытания? Сидел бы сейчас в тепле, пил бы свой горячий кофе со сливками, и никого бы не трогал. Почему я опять, как дурак, с секирой наперевес, бреду по лесу в параллельной реальности? Зачем мне все это? К чему эти испытания? Я мог бы вопрошать в небо, заламывая руки и посыпая голову пеплом сто миллионов раз, но от этого бы ничего бы не изменилось. Иногда события в нашей жизни выступают испытаниями для того, чтобы счет нашей души пополнился и ушел в плюс. Благодаря победе в таких испытаниях мы можем выйти на более высокий уровень в этой жизни, и попасть туда, куда мы мечтаем, после смерти. И я не имел права роптать на судьбу и жаловаться на жизнь. (А так хотелось!) Сидеть бы сейчас в модном кафе на Патриках, и ныть бы, что на фонтан в загородном доме не хватает пары миллионов, что цены выросли, все с тебя пытаются содрать побольше бабла, жизнь вообще жестока и несправедлива. Ах! Но это мне, к сожалению (или к счастью), не грозило. Я существовал в параллельном игровом мире за несколько слоев реальности от Патриков. Я даже не смог бы объяснить не то, что блондинистой цыпочке, томно потягивающей патриковский коктейль из трубочки, ни взлохмаченному учёному, где я, собственно, нахожусь. Это не зависело от когнитивных способностей собеседника. Я и сам не понимал. Вот что главное – я сам ничегошеньки не понимал. Единственное, отчего я не начинал паниковать прямо сейчас – был мой инстинкт исследователя. Я исследовал эту игру как истинный экспериментатор. Как ученый. Я пытался предугадать свойства мозга, создавшего ее. А так же, выяснить, на что способен был играющий в нее. И, что уж там говорить, в меня. За всю мою долгую жизнь я никогда не был ничьей игрушкой. Дух свободы был мне успешно привит в моем

советском детстве, и с тех пор ни одна тварь не могла залить мне сладко в уши, что на меня посыпятся миллионы, стоит лишь мне согласиться на рабство. Нет уж, плавали – знаем. Вы, глупый, глупый «золотой миллиард», судорожно ищущий способы продлить себе жизнь и молодость, даже понятия не имеете, как страшно будет в аду. Вы, ищущие любые способы, как свалить с этой планеты на ПМЖ на другую, чтобы никогда не умереть и не встретиться с Богом, даже представить себе не можете, каким куском льда можно остаться после смерти, тоскливо и безнадежно чувствуя свою богооставленность. Вы убиваете людей, жрете наркоту, думая, что все это сойдет вам с рук: ведь вы же собрались жить бесконечно. Но на ваших местах в аду – именные таблички, бесы уже ждут вас, чтобы измываться над вами вечность. Вечные муки взамен на временные миллиарды – так себе сделка, не правда ли? О, если бы дело было только в деньгах! Я видел нищих уборщиков с проданными душами, никто уже не просит себе корону мира при продаже души, все продаются за настолько отстойную херню, что, право слово, туалетная бумага стоит дороже. Боже, Боже, сохрани меня от этой сделки. Храни меня и днем и ночью, чтобы моя голова крепко держалась на шее, и я не смог кивнуть в этот страшный час предложения о продаже души, даже если бы эта черная мысль, как ворона, пролетела над моей головой. Забетонируй мою шею, чтобы она не совершила кивок. Держи мои челюсти вместе, чтобы никакой бес не заставил меня выдать согласие даже под страхом смерти. Удержи меня, Боже мой, удержи меня от этого страшного греха.

Душа моя принадлежит Богу, и Ему одному. Замок закрыт. Ключи у Богородицы. И я не имею права продавать ее, ибо я не владелец. Владелец моей души – Господь Иисус Христос. Он создавал, Ему и распоряжаться.

Глава 25

Я ковырял кроссовком траву, роса закончилась. Не прописали ребятки- разрабы росу дальше в лес, силенок не хватило. У них не хватило силенок. Это очень хороший знак. Возможно, они проленятся дописать чудовищу что-то, и эта недостача поможет мне его победить. Я не знаю, что конкретно. Может быть, какую-то жизнь в сохраненках. Какую-нибудь добавочную силу. Правую ногу, например. Лишний ряд зубов. Или клыков. Или опцию ядовитого укуса. Или какой-нибудь смертельный прием в бою не впишут. Что еще может забыть график в игре и не продумать сценарист? Какие детали окажутся упущенными,

какую роль в итоге они сыграют? Мы так мало обращаем внимание на детали, а ведь в каждой из них может быть наше спасение или наша смерть. Смотря как посмотреть, смотря как отреагировать на это на все. Противника нужно знать в лицо. Если в его характере есть лень – он победим. Победим иногда в несколько раз быстрее и легче, чем он о себе думает. Я был бывшим спортсменом (а бывших спортсменов не бывает), моя лень была жестко выбита железной дисциплиной. Нас дрючили ранними подъемами, ледяными обливаниями, сумасшедшей нагрузкой на тренировках. Как вспомню, так вздрогну. Я тоже ленился, в детстве и подростком был ленивым раздолбаем. Но спорт не прощает лень. В спорте ты должен пересечь финишную прямую, даже если ты целиком облит кровью, ранен, при смерти, даже если это твои последние шаги в этой жизни, никого не волнует. Ты должен ползти до финиша, оставляя за собой кровавый след, под крики улюлюкающей толпы, ничего перед собой, кроме этой самой финишной черты не видя, ты должен, потому что ты спортсмен. Спортсмен имеет право споткнуться и упасть сто раз. Но подняться сто один. Мы не имеем права упасть и лежать. Мы, как Терминаторы, встаем каждый раз, когда на нас уже махнули рукой, поставили в списки «сбитых летчиков», мы поднимаемся, как кошмар наяву для наших врагов, мы сильнее их всех вместе взятых. Почему? Потому что мы – спортсмены. Мы умрем, но мы дойдем до этой финишной черты, мы умрем прямо на ней, навалимся на нее грудью, но никто на свете, ни один судья, не сможет сказать, что мы не дошли. Даже если будет рушиться мир, мы выполним свою задачу. Бог смотрит на нас сверху, мы не имеем права сдать.

У моей лени не было шансов выжить. Я был бывший спортсмен (а бывших спортсменов не бывает).

Глава 26

Я шел дальше в лес, и, как говорится, «чем дальше в лес, тем толще партизаны» (с) - трава становилась темнее, деревья росли ближе друг к другу, а между ними еще умудрялся втиснуться какой-нибудь колючий кустарник: я еле пробирался. Салатовая трава и жизнерадостные зеленые деревья закончились, начался «лес Бабки-Ёжки» – высокие тощие черные ели, поросшие белым мхом высохшие лысые деревья: такое ощущение, что впереди было либо болото, либо что-то страшное, что высосало жизнь из растений. Идти вперед не хотелось. Чувство неясной тревоги поселилось во мне. Все мое существо сопротивлялось

продвижению вперед, мысли черным роем кружились вокруг моей головы. А вдруг там, на повороте, сразу чудовище? Сумасшедшие йети? Твари, каких не покажут в фильмах ужасов, потому что настолько отвратительных существ даже представить себе невозможно. Вдруг войско вооруженных до зубов бандитов? Или отряд полуголых аборигенов со стрелами и копьями с отравленными наконечниками? Да хотя бы медведь, и все. Чем я буду крыть против медведя? Я безоружен, я не защищен ничем. И вдруг что-то кольнуло меня прямо в сердце. Иисусова молитва! Как же я не защищен, когда у меня есть молитва. У меня есть Бог! «Не нужно показывать Богу свои проблемы, покажи своим проблемам Бога» (с). Как только я начал творить Иисусову молитву, всего то несколько слов, которые запомнит и пятилетка: «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя грешного», как в ту же секунду в мое несовершенное, трусливое, тоскующее, гневливое, брэнное тело вошла уверенность, я поднял подбородок вверх, распрямил плечи и пошел вперед, туда, где, как мне казалось, был мой воображаемый враг. Сквозь синие еловые ветви показался просвет. «Поляна», - догадался я и зашагал еще энергичнее, раздвигая царапающие лицо и тело ветви руками. Мне осталась последняя еловая ветвь, густо усеянная шишками, одна из которых смачно стукнула меня по лбу, и от ее пружинистого удара, я выкатился на поляну, как колобок. Я грозно вращал глазами, резко оглядываясь по сторонам, сжимая в руках какую-то корягу. Но я не встретил мирового зла. Поляна была абсолютно пуста и безжизненна. Я выдохнул и вдруг услышал откуда-то снизу, из-под земли, короткий и требовательный «Мяв». Я посмотрел вниз и отскочил от неожиданности на пол-шага: внизу сидел белый лохматый котенок и гневно смотрел на меня своими глазками – бусинками. Приличные бродячие коты пытаются показать своим будущим хозяевам, насколько они беззащитные и хорошенькие: этикие нежные плюшевые игрушки, а этот был явно зол, как будто я осмелился опоздать на прием к Его Королевскому Величеству. Все это было бы смешно, если бы не было так странно: котенок? В самой гуще леса? Вдали от человеческого жилья? Или он сбежал откуда-то поблизости, от тех самых чудовищ, и тогда мне точно не сдобровать, когда они найдут пропажу. «Ох, то-то мне будет на орехи, костей не соберу», - с тоской подумалось мне. Что-то легонько кольнуло меня в ногу, я посмотрел вниз: пока я размышлял, котенок полз по моей штанине, как по Гималайским горам, попутно оря... ора... крича, в общем, что с чистого котьего переводилось как: «Ах ты, мразь такая, где шлялся, когда ты меня, глупый кожаный мешок, накормишь и погладишь?!» Мне ничего не оставалось делать, как взять его на

руки. Он тут же затарахтел, как трактор. «По полям, по полям, синий трактор едет к нам»(с):тут же на ум мне пришла детская песенка и я пошел вперед. Кот незаметно проскользнул мне на плечо, удобно уютился и продолжил тарыхтеть изо всех своих молодых котячьих сил, и уже на ухо. «Эдак я оглохну», - подумал я, но пересаживать его не стал. Все-таки, кошки правят миром. Ты можешь быть самым крутым королем на свете, ворочать царствами, свергать города, разрушать страны и империи, восстанавливать государства из праха и ввергать их обратно в прах – и все равно, придет кот и ляжет на тебя туда, где он захочет, и ты не сможешь ничего с этим поделать. Ты будешь смотреть на него и умиляться. Кошки – это благословение Господне. Мы бы уже давно поубивали друг друга на этой планете, если бы не было этого великого антистресса. Я вовсе не планировал отягчать себе путь котенком, я не знал, куда я иду, будет ли там еда для него, я не знаю, там, молоко (я даже не знал, будет ли впереди хоть какая то еда для меня, и мой желудок уже давно от голода подавал мне сигнал SOS), но не взять его я не мог. У меня сложилось ощущение, что он ждал меня там, на этой поляне. Вот несколько часов сидел на одном месте и ждал. Потому и был разгневавшись, потому что я, видимо, опоздал к месту встречи. Возможно, предполагалось, что я сразу пойду в лес, а не буду торчать там, в детской песочнице с советскими игрушками у мертвых домов. Кем предполагалось? Разработчиками этой игры? А вдруг котенок – это баг? Женщина в красном, как в «Матрице»? Вдруг это какая-то ошибка или что-то вроде того? Или, что еще хуже, ловушка? Вдруг он помешает моей маневренности? Враг будет метиться в меня с левой стороны, а там у меня кот, и я буду защищать в первую очередь его, а не себя самого, и попаду под удар. Или, что еще хуже, кот окажется разносчиком какой-либо бурбонной чумы. Или бубонной? Или какой там? Или он вместилище черного духа? Мое сладкое вместилище всех моих страхов мирно дремало на моем плече, а я опять начал читать Иисусову молитву от всех черных мыслей, воронами вьющихся вокруг моей головы. «Двум смертям не бывать, а одной не миновать» (с), так чего страдать, выматывая свою душу? Бог смотрит на всех нас сверху, Бог видит нас, мы все идем по дороге, в итоге ведущей к Нему, так чего же паниковать? Зачем это все? Зачем сеять панику, если наш путь предопределен? Да, наши грехи как разветвления от стройного древа пути судьбы, да, если грешить, путь становится искривлен, и к Богу можно не прийти, но если веровать, каяться и молиться, то можно прийти напрямую к Нему, минуя все многочисленные страдания. Да, всего два варианта на этой планете: спастись скорбями или молитвами, и ваш Путь зависит от того, какой

вариант вы выбираете. Да, судя по смертельным болезням, коллапсам природы и войнам, участвовавшим в последнее время, большинство предпочитает скорби. Но что делать? К Нему нужно все равно идти, душа должна быть чистой. Душа не зря попала на эту планету, в это чистилище. Много планов у Вседержителя на эту душу, душа должна пройти через все муки здесь и очиститься. Невозможно избежать поворотов на дороге жизни, предначертанных судьбой, но можно выбрать направление. Куда пойти: направо или налево – решать исключительно тебе. Именно человек принимает решение, ответственность за которое лежит на нем вплоть до Страшного суда, именно на нем в конечном итоге оказывается вина за то, что он попадает в ад. Почему-то, большинство грешат и думают, что раз не убивают, сто пудово попадут в рай. Но незаметные, небольшие грехи копятся, и вот, мешок, нагруженный мелким песком оказывается тяжелее одного огромного камня – с этим мешком и идут ко дну. Но даже если сейчас я босиком побегу по русским городам, звеня в колокол, крича: «Кайтесь! Спасайтесь! Грядёт Второе пришествие!» - на мой призыв откликнутся только те, кто уже итак покаяться, уже воцерковлены и причащаются каждое воскресенье, читают утренние и вечерние молитвы, ходят в церковь, а самое главное – горячо веруют. У бодрствующих итак все в порядке. А спящим не нужен мой колокол. Они не хотят просыпаться. Они хотят спать дальше и видеть сладкие сны о том, что они безгрешны. (спойлер: на самом деле нет). Просто бесам выгодно внушать это людям: что они все в белом пальто, и каяться им совсем не нужно, причащаться не нужно, ходить в храм не нужно, ведь у них «Бог в душе», и они запросто войдут в Царство небесное. Тьме выгодно напевать песни об идеальности людей, о том, что им не нужны ни храмы, ни исповедь, ни еженедельное причастие, ни домашняя молитва - ведь они само совершенство. Весь ужас такой жизни без Бога вскрывается только после смерти. Вот и снятся своим родственникам потом обгоревшие, в ожогах, с перекошенными от ужаса лицами, а что те сделать смогут, если человек был даже не крещен? Никакой сорокоуст за упокой уже не закажешь, на литургии не помянешь. Эти «идеальные и безгрешные» люди оказываются в аду. Поэтому я всегда старался помнить про свои грехи. Что я могу косячить. Что невоздержан. Иногда ни с того ни с сего вру. Гневлив. Блудные помыслы летают в моей голове, даже если я вижу женщин просто в рекламе бикини в метро. Иногда скуп – не всегда подаю нищим. Ленив. ОООО, вот этого дерьма во мне, наверное, больше всего. Я мог бы полететь в космос, если бы все часы, профуканные в объятиях лени на бездумное зависание в соцсетях, потратил бы на науку и тренировки. В общем, в

советское время я бы не висел на доске почета. Но была у меня одна хорошая особенность: я всегда пытался докопаться до истины. Я был пытливым. Я видел, что не все грешат просто потому, что они этого хотят. Я видел, как некоторых просто заставляют это делать родные, близкие и любимые. Я видел, как над плечами печальных грешников кружат стервятники- бесы, готовые каждую секунду подтолкнуть ко греху. Я видел, как ангелы- хранители этих несчастных не могут ничего сделать, потому что слишком много накоплено грехов, и через эту черную плотную стену ангелам просто не пробиться к людям. И слезы ангелов каплют, как хрусталь, на холодную черную землю. А люди все закупают антидепрессанты, бьют татухи, все прыгают с тарзанок и с парашютом, пробуют все новые виды секса, пьют шоты и пляшут в клубах до восьмого пота, стремясь изменить свое состояние, но это только веселит черных жирных бесов, плотно сидящих на левом плече. Глупо краситься в блонд или прыгать с тарзанки, если дни сочтены и бес отсчитывает дни до бронированного места в аду. Все эти ништяки вроде дорогой покраски для авто, полностью проржавевшей и сгнившей изнутри. Она не проедет и метра, сколько ни штукатурь. Лучше сесть за руль бодрого крепкого жигуленка и доехать до рая, чем сгрохотать в ад на крутой тачке по последнему писку моды. Такие мысли крутились в моей голове, пока я шел по густому темному лесу неизвестной игровой реальности. Все, чего я хотел – это оказаться сейчас на своем любимом диване с кружкой кофе в обнимку. Котенок вдруг недовольно рыкнул на моем плече. Хороший такой рык, как у маленького льва. «Хорошо, хорошо, - послушно согласился я,- с котенком». При этой мысли он благосклонно продолжил тархтеть, как новенький трактор.

Глава 27

Что мы имеем: я неизвестно где, в каком лесу, полностью безоружный, не знающий ни чего ожидать, ни где взять хлеба и воды, с неизвестным науке котенком на плече упорно иду вперед в незнамо какой реальности. Вишенка на торте – скорее всего, меня ожидает глобальное сражение со злом. Зло облечено в ту форму, которая пришла на ум программистам этой игры, а этим людям в горячечном бреде создания «опиума для народа» могло привидеться что угодно. Где были мои мозги? Почему я не занят поисками портала в том же месте, куда меня выкинуло? Где вход – там и выход. Даже если я не буду ранен, убит или сожран в ближайшие несколько минут, и даже если я смогу победить

это виртуальное чудовище и останусь жить – как это поможет слезть с игры всем этим многочисленным игроманам, подсевшим на это «наркоманское зелье»? Как это поможет вообще? Не проще ли просто телепортироваться на пару десятков лет назад, тупо слетать к самому первому изобретателю компьютерной игры и стукнуть ему по кумполу, чтобы он ничего не изобретал на фиг? Не наш метод, согласен. Метод темных. Тогда отвлечь его как-нибудь? Подослать к нему красивую девушку, чтобы она ему запудрила мозги и почти сразу родила, а потом сразу еще двойню или тройню, чтобы он пошел работать простым менеджером и думать забыл про это изобретательство. Но нет, если бы было все так просто – наши меня захихнули напрямик в игру. Знать бы, с какой целью. Что я кому сделал, что меня так жестоко кинули, подбросили, как слепого котенка, в этот лес? Кого я тут спасу, что я тут смогу сделать? Мне бы себя спасти, не то, что человечество целиком. Я тут, знаете ли, не на курорте. От каждого шороха готов «дуба дать». И зубы при этой мысли почему-то начали мелко стучать, хотя мне было не холодно. С каждым шагом какая-то отвратительная дрожь пробиралась ко мне в сердце. С каждым шагом мне становилось хуже и хуже. Не то, чтобы я боялся. Но я чувствовал то же самое, что ощущает каждый более-менее светлый человек, приближаясь к месту дислокации темных. Дрожь во всем теле, холодные руки и ноги, волны страха, подкатывающие к горлу. Сейчас стало модно называть это паническими атаками, от них, кажется, даже изобрели лекарство. Ха-ха. Любой воцерковленный человек уверенно скажет, что это всего лишь нападение бесов. Им зачем-то понадобилось, чтобы вы были ослаблены именно сейчас, запаниковали и совершили ошибку. Им нужна ваша дрожь в руках, ваше прерывистое дыхание, ваши провалы в памяти, и, в конечном итоге, ваш роковой шаг. То, что испортит вашу жизнь и жизнь окружающих в ближайшем будущем или навсегда. Так что все очень просто. Никакие таблетки не смогут отогнать ваших бесов. Молитва – отгонит, причастие – отгонит, очень хороший исповедник и батюшка – отгонят (но их сейчас ой как трудно найти, труднее чем хорошего психолога). А таблетки – просто бизнес, ничего личного. Над человеком, вооруженным антидепрессантами, бес смачно ржет. От человека, вооруженного молитвой, псалтырем и Святой кровью причастия Господа Бога нашего Иисуса Христа нечистый бежит, сверкая пятками.

Глава 28

Лес становился гуще, деревья – все больше похожи на те, что окружали избушку бабки Ёжки в сказках: я знаю, я смотрел в детстве в книжках картинки, пока мне читала мама. Те самые черепа на палках с горящими глазами я не забуду ни в жизнь: а еще спрашивают, почему русские никогда не улыбаются. Почитайте наши детские сказки, посмотрите к ним советские картинки, и вам тоже будет не до смеха. Веселых солнечных полянок больше не встречалось, обстановка становилась все мрачнее и мрачнее. Котенок на плече перестал мурлыкать. Я несколько раз взглянул на него, опасаясь, не помер ли часом, сердешный. Нет, он был жив, только молча и напряженно лупил свои маленькие глазки во тьму, будто ждал чего-то. Нет, тут в этом лесу без пустырника и валерьянки делать нечего – можно просто от страха так нервы завязать в узел, что за всю жизнь не распутаеть. А я не то что бы был храброго десятка. Вдруг я очнулся, хлопнул себя мысленно по лбу. Я же не читаю молитву! С тех пор как встретил кота, все внимание переключил на него, забыл про молитву. От балбес! Начал читать про себя Иисусову молитву, и как будто стало чуть светлее. Страх отошел на задний план. С каждой новой молитвой его становилось все меньше, пока он сам не ушел, растворился, растаял. Я больше не чувствовал ни панических атак, ни того, что обычно скрывалось под ними. Не то, чтобы темные забили на меня. Я просто оказался в защитном светлом коконе, который, как они не старались, они не могли прокусить. Я, наконец, вышел на поляну. А вот и передышка. Ура!

Ох, как же мне надоела эта бесконечная борьба света с тьмой! Любой светлый расскажет вам, как же он заколебался воевать. Мы понимаем всю необходимость войны. Мы понимаем, что не защищаться мы не можем, и не мы развязали эту кровавую битву. Но как же копится усталость за годы войны – это постоянное напряжение, ожидание подвоха, это «Каждый человек по умолчанию темный, пока не доказано обратное» (с). Это выматывает. Разведки, засады, слежение за врагом, нападение, отражение атаки. Каждый день ты вынужден воевать. Ты видишь, как гибнут твои товарищи, но после слёз твои кулаки сжимаются все сильнее. Ты уже циничен, ты привык доставать труп волка из каждой первой овечьей шкуры, сердце твое сжимается: «Как мало осталось наших», - думаешь ты. Это жизнь, это жизнь. Ничего не попишешь. Сторона зла была мне омерзительна, поэтому я каждый день до последней капли крови сражался за добро. И не было видно ни конца, ни края этой битве.

Я вышел на поляну и тяжело опустился на первый попавшийся старый пенёк. Пеньёк был настолько трухлявым, что по нему, как по восьмиполосному шоссе сновали взад – вперед неисчислимые полчища муравьёв. Было испугался за свою пятую точку, но так устал и так лень было вставать, что тупо понадеялся, что джинсы не прокусят. Погладил котенка. Он странно молчал. Скосил на него глаза. Котенок все еще пялился вперед в непроходимую чащу, как будто капитан на мостике, сжимая в руках штурвал, вглядываясь в бушующие волны океана впереди. Я посмотрел по направлению его взгляда и похолодел. Из крошечной темноты на меня смотрели желтые, горящие странным огнем, неподвижные глаза. Было совершенно непонятно, что делать. Вскочить? Попробовать убежать? Но впереди со всех сторон непроходимый бурьян, можно легко запутаться в ветвях. Залезть на дерево? Там такая же куча веток, плюс у меня на плече котенок, как бы его не уронить. Мысли хаотично пронеслись в моей бедной голове за доли секунды. Куда бежать?! Влево? Вправо? И я сходу ломанулся вправо наискосок. Я вскочил так быстро и бежал с таким ускорением, что у меня захолодело сердце, и когда я наконец встал у какого-то ветвистого-крючковатого дерева, я не мог отдышаться. «Господи, какой я дурак, - с тоской подумал я, - сидел бы дома у телека в шерстяных носках, пил бы чай с вареньем и грыз фисташки. За что это все мне?». Лес был темен и безрадостен, и я в нем был аналогичен. Совсем скоро наступит полная тьма, а я сейчас, после этого скоростного – марш-броска, даже не смогу найти дорогу обратно, к жилым домам. Пусть они не были такими в прямом смысле, пусть их всего лишь нарисовали программисты, но сама мысль о них – грела. Да и, скорее всего, именно там был вход в игру. А где вход, там и выход. «Ой, дурак, - с горечью подумалось мне, - что ж я там не остался, чтобы нормально найти портал обратно? Что ж мне захотелось, глупому, геройствовать? Опять решил спасти мир ценой собственной жизни? Ох, дебил». Я облокотился головой об это странное дерево, посмотрел вверх. Небо темнело с каждой минутой. И нет рядом ни одного человека, чтобы хотя бы сказать мне ободряющее слово. Никого-то вокруг. Тут закопошилось у меня в воротех, и я вспомнил про котенка, которого я в спешке запихал туда, когда убежал на всех скоростях с поляны. Я вытащил сердешного, он благодарно затарахтел, как советский холодильник. Я осмотрел его – с ним было все в порядке, малость взъерошен, но кто сейчас не? Рано унывать. Рано нюни распускать. Я отвечаю за него перед Богом. Мы в ответе за тех, кого приручили. Надо искать выход из этой тьмы. Я не имею права раскиснуть.

Глава 29

Как мне, блин, надоело находиться в челюстях кита, одновременно сдерживая их обеими руками, как раскрытую мышеловку, чтобы он меня не раскусил, чтобы не провалиться к нему в желудок. Как надоело это все, кто бы знал. Почему я вечно на передовой? Почему темные охотятся за мной 24/7, бесконечно, я повторяюсь, бес-ко-не-чно устраивая свои капканы и ловушки? Да, я не сдался, не повелся, не подписал контракт, не продал свою душу, но... но как же я устал... Неужели это будет длиться вечно, до самой моей смерти? Нужно постоянно быть на чеку, ведь я на передовой. На самой что ни на есть передовой... Ох, как же мне все надоело... Надо было взбодрить себя, но я не знал, как. В лесу, знаете ли, нет гламурных кофеен с Патриков, где можно заказать самый крепкий кофе в мире с белоснежной пенкой и посапывать его, отрешенно смотря на потоки машин и красивые отражения желтых фонарей. Никакой тут тебе урбанистической романтики – лес как лес, и желтые глаза чудовищных зверей, которые выбрали меня своим ужином на сегодня. Подавитесь, твари. Встану комом в вашем горле, поперхнетесь. Закашляетесь. Да и помрете. Мне от вас ничего не надо – я иду с котом через самый темный и густой лес в мире, это вы хотите меня сожрать. Это ваше тупое желание – проглотить, изувечить, уничтожить. Вы, темные, и часа не проживете после Второго пришествия. Прекрасно зная об этом, судорожно пытаетесь погубить все больше душ, перед смертью не можете надыхаться. Недолго вам осталось, ангел апокалипсиса уже отсчитывает ваши последние часы. Котенок посмотрел в мои глаза. В его чернильных огромных сияющих локаторах отражался космос. Звезды сияли на дне глаз моего кота. Я еще раз изумился красоте Божьего создания. Погладил его, тихо прошептал: «Прорвемся». Со своей смертью я бы еще мог смириться, но за кота я сейчас был готов порвать любого. Просто на части. Я прочитал «Отче наш» три раза, взял валявшуюся на земле какую-то тяжелую ветку - дубинку и вышел из моего укрытия. Я был готов к бою. В голове мой крутилось: «Врешь, не возьмешь» (с) non-stop, я был готов на все сто к чему угодно.

Но не к тому, что внезапно открылось перед моим взором. Я стоял на бортике многополосного шоссе, по которому неслись сотни, нет, тысячи гоночных автомобилей. Один из них чуть не сшиб меня, мне пришлось срочно отскочить назад. Челюсть моя отвисла. Теперь я понял, что значит это выражение – я никак не мог закрыть рот от удивления. Рука ослабла, и я чуть не выронил дубинку. Котенок сказал: «Мяу», и в этом

мью было столько «Охренеть», что мне не пришлось ничего говорить. Я посмотрел чуть дальше – кольцо шоссе завивалось в многоступенчатый спуск, я, выходя, стоял на самой высокой его точке. Чуть дальше виднелись серые и серебристые высоты самой удивительной формы. Пожалуй, про такие только в книжках Кира Булычева и можно было прочитать. Что-то было не так с цветом. Я даже проморгался. А, понял. Машин было превеликое множество, но все они были серые, голубые и серебристые. Ни одной красной или хотя бы черной. Шоссе под моими ногами тоже было серебристым. И лес. Лес. Лес! Как бы это помягче сказать... Когда я захотел отступить назад, леса не было. За моей спиной стояла мощная стена из синего кирпича. Ну вот, и глюки мои подъехали. Прощай, кукушечка. Котенок мяукнул, и, как мне показалось, даже зарычал. Если котенок реален, значит, и со мной все хорошо. Значит, я прав. Значит, мозги мои на месте. Это просто реальность поменялось. Кодировщики сделали ход конем. Твари. Что же мне теперь делать? Назад отступить я не могу. Эх, разрабы, сволочи – они отрезали мне путь домой! Я это понял, как только пришел в себя. Ведь там, у тех нежилых многоэтажек с советскими пупсами в песочнице наверняка был обратный вход в портал домой. Эх, я идиот – первооткрыватель. Сидел бы щас дома, пил бы вкусный кофе с пенкой, смотрел бы сериальчик под семечки. Но нет. Понесло меня. Я еще раз горько вздохнул. Кот усиленно затарахтел. «Эх, друг мой сердешный, не выбраться нам отсюда, чуеет мое сердце», – я погладил его по голове, тот кайфанул. «Ладно, «двум смертям не бывать, а одной не миновать»(с), надо выбираться отсюда потихонечку», – сказал я сам себе. Путь предстоял неблизкий. Дорога сложная. Кукушечка моя, держись крепко, не улетай! Кот, мяучь! Я с тобой. Прорвемся.

Глава 30

Что мне оставалось делать, как кроме того, чтобы идти вперед? Я шел вдоль этого «ралли Москва- Париж-Дакар» с серебристыми тачками, которые проносились мимо меня быстрее ветра, и не чувствовал ничего. Ни горечи, ни сожаления, ни страха, ни усталости, ни разочарования. Я не успел как следует послужить Богу, было бы глупо прямо сейчас умереть. Быть сбитым одной из этих серебристых, несущихся на всей скорости прямо на меня машин и обрадовать темных – ну уж нет. Если советские многоэтажки и лес были иллюзией, то эти потоки машин – тем паче. Главное, в этой каше из программ не потерять себя. Я и мой мозг – вот что имеет значение. Моя вера,

мои чувства, мой мозг - вот что важно. На Бога единственного можно опереться в этом бесконечном иллюзорном мире. Моя вера еще не подводила меня ни разу. Я разочаровывал Бога, подводил его, велся на дешевые искушения от рогатого. Но Бог - Он ни разу не предавал меня. Вот в чем дело. Мы приписываем Богу все катаклизмы и разрушения, что есть на этой планете, абсолютно не вдуляя, что это суть проявления темных и отказа людей от веры. Мы не понимаем, что Бог лишь попускает этому происходить, потому что у каждого человека априори по умолчанию есть свобода волеизъявления. Это вшито в нашу программу: мы можем говорить «нет» или «да» на любых поворотах нашей судьбы. Мы вольны выбирать между Светом и Тьмой, и в этом и есть весь секрет. Если бы 2 тысячи лет назад люди выбрали Свет, не было распятия, и о, как хорошо мы бы все сейчас жили. Рай - вовсе не метафора, а вполне себе конкретное место и когда-нибудь он точно будет на Земле. Жаль, конечно, что я к этому времени успею сто миллионов раз умереть, столько же обратно воплотиться на этой планете, нахлебаться страданий лаптем, столько же раз раскаяться, эх, где моя не пропадала! Лишь бы, лишь бы не загреметь в ад, лишь бы, лишь бы удержаться рядом с Богом в ходе всех этих реинкарнаций, лишь бы не прохлопать ушами момент ловушек от темных, обойти все капканы, плюнуть в рожу всем бесам, денно и ночью искушающим меня, не сдать унынию, не проворонить свою бессмертную душу, лишь бы, лишь бы... Господи Боже, не дай мне ни волей ни неволей поддаться на бесовские искушения, дай мне сохранить свою душу для Тебя до самой смерти, забери ее себе, суди ее Сам, Боже.

Глава 31

Я шел вдоль этого шоссе, по которому с межскоростным визгом неслись авто, и думал лишь о том, что мне нужно сохранить ясный ум и ни за что не поддаться на любую иллюзию, какая бы не возникла перед моим взором. Я внутренне готовил себя, но я оказался совсем не готов к тому виду, что раскинулся передо мной с последним поворотом шоссе: я встал как вкопанный и не смог сдвинуться с места. Я отчетливо почувствовал, как моя челюсть упала еще раз. Это был Вавилон. Огромный город, построенный из серебристого материала возвышался надо мной. Я видел его башни и колонны, я видел мосты и огромные многоэтажки, закрученные по спирали. Вверху летали небольшие серебристые объекты, по улицам сновали те же тачки. Не было видно ни одного живого деревца. То,

что покрывало землю, какая-то иллюзия травы, была тоже серебристой. Людей на улице не было видно, весь город был заполнен теми же самыми гоночными автомобилями, что были на скоростном шоссе. Мда. Чего уж чего я мог ожидать, но только вот не вот этого. Какая-то параллельная реальность, где мир поработили нанотехнологии. Мне ничего не оставалось делать, как идти вперед – я отчетливо понимал, что обратно мне уже не вернуться. Мне не найти обратный вход в лес, чтобы выйти к тем многоэтажкам, откуда можно было бы найти портал домой. Ключевое слово «можно было бы», потому что я мог спокойно перебраться обратно, если бы оставался на месте и не поперся в лес, ощущая себя супергероем. Котенок внезапно мявкнул и я посмотрел на него, а потом по направлению взгляда его голубых невинных котячьих глаз. И мне не понравилось то, что мы увидели. Чуть поодаль, слева от шоссе виднелся большой котлован. В нем сидело нечто чудовищное. Оно двигалось и выглядело как огромное металлизированное животное. Животное, сделанное из автомобилей. Из тех самых серебряных автомобилей, что я только что видел на трассе. Чудовище подносило целый автомобиль к своей челюсти, делало такое движение, как будто высасывает из него душу, и бросало на землю. Чуть позже я увидел, как оно отрывало крыши от брошенных автомобилей и прикрепляло их на себя, как магнитики на холодильник, явно собой любуясь. И тут меня внезапно осенило. Эти серебристые тачки не соревновались в ралли «Москва- Париж-Дакар». Они тупо уматывали на полной скорости от этой твари, просто чтобы не быть сожранными. «А ларчик просто открывался.» (с) Все оказалось «веселее», чем я мог представить. Были ли там живые люди за рулем? Я могу точно сказать, что за все время появления тут, я не встретил ни одного живого существа, за исключением кота – ни у тех мрачных многоэтажек, ни в лесу, ни на серебристом блюде у этого чудовища. Я ждал страха, но страха не было. Я молча смотрел, как оно высасывает жизнь из тачек, словно дементор. Оно меня так и не заметило, и мне это было на руку. Не хватало еще, чтобы в ближайший час после портала начать необоснованное сражение. За это светлых ни одно начальство еще по головке не гладило. Надо осмотреться, прийти в себя, оценить противника, построить план. Ох, вот в постройке планов я не мастер. У меня все идет не по плану. В мою жизнь мгновенно врываются события, которых нет ни в одном моем плане. Жизни по барабану на мой план. Все, что я могу сделать – сохранить свою кукушечку на месте, чтобы справляться с жизненными подставами, так щедро рассыпанными на моем пути. О нет, моя жизнь не была примером жесткого планирования. Моя жизнь была

примером хаоса. Но мне приходилось притворяться, что я все контролирую. Потому что истинный светлый воин всегда это делает. Или хотя бы делает попытки это сделать. Бесконечные попытки. Мы не темные, мы не можем пустить все на самотек. В душе, в мыслях, в сердце у нас должен быть полный порядок. Мы – соль земли. Мы, а не какие-то там мерзкие кандалашки. И каждый из нас должен это понимать.

Глава 32

Я отвернулся от отвратительного зрелища чудовища, поедающего машины, и двинулся вперед, чтобы поискать способ спуститься. Да, был серпантин для тачек, но он был настолько узкий, что они сбивали бортики, а пешехода бы снесли и тем паче. Но сколько я ни смотрел, отдельного тротуара или лестницы для людей не было. Я честно пытался найти, но все мои попытки высмотреть нечто подобное, чтобы спуститься, проваливались. Я пятился, глядя на чудовище, так технично жрущее тачки, и уходил все больше назад. Ни лестницы, ни спуска, ни хотя бы какого-то понижения уровня серпантина, я не обнаружил. Все это время я боялся, что та тварь меня увидит и решит, что я вкуснее серебристых консервных банок. Я прошел так метров пятьсот, пока не обнаружил что-то вроде фуникулера. Серебристая машинка была подвешена на канатах, но ни рядом, ни вокруг нее не было ни одного автомата для оплаты. Я прошел к ней чуть ближе, на такую сверкающую холодным блеском платформу, зашел во что-то вроде коридорчика, ведущего к кабинке, как вдруг услышал металлический звук, оглянулся – ворота за мной автоматически закрылись с характерным щелчком, отрезав путь назад. Что ж, остается идти только вперед. Страх не было. Не было и любопытства. Хотелось выполнить задачу, данную от Бога, только и всего. Ворота фуникулера распахнулись прямо перед моим носом. Мы с котом промедлили секунду, потом ввалились во внутрь. С тем же звуком дверцы захлопнулись, и мы поехали вниз. Мы ехали примерно с высоты пятнадцатипятиэтажного дома, так что было от чего засосать под ложечкой. Я даже не подумал о том, насколько такие фуникулеры тут вообще безопасны. Кот вцепился в мой воротник и только испуганно хлопал глазами. Никаких посторонних звуков не было слышно, мы ехали в полной тишине. Я вглядывался вниз, но за все время нашего «полета» не разглядел ни одного человека. Я в принципе боялся высоты. Ну как, боялся. Опасался. Стоя на балконе многоэтажки, на вершине горы, на мосту, на любом высоком

месте, откуда можно упасть, выпасть, вылететь и разбиться, я слышал один и тот же убедительный голос внутри: «Прыгай». Темные не запаривались с этим, они делали так испокон веков. Они не меняют эту фразу тысячелетиями, потому что она может сработать. Разумеется, любой здравомыслящий человек отметет эту мысль в ту же секунду, как ничтожный прилог, но, если этот человек расстроен, если он болен, если слаб морально или физически, если его только что уволили, он весь в долгах, а денег достать неоткуда, если он сильно пьян или под наркотиками, если только что расстался с любовью всей его жизни, или получил новость о гибели кого-то из близких, это тупой толчок от темных «Прыгай» будет достаточным, чтобы человек прыгнул. В этом весь ужас. Учитесь, учитесь отмечать это бесовское приказание на самых ранних этапах, когда вы молоды, счастливы, здоровы, полны сил. Не задерживайтесь мыслями ни на секунду на этой хрени. Это пожелание – не ваше. Суицидальные мысли – не ваши. Гоните их из своего мозга той самой вонючей школьной тряпкой, которую все брезговали взять у доски, чтобы намочить. Гоните их взащей! Потому что такую дрянь нужно вычислять и убивать в зародыше, чтобы она не приползла к вам снова, когда вам будет плохо. Мы все не железные, взлеты и падения перемешаны в нашей жизни, как черные и белые полосы. Но даже если после ровного асфальта дорога вашей жизни перешла на щебёнку, вы в состоянии держать руль вашего самознания прямо. Доска приборов, скорость, педали тормоза и газа под вашим контролем. Вы уверены, вы не допустите лажи и бесовских влияний в вашей жизни. Пусть рушится мир вокруг, а вы уверены в себе и сильны верой в Бога. И тогда вы несокрушимы. Так говорил я себе, глядя вниз на проплывающие мимо футуристические серебристые верхушки зданий: Кир Булычев отдыхает. Но все-таки я облегченно выдохнул, когда фуникулер наконец остановился в самом низу. Металлические двери распахнулись, и мы с котенком вышли наружу. Я вдохнул полные легкие воздуха и чуть не закашлялся – воздух был чуть терпким и сладковатым. «Странно, - подумал я, - почему это и что бы это значило?». Но надо благодарить Бога, что он вообще был пригодным для дыхания, и я тут нормально дышал. Все могло быть намного – намного хуже. Вторые воротца перед нами так же автоматически распахнулись, мы обменялись взглядами с котом (он тоже знатно офигевал) и прошли дальше. Я ждал чего угодно: нападения, драки, да хотя бы энергетического пресса от темных. Но ничем подобным даже и не пахло: нам дали спокойно сесть в фуникулер, дали проехаться и дали спокойно выйти. Чудо чудное, диво дивное, даже не верится. Но я предпочитал всегда помнить, что бесплатный сыр в этой

жизни – только в мышеловке. И это знание не раз спасало мне жизнь. Возможно, именно поэтому я был еще жив. Кот пару раз мурлыкнул, я поддакнул. Ох, если бы ты знал, милый котенок, что я сам понятия не имею, зачем мы в это во все ввязались, и выберемся ли отсюда живыми. Дорога была передо мной темна и непредсказуема. Дорогой котик, я и сам не знал, что ждало нас впереди. Но я был дико благодарен тебе за компанию. Милый пушистый комочек придавал мне сил. Я был ответственен не только за себя, но и за него. И я не имел права проиграть, ведь в таком случае погиб бы не я один, но и он. А я не мог этого допустить, «ведь мы в ответе за тех, кого приручили» (с).

Глава 33

Я шел по абсолютно пустынному городу. Такое ощущение, что он вымер буквально перед моим приходом. Поток серебристых тачек, который я видел сверху, тоже исчез. Все было максимально странно. Город казался постройкой для съемок фантастического фильма, футуристическим замком – игрушкой для детей, но только не тем, чем он на самом деле должен был быть. Ни одного человека, тачки или присутствия жизни. К тому времени я знатно проголодался, но, похоже, что в этом городе никогда не ели. Я заглянул в пару мусорок (да, знаю, знаю, стыдно- стыдно), но вас бы на мое место, где бы вы были, пафосные-хваленые- храбрые? Мусорки были пусты. Такое ощущение, что в этом городе не только не ели, но и не мусорили от слова совсем. Никаких отходов жизнедеятельности. Я почесал репу. Вот попал так попал. Ни тебе еды. Ни людей. Куда я иду? Где здесь выход? В ту же секунду пришла спасительная мысль про портал. Я как раз вышел на площадь, сел под серебристое искусственное дерево на скамеечку и зажмурил глаза. Я хотел, нет, не так. Я ооочень хотел выбраться отсюда, и, желательно, живым. Поэтому я изо всех своих сил зажмурил глаза и попытался вызвать портал. Что я вам скажу, друзья мои, у меня это не получилось. Но я был упорен, я просто так не сдавался. Еще раз закрыл глаза и попытался сделать портал. Открыл глаза. Все та же серебристая площадь перед моими глазами. Котенок, задрав голову, сосредоточенно смотрит в мое лицо. Не вышло. Не вышло, дорогой. Он жалобно мяукнул в ответ. Котенок явно хотел есть. Одно дело – умирать с голоду самому, и совсем другое дело – смотреть, как по твоей вине умирают. Второе – в неисчислимое количество раз хуже. Я длинно вздохнул, погладил его по голове и закрыл глаза в третий

раз. Каждый человек в определенные моменты своей жизни понимает, что вся его жизнь продиктована Высшим разумом. То есть, конечно, за наш выбор мы несем ответственность сами, но вот развилки, эти самые перекрестки, где мы принимаем наши «нет-да» решения – они не зависят от нас. Любой атеист, регулярно получающий по кумполу от жизни, набивающий себе шишки 24/7 был бы крайне удивлен увидеть свою жизнь на макете с обозначенными поворотами. И только наши неверные ответы ухудшают с каждым шагом качество нашей жизни. Ты ответил «нет» там, где должен был согласиться, ты кивнул головой там, где нужно было и под пытками кричать «ни за что!» на всю Вселенную, и вуаля – ты в Жэ Оу Пи Е. Вот и все, финита ля комедия, недолго танцевала птичка, все очень быстро заканчивается, и неслыханное везение, в том числе. У верующих все по-другому. Они идут по ниточке. И, как сказала Святая Матрона: «Возят дитя в саночках, и нет никакой заботы. Господь Сам все управит!»(с). Мы все, по идее, должны быть этими деточками. Молитва утром, молитва вечером, после работы в храм забежать. В воскресенье – литургия, причаститься. Все посты – соблюдаем по умолчанию, среду и пятницу на автомате. И нет причин для паники. Нет причин метаться. Разумеется, ни проблемы, ни горе не минуют верующего человека, все попускается Богом для спасения. Но верующие люди идут по судьбе, как по линии. Богом уже перед ними постелена ниточка, и эта ниточка ни в коем разе не повернет к пропасти. Держаться ее нужно и самых последних сил, и во всех невзгодах эта ниточка будет прочнее стального каната. Бурю в открытом море можно выдержать с этой ниточкой. Лишь бы она была от Бога. Тогда все нипочем. Тогда человек – силен. Тогда он просто силач Бамбула. Рыцарь в доспехах, которые враг никогда не пробьет. Тогда правда на его стороне и солнце светит так ярко только ему...

Глава 34

Третий раз тоже провалился. Портал не удалось открыть, сколько бы я не жмурился. Мы с котом были в абсолютно пустом серебристом городе, без крыши над головой, воды, еды и перспектив остаться живыми. Расклад был так себе, скажу я вам. Все вокруг было так себе. Серое уныние подкралось с левого плеча и собралось уже душить меня, но я ему сказал: «Но-но». Но – но, тварь, но-но. Рано меня душить, я еще не сдался. Я еще ого-го. Еще есть порох в пороховницах, я дышу без проблем незнакомым воздухом, на плече у меня сидит кот.

Да, мы голодны и обескуражены, если не сказать хуже, но мы готовы к бесконечным попыткам, чтобы выбраться отсюда.

«Мы не собираемся сидеть тут на обочине и рыдать от бессилия (а так хотелось бы!), мы будем действовать», - так мысленно говорил я сам себе, в то же время ни капли не представляя, что же я буду делать дальше, и зачем мне это все. Зачем мне это все, за что это все свалилось на мою бедную голову, за какие грехи и прегрешения? Чем я прогневил Бога, почему я попал в тот дурацкий темный лес, а теперь застрял в этом серебристом городе? Где выход отсюда, где портал? Где выход, бро, где выход?! Куда бежать сломя голову, чтобы спасти себя и моего кота? Я посмотрел на него, он даже не повернул на меня головы, неотступно пялясь куда-то вдаль. Я проследил за его взглядом и похолодел. Все, что я знал о фантастике, перевернулось с ног на голову. Все прочитанные мною в детстве любимые книги Кира Булычева вмиг вспыхнули в моей голове, пролистнулись в попытках найти нечто похожее, и тут же захлопнулись, ничего не найдя. В них не было ответа. Я мгновенно напряг свою память: прочитанное в интернете, в книгах, куски рекламы, обрывки слов, всё, что было мной услышано, увидено, мельком замечено - пронеслось в моей бедной-бедной голове. Информационные волны схлестнулись в моем мозгу и не прибили к моему берегу ничего дельного, ни одного ответа или даже намека на ответ: я не знал, что сейчас такое стояло метрах в двадцати от нас и пялилось на нас без зазрения совести. Человекоподобное это существо или нет? Инопланетянин? Животное, покрытое серебристой шкурой? Это было похоже на йети, эти картинки всплыли сейчас в моем мозгу, когда я попытался дать определение. Гламурный йети. Йети, шкура которого серебрится и сверкает, как дискошар в лучах прожекторов. Существо было метра 3-4 ростом, и я понял, что лучше не совершать резких движений. Как же показать ему, что мы максимально дружелюбны? Мы с котом - милейшие существа во всей Вселенной, добрее нас не найти. Я медленно начал поднимать правую руку. Йети не шевелилось. Кот с ужасом посмотрел на меня, все его существо выражало немую просьбу: «Не двигайся, хозяин!». Но у меня не было других вариантов: мы были на абсолютно неизведанной незнакомой территории, если это творение безумного фантаста сочтет, что мы агрессивны, нам конец. Кто даст гарантию, что за углом нет сотни, нет, тысячи таких существ? К чужакам всегда относятся плохо. Ох, как же я надеюсь, что это не племя каннибалов. Или кошкоедов. Моя рука медленно, очень медленно ползла вверх, пока я не мог поднять ее на уровень плеча (дальше не решился) и медленно сжать и разжать пальцы. Обычный

приветственный жест, ничего такого. Показывает, что в руке нет оружия. Ну, и что я настроен дружелюбно. Только и всего. Только и всего. Ничего такого. Ни миллиметра влево. Ни сантиметра вправо. Ни одного лишнего микрожеста. Полностью затаив дыхание. И оно среагировало. По телу серебристого животного пошли малиново – неоновые полосы, как будто бы он был действительно диско-шаром на дискотеке, как будто он принял мой сигнал и протранслировал свое приветствие мне обратно. Мы с котом знатно труханули. И он, и я, не мигая, смотрели на эту дискомузыку неотрывно в течение пяти минут. Не меньше. Мы не могли двинуться. Как назло, мне ничего путного не приходило на ум. Наконец, стряхнул морок и смог только выдать из себя: «Бежим!», и мы помчались. Я бежал, кот подпрыгивал у меня на плече, я придерживал его левой рукой, а правой размахивал, как пионервожатая с невидимым флажком, зажатым в руке, опаздывая на линейку. Я не помню, когда я в последний раз так быстро бегал. Я, амёбное ленивое существо, готовое годами лежать на диване и пялиться в смартфон, бежал как заправский бегун на Олимпийских играх. Соберешься спасти свою шкуру – еще и не так побегаешь. Мы неслись с котом, не разбирая дороги. Я тяжело дышал, как будто человек, не занимавшийся спортом примерно 100 лет (спойлер: так оно и было). Кот даже не мяукал, еще п: его маленькое тельце трясло при каждом моем приземлении, хотя я и старался облегчить его страдания. Наконец, мы забежали за угол какого-то серебристого дома и за секунду до этого я позволил себе оглянуться. Нас никто не преследовал. Не поверив своим глазам, я выглянул снова. Пустота, тишина, и ни одного живого существа вокруг, я уже не говорю о людях. Людей я что-то давно не видел, такое ощущение, что в последний раз в прошлой жизни.

Глава 35

Я тяжело дышал, но уже через пару минут я начал слышать в воздухе нечто, кроме моего тяжелого дыхания. Что-то еще. Что-то еще. Но что? Это был какой-то, еле различимый ушами звон. Нет, совсем не тот, который слышится всем при «звоне в ухе». А еще более трудноуловимый, высокочастотный. Я начал сдерживать свое дыхание, чтобы прислушаться к звуку, и через пару минут уже почти перестал громко дышать, изо всех сил крепясь, чтобы не начать задыхаться. Звон проникал в мои уши, мою голову, мое тело, мою душу. От него невозможно было спрятаться. Внутри меня какая-то испуганная бабулька

бормотала одну и ту же фразу, повторяя ее бесчисленное количество раз в моем мозгу: «К худу аль к добру? К худу аль к добру? К худу аль...» Не было ответа на этот вопрос, внутри меня ничего не откликалось, маятник не склонялся ни к Свету, ни к тьме. Звук был, и все тут. Звук проникал внутрь. Звук уже пронзил меня до кожи, до кишок, до костей. Это все, что я знал и понимал. Было ли это изобретение тьмы, или знак Света – было до сих пор неясно. Я прикрыл глаза и увидел себя трехлетней, радостно танцующим в белом саду. Деревья, трава, озера и цветы были белыми. А птицы даже чуть-чуть светились бирюзой. Ничто меня не удивляло в этом саду, я собирал белые цветы и играл с белыми белками. Покой и гармония воцарились в моей душе, я был просто беспечным ребенком. Счастливым беспечным ребенком. Ничто не могло омрачить мою радость. Резкий звенящий звук проник в мое сознание, в мою счастливую картинку. И я увидел, как черная большая моторная пила с пляшущим лезвием пилит мои белые деревья, и из их белых стволов сочится красная кровь. Шнур от пилы выплывал какие-то страшные кренделя – он не был воткнут ни в одну розетку. Пила существовала отдельно от белого пространства: так, как будто ею водил кто-то невидимый. Я вздрогнул и открыл глаза. Этот звон –предупреждение. Нужно уходить. Здесь оставаться опасно. На эту мою последнюю мысль кот согласно кивнул. Я начал подозревать в нем наличие Высшего разума. Кот напустил на себя равнодушный вид и максимально пофигистически отвернулся от меня. Ну-ну. Посмотрим еще. Раскусим тебя, «мерканский шпийн». Не на того напали. Я оттолкнулся спиной от стены дома, взял под мышку кота, и решительным шагом пошел прочь.

Глава 36

Можно ли было спастись от этого звука, если звук был повсюду? Кот потрогал лапкой мой карман на груди. Я посмотрел на него, он посмотрел на меня. Точняк! Где-то у меня был старенький mp3 плеер и наушники. Да, проводные, но здесь уже не до пафоса, когда пытаешься спасти свою шкуру. К тому же, если бы были беспроводные, одно «ухо» было бы стопудово потеряно. А так – есть шансы. Есть шансы на спасение и всех их нужно использовать. Я воткнул себе наушники в уши, нажал на плей. Зазвучала какая-то рандомная песня. Это просто чудо, что батарейка еще не села. Я закрыл ладонью уши коту, и мы пошли. Не то, чтобы я был уверен, что мы выберемся отсюда. Не то, чтобы я был уверен, что этот

звон не внес свое разрушительное воздействие на наши мозги. Я, как бы это поточнее сказать, на тот момент вообще не был ни в чем уверен. Грусть – тоска- печаль сжимала мне сердце. Вокруг был чужеродный мир, полный опасности, со мной из живого и понятного был только кот, моя кукушечка грозила отлететь еще, когда я был в лесу, и я толком не соображал, что происходило вокруг. И что? И что? От этого ничего не менялось. Глупо рыдать, думая, что небо покинуло тебя и оставаться в полной жопе. Надо делать хотя бы попытки выбраться из нее. Мы же че-ло-ве-ки, мы можем все. Все, о чем можно только подумать. Мы сделаны по образу и подобию Божьему. И Бог не оставляет нас, даже если мы упадем на дно океана. Да, я заблудился в параллельных игровых реальностях. Да, страх и одиночество атаковали меня. Да, я не знал, как мне выбраться отсюда. Но я не терял веру в Бога. Я знал, что в последнюю секунду Он спасет меня. Ангел озарит меня неземным светом. Светлая мысль обязательно придет мне в голову. Я пойму, куда надо бежать, на что нажать, какой рубильник дернуть, чтобы спастись. Я знал, что Бог не оставит меня. Что бы ни происходило, какой бы ужас не творился вокруг – не оставит. На том и стоял. Именно поэтому у меня не было истерики. Я не валялся на земле и не стучал кулаками, я понимал, где нужно подождать, о чем задуматься, как продвинуться вперед в следующий раз. Я очень не хотел подвести Его, потому что был Ему много должен. Я ошибался, грешил, я висел на волосок от смерти – Бог спасал меня каждый раз. Я был несовершенен, грешен – Бог не отворачивал лица Своего от меня. Я был благодарен Ему, и поэтому хотел послужить. Даже не так. Я был Ему должен. Когда ты должен Богу – ты идешь вперед и не боишься ничего. Именно в таком состоянии я и находился с котом в этом серебристом городе. Делай что надо, и будь что будет – был девиз моего путешествия. Потому что «терциум нон датум», вот почему. Бог был надо мной, и я не смел роптать на судьбу. Какой бы тяжелый крест я не тащил по жизни, он был мой, и глупо было бы на него жаловаться. Какой Бог дал, тот и мой. Какие испытания мне по жизни и не были бы положены – все были мои. Глупо сравнивать свою тарелку с тарелкой соседа: Бог каждому дает крест по силам, и не нужно высматривать у другого на блюде рябчиков с ананасами, ведь вы не знаете цену, которую придется за это заплатить. Возможно, вашей душе это совсем не по карману. Довольствуйтесь тем, что лежит в вашей тарелке: поверьте, это именно то, что нужно вам, и именно вам. Это то, что дает вам Бог. Это то, что совершенно точно вам необходимо. Ммммм, пшенная каша? Отлично! Рыбные пельмени – давайте! Тефтельки с макаронами- то, что надо! Котлетка с пюрешкой – супер, дайте

две! А то, что происходит в чужих тарелках, вас не должно волновать. Возможно, это последняя еда, которую вкушает несчастный, пока волосатая нога с раздвоенным копытом не нажмет на рычаг и перед самоуверенным гурманом не развернется пол, как во всех этих дешевых ТВ-шоу. Зачем нам показывают, как под проигравшими в тупые игры раскрываются створки люка и человек мгновенно падает вниз? Чтобы мы привыкали? Привыкали к чему? К тому, чтобы внезапно провалиться под землю? К аду? Еще один повод не смотреть зомбящик: не-не-не, зомбируйте кого потупее, но только не меня, я не поддамся. В наушниках играли мои любимые «Evanesense», я погружался в чудесные сверхъестественные ноты голоса певицы, как вдруг я понял, что серебристые высоты сменились каким-то странным пустырем. Это совершенно точно был технический пустырь, какая-то поляна, выложенная серебристыми блестящими плитами. Я попытался наступить на одну из них – она была скользкая, зараза. То есть, кто-то целенаправленно выложил это пространство плитами. Но кто и зачем? Я осторожно вытащил один наушник из уха, каждую секунду напряженно готовясь вставить его обратно. Звона больше не было! Я постоял, послушал еще, убедился, что вокруг тишина, вытащил второй, и только после этого открыл уши коту. Тот понюхал воздух, повертел головой из ворота толстовки и вылез ко мне на плечо.

Глава 37

Было ясно только одно – мы пришли на какую-то платформу. Я бы даже сказал, площадь, или центр чего бы то ни было. Знать бы, чего конкретно. И что за опасность таилась за каждым новым поворотом нашего путешествия? Я начал было что-то уставать. Хотелось простого домашнего дивана, какао с молоком, теплого пледа, наконец. А не вот это вот все. Мне показалось, что кот слышал мои мысли, потому что на каждую идею о классном времяпровождении дома, он согласно кивал носом: так, как будто отлично все понимал. Я постоял там, как дурак, вертясь вокруг своей оси, несколько минут. Ответом на все мои мысли было безмолвие – серебристые многоэтажки смотрели на меня, как на муравья, который залез на стол для научных испытаний: «О, новая жертва сама пожаловала!». Все эти инопланетные придурки (кто бы за этими зданиями ни скрывался), были явно не в курсе, что я никогда не был жертвой, я всегда был Д'Артаньян, и от шпаги моей трепетала Земля! Поэтому я собирался защищать свою жизнь и жизнь

моего кота до последней капли крови! Я буду сражаться до тех пор, пока бьется мое сердце, и никто не сможет победить меня! Потому что я кто? Правильно, Д'Артаньян! «Кто я? Д'Артаньян. Кто я? Д'Артаньян. Кто я?...», - так бормотал я себе под нос, пока пробовал наступить ногой на одну из этих серебряных плоскостей, ожидая, что она вот - вот провалится подо мной. Однако же, платформа выдержала. Я вступил на нее всем телом, каждую секунду ожидая, что я провалюсь. Опять же, ничего не произошло. Что-то, какое-то наитие, седьмое чувство заставило меня подойти к центру этого сверкающего серебряного поля. В центре всех этих платформ отчетливо вырисовывался круг. «Эх, где наша не пропадала», - подумал я и наступил в него. Тотчас взвыли сирены и круг раскалился докрасна. Я мгновенно дернулся, чтобы бежать, но какая-то неведомая мне мощная сила приковала мои ноги к кругу, и я не смог оторвать ни одну. Я был прикован к этому месту. Я крикнул со всей мочи коту: «Беги, дурак, спасайся!», но клянусь вам, он помотал головой и только сильнее вцепился когтями в ворот моей толстовки. Мда. Я с ужасом оглянулся вокруг: далеко, над моей головой, высоко в небе собиралась черная туча, и я видел, как она приближается ко мне. Я вжал голову в плечи. Я знал, что это. Любой светлый знает, из чего состоит тьма. Мы чувствуем зло кончиками пальцев. Мы знаем, в ком зла больше всего, мы понимаем, с кем лучше всего не говорить и не взаимодействовать, мы предвидим зло в наших снах, мы чувствуем кожей приближение зла задолго до того, как оно вплотную появится в нашей жизни. Я дернулся еще раз несколько раз. Попытался раскачать тело, чтобы вывернуться из моего положения. Делал взмахи рукой влево - вправо. Но ничего не помогало. Ноги мои были намертво приклеены к раскаленной поверхности. В тот момент, когда я понял, что все бесполезно, и дернулся в последний раз, черное облако было почти над моей головой, и я уже чувствовал замогильный холод, идущий от него, я взмолился самой краткой из всех молитв на Земле: «Господи, спаси и помилуй мя, грешного!». Это единственная молитва, что всегда, даже в самых страшных ситуациях, приходит мне на ум. Я зажмурился и несколько раз, в полнейшем отчаянии души, воззвал к Господу и на последних словах услышал шум крыльев. Я мгновенно распахнул широко глаза мои, но я смотрел и не видел ничего, не видел и не слышал ничего, кроме огромного количества белых птиц, с чудным белым оперением, что прилетели и начали кружиться вокруг меня. С каждым новым кругом расстояние до них сокращалось, они были все ближе и ближе, и я уже мог рассмотреть их черные веселые блестящие глаза и желтые клювы, и вот, в один прекрасный момент, все они слетелись вокруг меня и создали

белый кокон. И этот кокон тотчас превратился в сплошной белый светящийся материал. Я уже не видел черной тучи, не чувствовал угрозы, разлитой в воздухе. Ноги мои, наконец, оторвались от красного круга, и теперь стояли на белом полу ракеты. То, что это ракета, я явственно понял, как только предомной начался обратный отсчет на огромном мониторе: 10, 9, 8, 7... Сзади немедленно выдвинулось кресло, я упал в него и меня всего пристегнули ремнями. Я крепко держал кота, он тарасил на меня свои огромные испуганные глаза, но неведомая мне сила вырвала и его из моих рук и приковала такими же белыми ремнями к его мини – креслу. Кот испуганно мявкнул, но я не смог даже успокоить его, потому что сам был в величайшем афиге в моей жизни. Мотор взревел, отсчет досчитал ...2, 1, 0, и невидимые мне сопла задрожали, пол затрясся, меня вжало в кресло тысячью атмосфер, кот истошно заорал, будто прощаясь с его седьмой по счету жизнью, а потом притих. И мы взлетели.

Глава 38

Я не был дураком. Я не был фанатиком. Я не был и эзотериком(*в том значении, в которое люди вкладывают всё самое худшее). Я был вполне себе трезвый и понимающий мужик в самом расцвете сил. Я никогда ничего не подписывал во сне. Ни книги, ни блокнотика, ни тетрадки, ни листа А4, ни фантика, ни чека, никакой другой бумажонки. Какие бы ангелы не тащили меня к этим красивым золотистым книгам, какие бы короны не напяливали на меня, как бы ни чествовали и не пели мне песни сладкими голосами о том, что моя подпись нужна самому Богу, что это просто мое подтверждение о выполнении его воли, что-то навроче легкого, необязательного договора или контракта, я не брал в руки перо, не прикасался к ручке или другому пишущему прибору, ни взглядом, ни словом не давал обещаний, клятв и подтверждений. Бог итак знал, что я дал ему обещание служить до конца своих дней. Устно дал. Даже мысленно. А подпись моя нужна была исключительно бесам, и больше никому. Это понятно любому ежу. Но когда ты находишься в тонком плане, и тебе так хорошо, и светлоликие «ангелы» с золотыми нимбами летают вокруг тебя, поют свои медоточивые песни, рассказывая, какой ты молодец, молитвами своими и угождению Богу сподобился быть среди них, и как же ты счастлив, земной человек, что оказался на седьмом небеси, и как же ты будешь неимоверно, в несколько раз сильнее, счастливее, когда поставишь свою маленькую подпись в такую красивую золоченую огромную вековую книгу, в которой все в

Раю расписываются в верности и службе Богу. И как только я поставлю там свою подпись, у меня тут же все заладится на этой планете. И слава, и деньги, и любовь – все как из рога изобилия в ту же секунду, ведь Бог будет знать, что я на Его стороне. И только моя подпись в этой книге сможет его убедить в этом. Тьфу на вас всех! Чтобы вы там, в аду, у себя сгорели! Заколебали, нечистые! Я послал их всех далеко и надолго, как только они меня подвели к этой сияющей книге! Потому что в этой золотой, волшебной, небесной книге расписаться нужно было почему-то исключительно моей красной кровью. И один из ангелов уже собрался ткнуть своим красивым, инкрустированным драгоценными камнями клинком в мой палец, как я заорал. Я орал, чтобы эти суки шли сейчас же в тартар, что они меня заколебали, что подписывать я ничего не собираюсь, что их главное зло никогда не получит мою душу, чтобы они все засунули свои пороссячьи носы в свои зады, чтоб никогда ко мне не приближались и на сантиметр! Что я свяжу их хвостами и оболью крещенской водой, то-то они у меня затанцуют! Проснулся тогда в холодном поту и подумал, что проблемка моя, по ходу лежит в тщеславии. С тех пор я старался практиковать смирение. Я не был самым умным, самым мудрым, самым верующим человеком на Земле. Да, я старался жить по заповедям, но нет-нет, да и грешил. Мог поддаться гневу и наорать на подрезавших меня на дороге. Мог попустить блудные помыслы. Мог наврать начальнику, выгораживая себя. Мог сожрать лишнее, и не чувствовать своей вины. Я не был святым, это уж точно.

Вот и сейчас я отлично понимал, что я не представляю такого интереса ни создателям видеоигр, ни внеземным цивилизациям, чтобы меня можно было, как экспонат, куда-то доставить и там исследовать. Нет. Я был среднестатистический русский мужик. Не думаю, что моя душа так уж была интересна бесам, чтобы придумывать такой хитрожопый способ ее отъема. Хотя... Тот эпизод с тонким сном, когда меня заставляли подписать их гребаный проклятый всем живым договор (под видом древней золоченой книги), может доказывать и обратное. Моя мысль уперлась в тупик. Корабль отчаянно трясло, как старую стиральную машину, как будто мы с котом собрали все воздушные ямы, которые могли бы собрать. Я откинул голову на мягкий подголовник и закрыл глаза. Чему быть, того не миновать. Помилуй мя, Господи.

Глава 39

От приземления моя голова могла бы запросто оторваться – наш космический корабль крутило и вертело при посадке. Кот нажал лапой на какую-то кнопку, и сверху выпали скафандры. Для него – маленький смешной (я помог ему натянуть его), для меня – обычный. «Сначала оденьте маску на себя, потом на ребенка»(с) – все время забываю про это, тянусь спасти всех, кто в радиусе метра. Хотя начинать нужно с себя – кому ты сможешь помочь, если уже сдохнешь? Нас нормально покрутило, но шеи наши не отвалились вместе с головой, потому что на нас были надеты скафандры. Корабль чихнул несколько раз, пробороzdил что-то мягкое, и остановился. Мы приземлились (если так можно выразиться, и эта планета все еще называлась Земля). Вот уж ни в этой, ни в какой другой жизни, я не мечтал стать космонавтом. Это, простите, последнее, о чем мне мечталось. Ни в моем детстве, ни в юности в мою глупую башку не могла прийти такая идея – стать космонавтом. Бороздить другие Вселенные. Узнавать новые Галактики. Носить серебристый костюм, махать рукой при посадке и устало и добродушно улыбаться в камеры при приземлении. Нет, мои мысли о будущем были вполне конкретны и земны. Мать гнала в архитектурный институт, отец кричал, что мне с моим тупизмом больше ПТУ ничего в этой жизни не светит. А я.. А я... А я и сам не знал, чего я хотел. Если я был так туп, как про меня говорили учителя в школе, тогда откуда в моей бедной маленькой башке мог появиться такой огромный, такой лучезарный Мир Воображения? Мне не нужно было становиться космонавтом, чтобы узнавать новые Галактики, потому что я носил на родных плечах свою Галактику, которую мне все никак не удавалось познать. Бог наградил меня такой силою воображения, которая была слишком огромна для целой кучи архитекторов, художников, музыкантов и литераторов. Это все было too much. И куда же, куда же я мог податься с такой огромной головой? Куда воткнуться, если ток воображения и чудесной вездомной силы так и искрил из меня, и все розетки мира не смогли бы подойти к моей частоте? Что делают люди, обремененные слишком большой силой таланта? Берут Нобелевские премии? Получают «Оскары»? «Грэмми»? Я не знал, не понимал этого. Далеко ли вы убежите с горой чистого золота? Как быстро вас догонят воры и мошенники? Мобильность человека, несущего многие килограммы золота, уменьшается в разы. Человек становится слаб и неповоротлив. А если еще судьба устраивает бег с препятствиями, трибуны режут, слышится выстрел стартового пистолета, и наш несчастный вынужден бежать со всей этой

тяжестью, каждые пару метров высоко подпрыгивая через препятствия на потеху публике? И это золото нельзя бросить, нельзя продать, нельзя отдать, нельзя подарить, нельзя проворонить, нельзя, чтобы его украли. С самого рождения и до гробовой доски человек несет ответственность перед Богом за это золото, за подаренный ему Талант. Женщины обычно говорят, что мужчина- это чемодан без ручки. Ха! Талант - вот истинный чемодан без ручки. Глупо ожидать, что он принесет какие-то дивиденды. Все, что должен делать талант - светить людям, как можно ярче, как можно дальше, как можно грандиознее. Просто светить и все. Все остальное составляет истинные мучения для владельца Таланта. А! Главное забыл. Жаловаться нельзя. Ни в коем случае. Иначе Талант отнимет сам Бог. А это самое ужасное, что может произойти с Талантом. Этого ни в коем случае нельзя допустить. В общем, я никогда не хотел быть космонавтом. Мой космос был всегда со мной, не было смысла искать его где-то еще.

Глава 40

Дверь выхода автоматически сухо щелкнула и раскрылась вверх, как в очень дорогих автомобилях класса люкс. Кому - кому, а уж мне, поверьте, было сейчас не до понтов. Мы с котом расстегнули все многочисленные страховочные ремни, сковывающие наши тела, и вышли наружу. Нас встретили. Да-да, я сейчас не шучу. Не в том я состоянии и жизненной ситуации, чтобы шутить. Чтобы шутковать. Н-да.

Были ли вы когда-нибудь знойным летним вечером на озере? На нашем русском озере, с русской травой, с русскими деревьями? Улыбалась ли вам судьба хотя бы единожды завершить муторный жаркий летний день в этом царстве райской прохлады? Удалось ли вам хоть раз увидеть, как закат переливается от багряного к нежно-лиловому, а последние свои розовые лепестки отражает в озере, да так, что полностью стирается граница? Граница между водой и небом, между светом и цветом - ее попросту нет. Каждый вечер закат делает свое маленькое шоу, свой никогда не надоедающий аттракцион - как розовая его стать отражается в нежной глубине, и там тонет, счастливая, беспечная. Сотни и тысячи сердец, хоть раз прочувствовавших эту золотую дремоту, это мурлыкающее, мирное счастье, уже не смогут это забыть. В самые тяжкие моменты их жизни, когда, казалось бы, выдержать уже нельзя, им будет мерещиться эта розовая полоса заката, утопающая в озере, этот беспредел спокойствия, нежности и тоски, тоски

по Родине, которая никогда не покидает русское сердце. Да, она может свернуться клубком вокруг сердца, как змея, чтобы запутать, обвести вокруг пальца, сделать вид, что ее не существует, нет и не было, но она никогда не уйдет, потому что все, что она будет делать – просто ждать, когда можно будет выпрыгнуть, сорвавшись с чеки, зажать сердце, придушить его неземной тоской, ведь любовь просто так никогда не отпустит, не важно, к кому или чему. Я вспомнил этот безграничный розовый переход заката в воду, и подумал, что я справлюсь. Вот справлюсь, и все тут. Я молод, я полон сил. Я верю в Бога. Я знаю, что там, где у меня не хватит сил, меня подхватят Его руки. Я знал про это. Я не мог сомневаться. Мой Путь вел меня, а не наоборот. Мне следовало научиться, наконец, доверять судьбе. Ведь, кроме меня, никто другой не смог бы жить эту жизнь. Даже день, даже час, даже пять минут. И нужно было это признать. Мы вышли с котом из нашего белого летучего средства передвижения на абсолютно гладкую ровную поверхность. Ничто не предвещало. Мир вокруг нас дрожал, как в тот самый момент томного летнего полудня, когда жаркий воздух, поднимающийся от асфальта, дрожит от нетерпения встретить жар нагретого воздуха сверху. Во мне не было страха. Я уже достаточно набоялся-настрадался в этой жизни, и кто бы знал, как этот страх надоел мне. Когда-нибудь, уже надо было взять верх над ним. Сколько можно? Страх не может управлять нами вечно. В один прекрасный момент мы должны победить его.

Глава 41

Так вот, нас встретили. Я молча смотрел на синие фигуры людей (если их можно так назвать), окруживших наш корабль. Кот, прищурившись, делал вид, что его внимание они нисколько не привлекают, но по шерсти, вставшей на загривке, было видно, насколько он испуган. Пространство было можно резать ножом на куски – в воздухе висело напряжение. Я вяло подумал, что, наверное, нужно как-то поприветствовать их, но мгновенно стало очевидно, что русский язык тут не помощник. «Не надо пытаться, - услышал я ровный спокойный голос в моей голове и тут все эти люди плавно поклонились мне, - мы вас так долго ждали». У кота обратно улеглась шерсть на загривке, и он благосклонно прищурил глаза. Клянусь вам, он тоже слышал этот голос! Не то, чтобы мои коленки подогнулись, не то, чтобы я испугался, но, согласитесь, не каждый день с вашим мозгом беседуют напрямую. Не каждый день ты слышишь голос

в своей голове, не каждый день не используешь рот, чтобы ответить, и уши, чтобы услышать ответ. Во мне не было страха, и я сказал: «Хорошо. Чего вы хотите от нас?». «Следуйте за нами», - не замедлил ответ. После чего все эти люди сели в маленькие летающие плоские черные «таблетки», диаметром метра в полтора, незамедлительно и к нам подлетела одна из них. Мы с котом послушно плюхнулись в нее и пристегнулись ремнями. Я же говорю - страха не было. Ни единой мысли моей не возникло, что с нами может произойти что-то плохое, я занес ногу за бортик «таблетки» со спокойным сердцем. И мы полетели. Мы следовали летучим кортежем за таблетками синих. Мы летели так низко, что могли разглядеть прохожих и все летучие аппараты, встречающиеся нам на пути. Маленькие серебряные «таблетки» юрко спешили по своим делам. Большие серебряные корабли лавировали в бесконечном летящем потоке. Летающих аппаратов всех форм и размеров было так много, как тачек на восьмиполоске в Москве в час пик. Я чувствовал себя, как минимум, Корбеном Далласом, разве что цвет летучих аппаратов отличался - все было серебряным. Ветер обдувал наши лица, принося незнакомые запахи. Моя голова кружилась от них, хотя я крепко держался за бортики «таблетки». Я решил собрать все свои силы, чтобы остаться в светлом разуме и чистом уме. И мне дорогого это стоило. Моя энергия, моя сила была в шоке от происходящего. Я был ни в чем не уверен. Что это? Галлюцинация? Бред? Кукушечка мне решила сказать «пака»? Где была правда, где кривь? Где реальность, где иллюзия? Не сошел ли я часом с ума? У меня не было ответов на эти вопросы. Я летел вместе с котом в черной «таблетке», обдуваемый ветром, вперед к неизвестному будущему. И точка. И точка.

Глава 42

Каждый раз в неопределенных ситуациях мой мозг застывает от ужаса. Нет бы немедленно искать ответ, спасение - что вы, моему серому веществу это даже «в голову» не приходит. Паника, парализующая все и вся, паника - вот что мы имеем. Лишь нечеловеческими усилиями моей железной воли его можно хоть как-нибудь заставить работать. Выработать хотя бы одну мысль. Сгенерировать его активность хотя бы на 0,01% в те самые моменты, когда мозг должен, просто обязан работать на все сто, выполнять свои, наконец, функции. Вот и сейчас, слыша свист воздуха в ушах, я смог заставить свой мозг начать соображать процента на полтора, не больше. Мой серый

товарищ был ошарашен, ни одной светлой мысли или идеи я не мог из него «выдоить», как ни старался. Мозг работал всего процента на 2-3. А ситуация требовала тотального контроля. Мы с котом летели незнамо куда, незнамо с кем, незнамо зачем. Задача с тремя неизвестными. И ответ на это на все нужен был срочно, просто горел, полыхал всеми цветами пламени. Но моя голова наотрез отказывалась работать. Мою мозговую активность будто парализовало. Я несея вперед на неизвестном науке средстве передвижения, ветер свистел в ушах, глаза были вытарашены у нас обоих - кот тоже, судя по всему, не отдуплял, что происходит. Наконец, весь наш летучий кортеж завис над долиной. Она была устлана шелковой травой и в обрамлении я видел вполне себе земные деревья, похожие на дубы или тополя, но вот единственная загвоздка: все было полностью синим. И трава, и деревья, и скамейки, и цветы – все снизу доверху было чистейшего аквамаринового цвета. Наши путники зависли ненадолго, очевидно, совещаясь, а затем каждая из черных таблеток начала пикировать строго на квадрат внизу, сразу же подсветившийся мощными иллюминаторами. Промахнуться было невозможно – импровизированный аэродром в форме квадрата призывно горел мощными огнями все того же, синего оттенка. Мы с котом в нерешительности переглянулись. Тут же взвыла сирена и к нам с двух сторон подпрыгнули невесть откуда взявшиеся серебристые таблетки, такого же цвета человечки знаками и сигналами настойчиво приглашали нас приземлиться на синий квадрат. Деваться было некуда, и я нажал на единственную кнопку со стрелочкой «вниз». Руля не было, посадкой управлять я не мог. «Силой мысли, - вдруг услышал я четкий голос внутри, - силой мысли управляйте». Я срочно напряг свои 2% мозга, представил сразу же нашу мягкую посадку, и именно так мы и сели. Я увидел, как синие человечки сделали друг другу знак, похожий на земной «Дай пять». Мы с котом переглянулись. В то же мгновение синие человечки приблизились к нам и стеклянный купол нашей таблетки откинулся. Что наш ждало? Где мы были? Кто были все эти чужестранцы? Ответов на эти вопросы до сих пор не было.

К нашей черной таблетке подъехала маленькая лесенка. Не «боинг», но все понятно – принцип тот же. Что ж. Вариантов не было. Надо было как-то выходить. Выползать. Появляться навстречу неизвестному. Ох, как же я это все не люблю. Всякие вот эти другие миры. Чего ждать от чужестранцев, затерянных в Галактике? Что нового они мне могут сказать, кроме «Делись своими знаниями о планете Земля, а потом я тебя грохну. Или съем. Или оставлю в вечном рабстве у себя». Что нового?!

Страх обуял мое маленькое сердечко, я взял кота под мышки и почувствовал, что его сердце тоже колотилось, как бешеное. Кот посмотрел в глаза мне, я посмотрел в глаза коту. Эх, дружище, кто же знал, что нас к этому приведет наша лесная дорога?! Прости меня, мой дорогой, прости за все, я сам в шоке. Ох, зря мы встретились, малыш, завел я тебя в дебри страшные, ждет нас, походу, беда неминуемая. Кот немедленно выпустил когти и вцепился мне в плечо, и мы вылезли с ним двоим на ровную синюю поверхность. Торжественно и пафосно выйти не получилось: в таблетке был неудобный выход, да и что скрывать, я всегда был неуклюж. Но здесь не было никого, кто мог бы посмеяться над этим. Обладали ли они вообще чувством юмора? Сомневаюсь. Чтобы смеяться, нужно испытывать эмоции, а эти синие люди не испытывали, казалось, ровным счетом ничего. Человечки сделали знак следовать за ними, и мы пошли. А что нам оставалось делать? Численное превосходство было отнюдь не за нами. Что это за армия вообще – земной человек вдвоем с котом? Кого мы можем победить? Кого утратить? Какие страны, кроме дивана завоевать? Что, кроме кухни, считать столицей? Что, кроме холодильника, круглосуточно «охранять»? Кого могла победить армия, состоящая из человека с котом, кроме зла во всем мире? Кроме вселенского зла...

Глава 43

Мы послушно следовали за этими созданиями, но, совершенно точно, мы не сдались. Мы были окружены, но мы были не сломлены. Мы были прижаты к стене, но не упали духом. Нас было всего двое, но мы «были в тельняшках». Мы были «огого». Мы были способны на все. Сила еще оставалась внутри нас, в любой момент мы готовы были «жахнуть» изо всех наших орудий. И будь что будет, будь что будет. Нас привели к чему-то, что можно бы было назвать цитаделью в самых извращенных фантазиях закоренелых геймеров. Только им, бесконечно лупящим по джойстикам, по кнопкам клавиатуры, стремясь испепелить оружием всех инопланетян в этих дурацких космических играх, было бы доступно описать, как выглядело это творение безумного космического архитектора. Мне же, обычному человеку, сие абсолютно невозможно, поэтому я могу только сказать, что это смотрелось максимально пафосно и странно. Как если бы строили космический корабль, а вместо него построили укрепленное сооружение для древних веков. Металлические серебристые конструкции, острые углы башен и плавные переходы основного корпуса, множество строений,

будто отлитых из металла ребенком, или чудаком- сказочником, помешанном на космосе и инопланетных вторжениях – вот как это выглядело. Как будто сошел с ума огромный 3 D принтер, и выплюнул из себя сие сооружение, да. Я протер глаза, кот проморгался. Нет, это нам не чудилось, отнюдь. Цитадель стояла, отливая всеми серебристыми бликами на солнце, светила круглыми бойницами, мигала подглазьями круглых «удивленных» окон: выносила мозг мне и коту, одним своим видом перенося сознание в другие измерения. Я почувствовал легкую вибрацию воздуха, исходящую от нее: ох, не к добру, не к добру. В цитадели была заключена немеряная сила, полярность которой понять сейчас было совершенно невозможно. Силы добра или зла сейчас хранились в ней? Чем конкретно цитадель была наполнена? Пока я её разглядывал, человечки подхватили нас с котом под «белы рученьки» и поволокли на вход. Нет, это не выглядело как прямое физическое воздействие: никто нас не трогал. Но вот мысленно, мысленно нам передали изрядную дозу внушений: взять ноги в руки и немедленно войти в цитадель. «Иначе что?» - подумал я. Что конкретно «иначе» не сообщалось, но было понятно, что ничего хорошего. Обстановка оставалась напряженной, но, в связи с численным превышением количества противника над нашей командой, состоящей из меня и кота, я принял решение не сопротивляться. Трезвое решение для капитана команды, нечего сказать. Не то чтобы это было чревато нашим немедленным уничтожением, нет. Но в воздухе висело напряжение, и я не мог его игнорировать. Я был обычным парнем, я никогда не сталкивался ни с Бабой-Ягой, ни с ожившими героями компьютерных игр, ни с внеземными цивилизациями. Но что мне оставалось делать, если моя жизнь и жизнь моего кота зависели сейчас от этих странных созданий? И при этом я не мог сказать, ни где я, ни зачем я? В каком времени, в каком измерении сейчас находились мы с котом, куда мы могли позвонить, куда отправить смс, чтобы этот кошмар побыстрее закончился? Где были наши «this is the police speaking, emergency - emergency» (с)? В «Матрице» хотя бы на улицах стояли телефонные будки, можно было сделать один звонок и перенестись туда, куда было нужно. Вырваться из ужасной реальности. А теперь задайте себе вопрос: «Давно ли я видел телефонные будки на улицах города?». Их выкорчевывают, вырезают с улиц, утилизируют на хрен. Из «Матрицы» больше не выбраться, мы застряли в ней навечно. Я не мог сделать ничего. И я пошел внутрь Цитадели, следуя за давящими мою силу воли голосами. Да, кто-то упрекнет меня в слабости, кто -то скажет, что я безвольный дурак, ведь солдат должен сопротивляться до последнего, и да, я согласен, что я выбрал меньшее из зол. Их было много,

а я один. Но был один маааленький секретик, который они не учли. Я был окружен, но я не сдался. Если ты не сдался внутри себя, у тебя есть все шансы на победу. Даже если их объективно больше. Даже если они кажутся сильнее. Даже если ты думаешь, что у тебя не осталось сил. Даже если ты в прямом смысле прижат к стене и некуда бежать. Даже если ты вспоминаешь все свои предыдущие провалы, и уверен, что ты не вывезешь и в этот раз. Шансы на победу всегда при тебе в таком случае. Как бы ни выглядела обстановка вокруг тебя, ты сильнее того, что происходит. Всегда сильнее. И, оказавшись на самом дне, ты должен помнить об этом. Твоя птица счастья никогда не оставляла тебя. Ты сам правишь этим миром. Ты один способен, можешь, справиться со всем происходящим. Нет преград. Все преграды – в твоей голове. А значит, ты можешь повлиять на их устранение. Одна твоя мысль, одна молитва к Богу, и горизонт расчистится, и твои враги будут мгновенно повержены. Так было и так будет всегда. Так думал я, входя на расшитый бисером синий ковер, ведущий в двери цитадели. Я чувствовал, что шерсть на загривке кота встала дыбом, я гладил его, пытаюсь успокоить, а на самом деле хотел погладить себя, ведь мне было страшнее всего в этот момент, и не было никого рядом, чтобы погасить мой страх. Никого, кроме Бога и меня самого. Бог мне был защитой, я сам себе был рулевым. Эти синие человечки думали, что я слаб и одинок. Но нас было много, ведь рядом со мной были мои ангелы, которые прочно держали мою связь с Богом. Он бы точно не дал мне здесь погибнуть, Он бы не оставил меня. После этой мысли я с легким сердцем перешагнул порог цитадели, а кот перестал рычать.

Глава 44

Ветер. Теплый легкий ветер коснулся моих щек, как только я вошел в замок. Теплый ветер прикоснулся ко мне. И время. и пространство остановились. Теплый ветер всегда был предвестником перемен. Весна – та, что хранит его, никогда в этом не сомневался. Я зажмурился от неожиданности, но в следующее же мгновение, как только открыл глаза, понял, что не ожидал увидеть то, что я видел прямо сейчас перед своими глазами. Через дверь люди не попадали внутрь цитадели. Через дверь люди попадали в абсолютно новое пространство. Я стоял по пояс в сухой траве, вдали виднелись озера, пели птицы, бабочки перелетали с одной травинки на другую, а над головой выстреливало прямо в сердечко своей лазурью синее небо. И ветер. Теплый ветер, спутник перемен. Кот жалобно

мявкнул, и я спустил его прямо в траву. Если бы я был котом, я бы непременно хотел бы размять свои мягкие пушистые лапы в этой траве. Развеять кошачью грусть – тоску, эх, пробежаться по лугу, помякуть на мелких букашек, погоняться за бабочками, налакаться воды из пруда. Но я был человек, к сожалению. Поэтому в моем мозгу сразу же сгенерировалась мысль: «За чей счет банкет?». Мои мысли лихорадочно забегали: я начал подозревать ловушку. За мной подтянулись синие люди и распределились полукругом в трех- четырех метрах от меня. Они были абсолютно невозмутимы, как будто давали коту вдоволь набегаться. Да, конечно, странно начинать деловые переговоры, когда один из участников так увлеченно охотится на птичку. Все-таки, мы были с котом команда. Он был мой полноценный партнер, надежда и опора. Мне стало страшно, что он заиграется и забудет про меня. Надумает остаться в этом чужом мире – что я потом буду делать? Именно поэтому я дал ему мысленно команду, и он немедленно подскочил ко мне. Запрыгнул на руки, замурчал в ухо. Я был доволен дрессировкой. Вместе мы – сила. Вместе нас не сломать. Вместе нам не страшно ничего.

Глава 45

Мы сели за стол переговоров. Да - да, это дико звучит. Где ж вы в лугах видели стол? Но сразу же, как только этот вопрос сформировался в воздухе, передо мной возник абсолютно прозрачный длинный стол для переговоров, и кто-то мягко опустил меня в такое же прозрачное кресло. Я не знаю материала, из которого все это было сделано, одно могу сказать – он нагревался. Кресло было уже нагретым, и температура даже чуток опустилась до моей комфортной, когда я в него сел. Очень красивые девушки, с кожей аквамаринового цвета, принесли, как я понял, еду и напитки. Ничего человеческого в этом не было, я просто ориентировался по тому, как им вяло махнули эти синие люди – это что-то вроде наших секретарш, а значит, там был кофе и бутерброды. Я старался не удивляться ничему – Баба Яга тоже добра молодца водила в баню, кормила и поила, однако ж вся эта подготовка ничем не отличалась от той, что делают с уткой, прежде чем запихнуть ей яблоко в заднюю смотровую площадку и засунуть ее в печь. Кот молча сидел у меня на плече. Ему подкатили маленькое кресло, но он наотрез отказался, решительно помотав головой. Набегался за бабочками, сердешный, тяжело дышал. Как только я увидел еду, я понял, что прямо сейчас умру от голода.

Прямо сейчас, за этим столом. Последний раз я ел неизвестно когда в другой реальности. Кот, я знаю, тоже умирал с голоду (и весь наш путь это знание висело Дамокловым мечом надо мною, удручало меня страшно). Но есть неизвестную еду в незнакомом месте без благословения? Я скосил глаза на бутерброды, потом вопросительно посмотрел на кота, кот на меня, и мы мгновенно поняли друг друга. Кот малозаметно кивнул. Я прочитал молитву «Отче наш» трижды про себя, и якобы случайно потянувшись за салфеткой, и с пол – дороги передумав, перекрестил еду. Вышло незаметно, стопроцентно, я точно говорю, я старался, как мог, но что-то неуловимо изменилось в воздухе. Как будто кто-то случайно коснулся жидкокристаллического монитора, и по изображению прошла волна. Клянусь, это не понравилось собравшимся вокруг меня деловым людям. Мой крест и моя внутренняя молитва не понравились им. Я тщательно внушил себе, что это мне показалось (голод давал о себе знать), и мы с котом жадно набросились на еду, задыхаясь и причмокивая от нетерпения. Бирюзовая девушка налила коту в блюдце молока, и он лакал и тархтел одновременно от удовольствия. Наконец, подтянулись еще пара синих людей на два кресла, которые стояли отдельно и выглядели внушительнее остальных. «Боссы», - понял я. Все были в сборе, можно было начинать. Тема переговоров была не то чтобы мне абсолютно неизвестна – я даже не имел понятия о ней. И все же было понятно, что сегодня будет решено нечто важное, что –то такое, что заслуживает всяческого внимания.

«Что-то такое, от чего зависит судьба Земли», - незнакомый голос в моей голове подхватил мою последнюю мысль. Я поежился, стало ясно, что общение опять будет напрямую через мозг. Ох, как же они меня утомили со своими космическими инновациями – неимоверно раздражало, что мои мысли они тоже легко считают. Сразу же после этого голос торопливо извинился за вторжение, и мы продолжили. Я сразу понял, что говорил сидящий рядом с боссами человек, второй по степени важности, видимо. Он торопливо рассказал, что от сегодняшней встречи зависит многое, если не все, что они меня очень долго ждали, верили, надеялись на встречу. Что я единственный, кто может повлиять на общий расклад, что я тот, чье мнение им очень важно, что моя внутренняя сила может повернуть реки вспять и сровнять горы с землей, что я просто пока об этом не знаю, что я не знаю ничего о самом себе. Пока. На данный момент. Абсолютно ничего. Я попытался проверить себя на гордыню и тщеславие сразу же после этих слов, но внутри было пусто, кроме страха перед важным небесным заданием и страха

гнева Бога, внутри не было ничего. Я обратился в слух. Хотя, скорее всего, это выражение тут не подходит – ведь аудиенция была исключительно в моей голове, внутри моего мозга, и для нее совсем не нужны были органы слуха и речи. Один из боссов взмахнул рукой, и на расстоянии двух – трех метров буквально из ниоткуда появился большой экран. Я решил ничему не удивляться, в конце концов, одной из моих задач оставалось сохранить после этой встречи нервы в порядке, а кукушечку – на месте, не дав ей улететь. Не то, чтобы я справлялся, но я хотя бы делал попытки, я старался, а это уже похвально. Второй босс кивнул, аквамариновая девушка издала какой-то странный свист, и демонстрация экрана сразу же началась. Я увидел взрывы Хиросимы и Нагасаки, 11 сентября в США, зверства фашистов в течение 2 ВОВ, школу в Беслане, концлагеря, войны в Афганистане, Ираке, Иране, Израиле и Палестине, все войны 20 и 21го веков сразу, ранения, смерти, страдания, все вирусные эпидемии, больницы, последствия, все жестокие поступки населяющих голубую планету – драки, аборты, убийства, абьюз женщин, издевательства над стариками, похищения и продажу детей, изнасилования, многочисленные гибели людей. Видео было настолько мрачным и удручающим, что мой кот закрыл себе глаза лапками, а мои наполнились слезами. Горе содержалось внутри экрана, многовековое людское горе на планете «Земля». Это голубой шарик, что неся веками по своей орбите, был такого цвета не из-за морей. Слезы, человеческие слезы переполняли его. Я сидел, опустив голову еще пару минут с того момента, как видео закончилось. Голос в моей голове продолжил: «Мы знаем о ваших страданиях, и мы готовы помочь вам». «Что для этого нужно сделать?», - спросил я через паузу. Мне было нечего терять - я находился на их территории, и был вынужден играть по их правилам. Второй босс махнул рукой, аквамариновая девушка свистнула, и второе видео запустилось. Там было показано, как душа ребенка еще на небе выбирает родителей, как она спускается к маме в животик, когда женщина беременеет, как душа живет и развивается вместе с телом ребенка, как в конечном итоге она вырастает и грешит первый раз. Второй, третий, четвертый. Как из белой полупрозрачной красивой субстанции, похожей на облако, ее биополе становится все грязнее и чернее. И как это начинает отражаться на теле – с человеком происходят болезни, беды, всех видов зависимости и неприятности. «Ну и что вы предлагаете?!», - вырвалось внутри меня, и я услышал лишь короткое: «Подожди». После чего была показана душа, которая была крещена во младенчестве, научена родителями молитве к Богу, приведена в храм. Вокруг этой души сформировался плотный защитный щит. Вот этот крещеный человек отказался

от греха, не повелся на искушение в первый, второй, третий раз. Вот он оступился, согрешил, и на краю оболочки его души осталось черное пятно. Понял, что происходит что-то не то. Помолился дома. Почувствовал горечь за совершенный грех. Побежал в храм, раскаялся, исповедовался, причастился, и черное пятно исчезло. Душа осталась такой же светлой, чистой, легкой, как облачко. Я выдохнул. «Смотри, смотри», - сказал голос. И я увидел, как от души крещеного ребенка тянется синяя пуповина в огромное аквамариновое пространство, и оттуда аура ребенка накачивается невиданной силы энергией. Как ребенок становится чище, сильнее, защищённее. Звучит прекрасная музыка, и я понимаю, что эти синие человечки говорят о вере в Бога. «Эх, ребята, а от меня то вы чего хотите? Был бы рад вам помочь, но это так не работает. На планете по-настоящему верят единицы, остальные либо делают вид, либо атеисты, либо фарисеи, либо верят, только когда им нужно попросить что-то у Бога, либо, когда им это выгодно. Ох, ребята, если бы было все так просто, все бы население Земли уверовало, и мы бы жили в Раю. Но вот уже тысячи лет, на небе не могут набрать праведников количеством всего лишь каких-то 144000, наверное, что-то происходит не так, как надо. Наверное, мы далеки от веры. Наверное, Всевышний давно махнул на нас рукой, и мы тонем, тонем в собственных грехах. Ох, ребята, если бы было все так просто, как вы говорите, если бы...», - я замолчал, потому что увидел, как синие человечки бурно совещаются. Видимо, мои мысли все так же были им легкодоступны, ведь из всей моей тирады наяву я не произнес ни слова. Кот задумчиво положил голову на лапы и смотрел в сторону горизонта. Фейкового горизонта фейкового луга с фейковым озером этой прекрасной Цитадели. И я прикручинился, что уж тут говорить. Нелегко быть спасителем Вселенной, если ты никоим образом не планировал им быть. Но все, что я мог, всем, чем я мог помочь светлым, я был готов делать, не покладая рук. Должно быть, я уже в черных списках там, на небе, за мою лень, безалаберность, глупые вспышки гнева, тупое чревоугодие, празднословие и уныние. Но все же, все же я еще жив. А значит, у меня остаются шансы на спасение. Я крутил сухую травинку в руках - у моей бабушки за домом каждое лето их росла целая куча. Мы детьми на ходу зажимали ее в кулачок и резко проводили снизу вверх - определяли, «курочка» или «петушок». Если все острые тычинки собирались в однородный толстенький пучок - это была «курочка». Если так не получалось, и тычинки торчали разрозненно - «петушок». Считалось, что чтобы сделать курочку, нужно было поймать удачу за хвост, ведь это требовало невероятных усилий и сноровки. Если ты делал «курочку», ты был везунчик. Сейчас

был петушок. Не получилось.

Глава 46

От грустных мыслей меня отвлекли сигналы от аквамариновых девушек – короткое обсуждение у синих человечков закончилось, и они были готовы вынести свой вердикт. «Именно для этого вы здесь», - сказал один из главных. Рот его по-прежнему не был открыт ни на секунду, и мои уши так же не были задействованы здесь, его голос гулко звучал в моей голове. «Мы выбрали вас из миллиардов людей, чтобы вы совершили прорыв, заставили людей на планете Земля уверовать в Бога», - продолжил он после паузы. После этой фразы я поперхнулся тем самым синим чудесным лимонадом, что пару секунд назад налила мне аквамариновая девушка. Все это начинало напоминать сюр. Жесткий сюр. Либо моя кукушечка пропела мне «досвидос», либо... Я не хотел даже обдумывать второй вариант. Синие люди продолжали. «Вы нужны нам ровно так же, как и мы нужны вам. Без нас у вас не получится выйти на следующий уровень. Вы итак там, на Земле, безнадежно застряли на предыдущих ступенях развития. Вера в Бога – единственное, что может спасти конкретно вас и всю планету Земля». Мы с котом знатно прифигели. Однако же, однако же, не смотря на то, что мой критический ум оставался со мной и я совсем не был похож на сумасшедшего, рациональное зерно в словах синего человечка было. Оно было, и я уже услышал трубу горниста, из всех своих молодецких легких дующего в нее, стоящего на стене средневекового замка, о том, что жребий судьбы брошен, и мне надо отправляться в путь. О, это ощущение ни с чем не сравнить. Каждый человек знает моменты в жизни, когда сопротивляться бесполезно. «Безызбежно»(с), - как говорится. Когда жребий брошен, решение небес принято, а вы становитесь только солдатом, который должен выполнить его, что бы ни случилось, ценой собственной крови. Никто, кроме Бога, не властен над нами, и когда жребий небес брошен, мы должны идти до самого конца. Я почувствовал странную энергию внутри. Казалось, она была с копеечную монету, но вот, доросла до монеты в рубль, потом в два, потом был пятак, и вот она захватила мои сердце и легкие, вышла через горло в лоб, и полностью захватила меня. Я с трудом соображал. Невесомость была во мне, космическая невесомость с мириадами звезд. Я достиг высшей точки светлой энергии, высшей точки любви ко всему живому. Во мне был сам Бог.

Время и пространство остановилось. Не осталось ничего

лишнего, наносного. Ничего земного. Я был полностью захвачен этой энергией. Не было границ и горизонтов. Я содержал в себе все, всю Вселенную, все планеты, всех жителей этих планет, что были созданы или еще будут когда-нибудь созданы. Любовь ко всему живому искрилась во мне, как молодое шампанское, любовь выплёскивалась, как море в шторм за пределы моей ауры, любовь владела мной целиком и полностью. Я источал любовь, я сам был любовь, мое имя было – любовь. Не было пределов этому чувству. Я ощущал себя на ладони Создателя. На любящей ладони Его.

Кот слегка прикусил мне руку, и я очнулся. Все синие человечки и аквамариновые девушки напряженно смотрели на меня. Кот внимательно сканировал меня своим желтым взглядом, и в его янтарных зрачках отражалась Вселенная. Я понял, что что-то было не так. Опустил вниз глаза и увидел, что от меня исходит сияние. Как будто светодиодные лампы поставили мне под кожу и включили их всех разом. Я потерял руку, как будто пытаюсь оттереть этот свет. Не получилось. Кот муркнул и прищурил янтарные глаза. Как будто он знал, что так произойдет. Как будто он был рядом со мной только ради этого. «Ну вот, здрасте, приехали», - подумал я. Я выглядел так, как будто я обожрался фосфора. Ситуация не оставляла шансов для моего мозга на понимание. Синие человечки и аквамариновые девушки все еще внимательно пялились на меня и вдруг я увидел в небольшом отдалении движущиеся прозрачные силуэты. Я увидел их не глазами, а как будто бы энергетически, они скользили, как сгустки энергии. Как будто бы внезапным дуновением ветра их вдруг стало видно. Они медленно приближались ко мне, по контуру движения явно были видны люди в больших капюшонах и длинных одеяниях. В руках эти прозрачные создания несли какой-то огромный прозрачный колпак, что-то на вроде гигантского сачка для бабочек, и вдруг каким-то шестым чувством я понял, что они планируют накрыть этим колпаком меня. «Беги!», - услышал я четкий холодный голос в своей голове и повиновался приказу. Я схватил кота и ринулся к выходу. В ту же секунду взревели сирены с самым противным звуком из всех, что я слышал на Земле, синие человечки бросились на перехват, но им не хватило буквально пары секунд, чтобы поймать нас с котом, мы выбежали из дворца, протиснувшись буквально в щель, оставшуюся от автоматически закрывающихся дверей. Двери мгновенно захлопнулись за нами, чуть не прищемив край моей толстовки и котячий хвост. Но мне было по барабану – я уже несли с котом в абсолютно неизвестном мне направлении, не разбирая дороги, с выпученными глазами. Запыхавшись, я

забежал под какой-то навес заброшенного магазинчика. Было понятно, что нам будет сложно сбежать – ведь вокруг стояли здания и постройки тех же самых синих человечков. Они были вездесущи. Я посмотрел на кота. Кот в ответ посмотрел на меня, равнодушно лизнув лапу. По всему выходило, что кот не впервой в таких переделках. В воздух тут же взмыли десятки черных таблеток с сиренами и мигалками, и я приуныл. Атака и слезка с воздуха – это то, с чем труднее всего будет справиться. Как бы быстро я ни бегал мелкими перебежками от одного здания к другому, вычислить с воздуха меня не займет и пару секунд, и в этом был весь ужас моего положения. Нашего положения – кот был вынужден терпеть все перипетии судьбы вместе со мной. Эх, бедалага ты моя! Внутри меня мелькнула самая горькая мысль о бессмысленности моего бытия, какая только может быть по степени горечи, и в этот момент передо мной затормозила невесть откуда взявшаяся белая «таблетка», я было бросился бежать, но тут же встал как вкопанный, услышав твердый и холодный голос внутри моего мозга: «Свои». В тот же момент прозрачный купол сверху таблетки откинулся, а к нам выдвинулась узенькая лестница, и тот же голос продолжил: «Быстрее». Меня не нужно было просить дважды – ситуация с каждой секундой накалялась все больше и больше, сирена завывала так, как будто искали не меня в дырявом носке с котом, а каких-то отпетых преступников. За рулем спасительной белой «таблетки» сидел зеленый человечек с еле заметным золотым свечением вокруг головы. Он подмигнул мне, а я, от неожиданности – ему. Мы с котом плюхнулись на заднее сиденье, в тот же момент стеклянный купол закрылся с еле заметным механическим щелчком, и мы рванули с места так, что под нами вздыбился столбом слой пыли. Мы мчались на нашей странном летательном аппарате вперед, к спасению. Мое сердце и сердечко кота бились в едином ритме. Свечение мое никуда не делось, не прошло, но я уже как-то смирился и примирился с ним. Моя гордыня чуть не стала причиной нашей гибели. Как же я глуп, Господи, как же глуп и честолюбив! Это ж надо было такое придумать: спаситель Земли, ага-ага! Сразу после таких предложений обычно открываются врата в ад! Гордыня, тварь, гордыня – причина всех моих бед! Господи, прости меня, дурака тщеславного! Вокруг нас летели с дикой скоростью все те же черные таблетки, разыскивающие нас. А мы с котом летели в неизвестность. В полную неизвестность для нас двоих.

Глава 47

Я начал просыпаться оттого, что кто-то целовал мой нос. Сон еще был со мной, вяз во мне, стелился туманом по моему сознанию. Мне было сладко, слаще сладкого. Сладкие грезы еще не оставили меня, какая-то девушка с золотыми волосами гладила и целовала мое лицо. И щекотала мне губы своими усами...усами... Что?! Я резко открыл глаза, кот безмятежно вылизывал мой нос и его шикарные усы активно работали. Увидев меня, приветственно муркнул: «Мол, хватит дрыхнуть хозяин, нас ждут великие дела!». Ну почему, почему меня всегда будят в самый интересный момент! И почему это всего лишь...кот? Я протяжно вздохнул, протер глаза. Стоп! Я резко сел. Где мы? Мы же летели на белой «таблетке», спасались от тех синих людей. Ловушка, это была ловушка...Прозрачные... твари, хотели поймать нас с котом в огромный сачок...Где я оказался? Я судорожно огляделся, и тут мне вторично пришлось протереть глаза. Мы с котом находились среди бескрайних лугов. Небо было лазоревого цвета, но я бы не сказал, где точно находилось солнце. Потому что цвет шел отовсюду. Были подсвечены золотым сиянием воздух, трава и облака. Трава вообще светилась сильнее всего. Я попытался подняться – ноги мои подкашивались, как будто я долго сидел или лежал. Сколько же я проспал? И куда умчалась наша «таблетка»? И почему я ничего не помню? Ни как высаживался, ни чем расплатился за спасение. Ведь денег у нас не было. Да и действовали ли здесь земные рубли? Я встал, еще раз огляделся. Мир вокруг меня был спокоен и умиротворен. Мне не хотелось есть или спать. Я чувствовал себя бодрым и наполненным всяческих сил, однако же, без особых причин. Мы находились с котом в незнакомом месте, вдали от благ цивилизации и следов вообще какого-либо присутствия человека, однако же, я не чувствовал тревоги. Я, как бы сказать, даже был тихо счастлив. Каждая клеточка моего тела была наполнена и до самого предела, до невозможности счастлива. Странное умиротворение наполнило мои члены, и вот уже не нужно было спасать мир, себя, кота, мчаться куда –то, убегать от врагов и искать выход из этой реальности. Все итак было отлично, зачем же было еще напрягаться?

О, если я бы мог в этой жизни забыть о своем Предназначении, опустить напряженную руку с тяжелым арбалетом, выдохнуть, наконец, и расслабиться. Перестать защищать себя и свою семью от вторжения темных. Перестать думать о том, как бы укрыть свой мозг от атак тьмы. Как выполнить предназначение от Высших светлых сил и не профакапить все это. Как не

свернуть со своего Пути. Лечь в траву, раскинуть руки, взять в зубы травинку, и не думать ни о чем. Это так просто и так сложно одновременно. Ведь я был привязан к своему Пути свинцовыми гирями. Это другие могли расслабиться, а я не мог. Никогда не мог. Ведь я всегда выполнял Предназначение Бога. Я всегда был на счетчике грехов. Сидел на пороховой бомбе с тикающим механизмом. Ни один мой помысел, ни одна дурная мысль не остались бы незамеченными. Светлые силы наблюдали за мной, тьма следила 24/7. Мне ли было о чем-то там рассуждать? Я просто выполнял волю Бога, вот и все. Просто слушался Отца своего небесного, вот и весь секрет, вот и ответы на все вопросы. Во мне было больше Бога, чем темные могли себе представить. И именно поэтому я и был до сих пор жив. Жив-здоров, только непонятно где, и неясно зачем. Кот легонечко куснул меня за ногу, и я оглянулся на него. Он молча посмотрел в сторону и я, не знаю зачем, проследил за его взглядом. Нас уже ждали. Таких коней вы видели только в сказках. Белые, полупрозрачные, с дивными, струящимися, как волосы красавицы, серебряными шелковыми гривами. Серебряная упряжка красиво обвивала их длинные мощные шеи, а сзади стояла карета. Я назвал ее так, потому что это название просилось на язык, на самом же деле, эта штукавина была похожа на белую пластиковую окружность, похожую на яйцо, с несколькими прозрачными крышками, которые сейчас услужливо были подняты, чтобы мы, наконец, сели. Вместо колес были лазеро-санные пути. Кони нетерпеливо переминались с ноги на ногу, и кот еще раз куснул меня. «Надо торопиться», - наконец, доперло до меня. Я робко подошел к этой карете, кони радостно заржали. Кот первым смело запрыгнул на белые красивые креслица внутри. Я грустно вздохнул и еще раз оглядел райскую равнину. Нет, должно быть, только на том свете отдохнем. Пока мы живы - Рай не для нас. Вечная война, вечное изможденное усилие, вечное сопротивление и напряжение всех сил, вечная борьба не на жизнь, а на смерть. Я тяжело вздохнул еще раз и сел в карету. Кони рванули с места так, что нас с котом вжало в мягкие белые кресла. Мы опять мчались незнамо куда, незнамо зачем. И мне это даже начинало нравиться. Жизнь несла меня вперед, моя жизнь, бескрайняя, как моря, глубокая как океаны, запутанная, как самые глухие леса, далекая, как космос - моя жизнь мчала меня, и никогда не притормаживала на поворотах. А я на рытвинах да на ухабах бился, бился головой о мягкие стенки кареты, да глазел в окно - вот и все, что мне оставалось, вот и все. А, впрочем, грех жаловаться - я же был с котом. И вместе мы были команда. Не все люди удостоились такого - некоторые преодолевали ухабы судьбы поодиночке. Мы же с котом были сила. Нас невозможно было победить.

Глава 48

Итак, кони несли меня. Кони мои кони ускорялись в космических траекториях, в координатах неведомых планет, в трассирных путях Вселенной, и я уже точно ни за что бы не смог сказать, где нахожусь. Внизу не было земли, над нами не было потолка, мир был невесом и воздушен, мчался прямо на нас, ударяя в лицо теплым, неземным ветром, пахнущим корицей и дикими травами. Вуаля – если ты хотел спрятаться от себя, твоя судьба наконец то предоставила тебе возможность. Ни вуали тонкой мысли, ни намека, что мы все-таки ж находимся в бегах, что за нами погоня – в моем мозгу не оставили трассирный след. Я был глуп как пробка, свободен, как ветер, ни одной мысли, мыслишки, мыслячки не посетило мою бедную голову этим вечером. Ветер залетал в одно мое ухо и тут же вылетал из другого, не зацепляясь ни за одну мою извилину. Я был счастлив. Да, можно сказать – я был счастлив. В конце концов, не каждый день вас несут Кони Судьбы навстречу оной. Не каждый день ты встречаешься с замыслом Божиим о тебе самом. Это редкая встреча, большая милость небес, нельзя просто так прошляпить этот день и эту ночь, если сами небеса сегодня смотрят, смотрят, смотрят на тебя. Ждут – оправдаешь ли ты ожидания, сможешь ли, выдюжишь? А ты – Ванька – встанька, «ну куда нам в лаптях за паровозом?», и все в таком духе, ай-на-нэ, не годится это, парень, никуда не годится. Если небеса дали задания, все что ты должен сделать – в ту же секунду, немедленно ответить: «Есть», взять под козырек и помчаться выполнять беспрекословно. Я встретился с Небом, в той долине, я понял, чего от меня ждут, и я был спокоен, максимально собран, как воин перед битвой. Кот, как будто почувствовав перемену, что во мне произошла, не докучал мне, не произнес не единого «ммрррр», с тех пор, как мы покинули долину, и даже не взглянул на меня. Куда нас несли кони Судьбы? Чего они хотели? Кто бы знал. Кто бы знал. Одно я понимал четко: что бы ни случилось, я должен следовать замыслу Божьему обо мне, Его планам. Кто бы и как бы на меня не нападал, я должен был сражаться до последнего, до самой последней капли крови. Потому что Бог хотел этого от меня, потому что небеса обещали поддержать, потому что кот был со мной, а «мы в ответе за тех, кого приручили» (с). Мы всегда в ответе за тех, кто нас любит и за тех, кого любим мы.

Уныние заглядывало на полном ходу в нашу пластмассовую «карету», пыталось просунуть в овальное окошко свои длинные тонкие костлявые пальцы цвета мертвеца, гудело на поворотах, всовывало нос в мои мысли, но каждый раз я стойко отвечивал

ему чапалах. Прочь! Прочь из моей головы, когда все только началось налаживаться. Вон отсюда, тварь поганая, оооо, сколько жизней ты погубила, сколько испортила! Счет ведется от начала веков, и жертвы твои все прибывают. Всегда- всегда закрывайте свой мозг от таких вот вторжений – целью этой твари является ваша смерть, смерть вашей души, смертушка духовная. О, не уподобляйтесь тем, кто романтизирует и воспекает депрессию: нет ничего прекрасного в ходячих мертвецах, коими являются все депрессирующие. Нет ничего хорошего в немоги, нет ничего радостного в тоске. Из унылого стука костей не соберешь веселую мелодию. Истинно верующий человек всегда радостен. Ибо Бог обещал нам прощение грехов и спасение. Фарисеи всегда смурны, лица их мрачны и унылы, верующий же всегда сияет, как солнце – всем нашим бедам и скорбям ответ один – воскрешение Иисуса Христа. Он уже пострадал за всех нас и за наши грехи, был распят и воскрес. Он уже воскрес, понимаете? Мы уже победили, смекаете? Всем эти темным никогда не понять, что битва давно и заведомо проиграна, потому что на нашей стороне сам Бог. Все эти жалкие подергивания: эпидемии, войны, теракты, взрывы, убийства и насилие – всего лишь последняя агония перед их смертью, перед небытием. Они давно проиграли, и они знают об этом. Самое смешное, что Бог простил бы и самого последнего беса, если бы тот покался. Но это никогда не произойдет, ведь то, чего никогда не доставало темным – это смирения. Одно у нас у всех преимущество, один выигрыш, одно отличие от тьмы – смириться перед волей Бога. Мы боимся разгневать Бога – и бесы пред ним трепещут. Мы веруем и знаем о том, что Бог есть, и бесы в курсе. Мы постимся и молимся, не спим ночами, а бесы и тут нас опередили – совсем ничего не едят и не спят. Но вот это одно отличие, эта черта настоящего христианина – смирение – именно это отличает нас от тьмы. Мы лучше всех темных, вместе взятых, просто потому, что мы покоряемся воле Божьей. Мы склоняем нашу голову пред величиим Его, человеколюбием, Его мудростью, Его добротой, Его всепрощением. Мы осознаем нашу греховность, нашу уязвимость перед грехом, нашу нищету духовную, мы знаем, что мы меньше, хуже Бога в бесконечность раз, мы падаем ниц пред Его величиим. Если мы всегда будем помнить об этом, то мы никогда не упадем с небес на землю, как сделал возгордившийся Денница. Это наше преимущество перед тьмой, нужно всегда помнить об этом. Смирение – вот наша последняя возможность не пасть на этой планете, не провалиться в ад, остаться человеком, сохранить свою душу.

Глава 49

Наша карета ускорилась и мне начало закладывать уши. В самом деле, это было не из простых – нестись неведомо куда в карете, оббитой чем-то мягким белым непонятным, чтобы наши головы не стукались на поворотах об углы («Предусмотрительно, однако», – я отмахнул мысли о психушке), нестись незнамо куда, незнамо зачем. Мы с котом уже почти привыкли к скорости, и рассеянные мысли начали посещать мою бедную голову. Так происходит в такси, когда ты уже, наконец, отпускаешь контроль над своей жизнью и временно расслабляешься, передавая всё, в том числе и свою жизнь, в руки водителя. Так бывает в самолете, когда твой телефон оказывается вне сети, в режиме полета, и вот уже некуда звонить и писать, все корабли вышли из гавани, флаги подняты, молоко убежало, и тебе остается только лишь приплюснуть свой нос к иллюминатору и смотреть на облака. Отпустить контроль, передать контроль за своей жизнью Богу – что может быть проще? Но как часто современный человек, живущий в мегаполисе, бегущий по кругу дом-работа-дом, как загнанная белка, делает это? Судя по статистике «помолодевших» инфарктов и инсультов, не очень. Мы бежим по кругу, пытаюсь успеть все и вся. Мы сражаемся с обстоятельствами, мы фехтуем с проблемами, мы пытаемся сделать захват против петли времени. Счастливы ли мы? Ооооо, не задавайте этот дурацкий вопрос, все, чем занят человек в 21м веке – это попыткой выжить в информационно-задачном потоке и финансово свести концы с концами. Все эти нелепые вопросы про счастье задают коучи, инфлюенсеры и инфоцыгане. Обычный человек знает, твердо уверен в том, что он родился на этой планете, чтобы терпеть. И он перетерпит это утро, этот день и эту ночь, и встанет завтра на работу, как ни в чем не бывало, и отработает 8-ми часовой рабочий день, и так повторится целую неделю, а в выходные он будет лежать 24/7 в форме звезды на диване – без мыслей, без желаний, без ничего. И так поступают многие и многие люди, вне зависимости от обстоятельств и событий в жизни. Все бы ничего, да только в этом расписании нет молитвы, а, значит, нет Бога. Если бы была хотя бы одна маленькая молитва, но каждое утро и каждый вечер, силы бы появились. Если бы каждый человек осознавал эту простую истину, на Земле прекратилось бы насилие, войны, эпидемии, природные катаклизмы. Потому что Вселенной не за чем это все устраивать, если все люди на Земле пришли к вере в Бога. Тогда уже и Золотые врата и вечный Рай на Земле. Тогда уже и брачный пир горой. И наша душа в золотых одеждах сидит за столом с богатыми яствами, чистая, светлая, отмытая,

и нет на ней не единого пятнышка от греха: все исповедовано, выплакано, прощено. Прощено Им самим. И это ли не билет в Рай – Его великое, человеколюбивое, щедрое прощение?

Глава 50

Мысли мои хаотично мелькали перед моим взором как бабочки, карета все так же неслась вперед, кот уже не выпучивал в ужасе глаза, не орал дурниной, а, будто оцепенев, пялился в лобовое стекло. Спецназовский у меня кот, бывалый. По его мордочке было отчетливо видно, что он уже не ждал от жизни ничего хорошего. Я отвлекся от моих философских мыслей и решительно приступил к действиям. Нужно было все же понять, кто и зачем нас несет с такой скоростью по межгалактическим ухабам. Я нажал несколько кнопок на панели дверей в разной последовательности. После чего окно приоткрылось. Я удовлетворенно хмыкнул, как делают все мужчины, когда что-то собирают дома из мелкой бытовой техники, или мебель, шкаф, например -и остаются «лишние» гвозди, болты и шурупы. После чего высунул свои родные поллица наружу. То, что я увидел, повергло меня в полнейший шок. Можно ли было сказать, что мы остались на той же планете? Можно ли было заявить, что планета, хотя бы планета осталась та же? Затрудняюсь ответить на этот вопрос. Где, в каком филиале Рая я был до этого, и куда эти великолепные кони мчали нашу высокотехнологичную карету – на эти два вопроса я не смог бы ответить. Любой алкаш у магазина «Шестерочка» мог бы с точностью сказать, что у меня глюки: «Эк, его штырит!», и поинтересоваться, что у меня за пойло. Но фишка была в том, что я уже давно не пил. Я не пил, но жизнь моя неслась вперед в полнейшем угаре.

С тех пор, как я решил пожертвовать собой, чтобы спасти несчастных игроманов, тех самых, что считают, что грех не коснулся их, не засосал в свое логово, тех самых, считающих себя свободными от бесов, тех самых, что презирают алкоголиков, не подозревая, что находятся в гораздо более ужасной зависимости от видеоигр: с тех самых пор я не до конца верил в то, что со мной происходит. В глубине своей души я так надеялся, что все происходящее – всего лишь сон, и в один прекрасный момент я проснусь в своей теплой кровати, и все закончится. Но нет. Нет. Ничего подобного не происходило. Кони мчали, летательные аппараты лавировали, меня кто-то постоянно пытался сцапать, сожрать, убить, уничтожить, стереть с лица Земли, и не было ни конца этому,

ни края. И ни одной волшебной кнопки в радиусе километра, чтобы нажать и резко прекратить это все. Никакого «стоп слова» в игре по имени «жизнь». Ничего подобного, ребята. Один непрекращающийся кошмар. Чей-то холодный голос вдруг сказал внутри моей грудной клетки: «Ты захотел пожертвовать собой? Ты рассудил, что эти люди достойны такой жертвы? Ты возомнил себя Богом? – Так получай распятие». Фух... Как ушат ледяной воды на голову. «Ice challenge»(с), за ногу его. Туды его в качель. И в коромысло. Тоже. Голос был, безусловно, прав. Но ангелы не говорят со мной – со мной разговаривают только бесы, и это тоже факт. Язык ангелов – это события в моей жизни. Объясняют всегда прямо и крайне доходчиво.

Наверное, я много о себе возомнил. Наверное, за любое желание сотворить добро на этой планете следует расплата. Однако же мне хотелось думать, что все мои злоключения – это не расплата, а испытания моего духа на прочность. Где вы видели, чтобы великого будущего воина испытывали сахарной ватой? Нет такого, и никогда не было. Великие воины тренируются на настоящих мечах. Закончились игры в бирюльки, я вырос и сам отвечаю за свою судьбу. Я знаю все повороты судьбы, всех моих коней в лицо. Я знаю, зачем моя карета изнутри оббита мягкой тканью – повороты резки, а я хочу сохранить мозги в моей черепушечке. Да, есть у меня такое желание, как ни странно. В любом жизненном хаосе нужно оставаться собой. Даже если на меня падают горящие стены, даже если нет выхода из ситуации, если все идет наперекосяк, в первую очередь я должен позаботиться о кукушечке. Потому что она всегда должна быть на месте. Чистый мозг, соединенный с верой в Бога – идеальное комбо, которое всегда выведет из перипетий. Бог всегда спасет, даже если отвернулись родные и близкие, если предали друзья и бросили любимые, а весь мир пытается вас уничтожить. Даже в самых отчаянных ситуациях никогда не сдавайтесь, ведь за вашей спиной стоит Бог. Берегите себя, тьма изощрена в своем зле, но вы волнуйтесь о себе и заботьтесь о себе, слышите? Вы не одни. Бог внутри вас, Бог снаружи, Бог на вашем пути. Даже если вам кажется, что вас бросили, оставили, покинули – прислушайтесь к себе, и вы услышите, как вас баюкает ваш ангел – хранитель, бдительно охраняя вас от бед и невзгод. Берегите себя. Бдите.

Глава 51

Мы наконец, приехали. Небо отливало розово – фиолетовым закатом. Ночь, прищурившись, внимательно смотрела на

нас, томно прикуривая свои сигареты о готовые вот-вот вспыхнуть звезды, уже нагретые до критической точки, не тронь – обожжешься. Мы с котом были готовы ко всему. Жизнь и это бесконечное путешествие успели нас помотать, мы уже не претендовали на бодрость и свежесть взгляда. Мы вышли из кареты и огляделись. Ночь немедленно положила теплые мягкие бархатные руки нам на плечи. Ждала ли нас очередная западня? Были ли мы в ловушке? Я не видел врагов поблизости. Но что стоит их найти честному человеку, говорящему правду? Пара секунд – и вот они на горизонте, все твои. Это друзья появляются в нашей жизни не сразу, а враги – вот они, пара пальцев об асфальт. Перед нами была защитная стена огромного средневекового замка, поросшего плющом. Все, как мы любим – заброшенный средневековый замок из рыцарских историй. Только я и привидения. Найс. Почему я решил, что он заброшенный? Шестое чувство, давайте назовем это так. Наши ангелы не любят публичности, как правило, они скрываются за словом «интуиция». Бог прячется за словом «случай», а ангелы – за этим шестым, неясным чувством, появляющимся в солнечном сплетении почти сразу, как только нам предстоит принять какое – либо важное решение. Вот и сейчас, я сразу понял, что мне предстоит зайти в замок и предпринять там некие действия. Какие – я еще не знал. Нам не выдают сразу карту действий, ангелы действуют поэтапно, по чуть-чуть. Возможно, особо не надеясь на нашу расторопность. Возможно, чтобы дождаться следующего шага темных и соответствующе ему дать ответный удар. У них всегда есть полный план событий. А мы, люди, всегда барахтаемся в нашей жизни на шаг позади. Но лучше запаздывать с ответным ударом, чем быть в ловушке тьмы. Это вам каждый дурак скажет. Потому что из ада нет обратного выхода. Он не предусмотрен. Поэтому все так строго. Я плачу по жизни за самую мельчайшую ложь, за самый маленький проступок. По рассеянности утащил ручку из офиса? Ручка, ну подумаешь? Что она там стоит? Копейки! На эти самые копейки меня обсчитают на следующий день в магазине. Хочешь верь – хочешь не верь, но Вселенная строго бдит баланс. Где-то убыло, где-то прибыло – все счета сведены. Разумеется, кроме тех грешников, маршрут которых проложен в ад, на кого уже небо махнуло рукой. Но никто из соображающих людей им не завидует. От слова «совсем». Там могут быть астрономические суммы, «распилы» и откаты, шестизначные нули, но все это вызывает лишь ужас на лицах знающих людей. Потому что они понимают, сколько за эти глиняные черепки заплатит душа на том свете. Никто не смотрит, сколько денег жадно пересчитывает мертвец в VIP купе горящего поезда, несущегося со всей дури в ад. Да никто в окна поезда и не

заглядывает, все разбегаются в стороны, чтобы, не дай Бог, не задело и не уволокло следом. Агония, агония темных сил – вот, что нам приходится наблюдать в последние несколько лет. Отойдите подальше, чтобы бьющийся в агонии смертельно раненый зверь вас ненароком не укусил. Ведь все, чего хотят сейчас темные – побольше людей затащить за собой в ад, они не хотят одиноко гибнуть, им нужно больше и больше жертв, ведь тогда подобие кривой улыбки появляется на их обезображенных лицах, ведь эти нелюди могут радоваться на этой планете лишь чужому горю, больше ничему. Я стоял и смотрел на отвесные стены, кот запрыгнул мне на руку, и, клянусь, соображал в этот момент, как туда проникнуть. Кони откланялись, карета умчалась, мы остались одни. Вот так таааак... Мне уже были воспрещены геройские поступки, о, сколько дел я накрутил, сколько набарагозил по жизни, ну почему, почему проблемы все мира, как сговорившись, падают на мою упрямую башку? Ведь не семь пядей во лбу, ни серебряной ложки во рту, ни золотых рук – никакими талантами я не обладал, природа на мне смачно отдохнула, да что там говорить, ушла в запой, и я родился тем самым, каким родился! Ну почему, почему все мне? Что там в этом замке? Отборные исчадия зла? Ну почему, почему все решили, что я экзорцист? Что мне нравятся все эти процессы извлечения зла из всего, что мне встречается на пути и отправка его обратно в тартар. Я вынужден, вынужден это делать, ведь на кону моя жизнь и жизнь дорогих мне людей, да что там говорить – просто обычных людей, челоуеков, которые вот никак не заслужили всей той черноты и откровенного трешака, что происходит с ними. В последнее время что-то врата ада разболтались, хлюпают ненадежно, половина темных постоянно выползает на землю, круглосуточно ребята, круглосуточно, 24/7 приходится им давать чапалах. Или они нас или мы их, терциум нон датум. Что тут скажешь? Плюнуть на ладони, да за дело – выкорчевывать зло тоннами из матушки Земли и отправлять обратно, откуда привалило. «Men in black stays in black»(с), да-да, и все в таком роде. Что я там должен найти, какой артефакт? Что понять? Каких тварей развоплотить? Сила начала покалывать в моих пальцах, хотя я не призывал. Битва предстоит нелегкая, нас редко когда так загодя готовят. Значит, это не просто рядовая потасовка, что-то посерьезнее. Почувствовал, как на пару пальцев мне подвесили фаеры. Ооооо, небо, за что все это мне, за чтоооо? Вроде мужик как мужик, лежал бы дома на диване, потягивал бы пиво. Ан нет, вот тебе на – черная стена замка прямо перед моим фейсом, фаеры на кончиках пальцев, что хошь, то и делай. И, типа, нас с котом там очень ждут. Ловушка века detected. Ага, ага так и взяли нас на понт – нас просто так не проведешь. Мы и сами

с усами. Я подмигнул коту, тот в ответ, щурясь, внимательно посмотрел на меня. Такое ощущение, что кот уже знал, что ничего хорошего нас там не ждет. Ох, мистер Кот, я был в этом уверен. Однако же, других вариантов развития событий у нас не было. Если судьба ждет от тебя решительного шага, ты не можешь мямлить - вафлить. В обратку прилетит больше, чем ты сможешь унести - нельзя игнорировать волю Бога. Смирение - вот что спасает душу в этом случае. Если вы видите перед собой Авгиевы конюшни, выпейте чашку кофе, сосредоточьтесь и идите вперед, за работу! Ибо никто, кроме вас, не сделает это за вас.

Глава 52

Как бы мне хотелось забыть, забыть все это как страшный сон. Перевернуть холодной стороной подушку, высунуть ногу из-под одеяла и снова сладко заснуть, беспечно, как в детстве. Но нет же, нет. Нет у нас права отступить, у тех, кто назвался воином Христовым. Нет ни шансов, ни возможностей струсить, сделать шаг назад. Если не мы, то кто? Мы - соль земли. Мы - то, на чем держится этот мир. Мы не имеем права быть слабыми. Пусть черти трепещут, ибо мы - под защитой Бога нашего, Иисуса Христа. Его Именем защитимся, Его Именем разрушим козни врага.

Я вдохнул. Выдохнул. Взял кота в охапку и пошел к подвесному мосту. Мост был сделан из черного камня, видно было, что подвесной механизм проржавел и зарос плющом - им не пользовались десятилетиями. «Веками», - шепнул кто-то в двух сантиметрах от моего правого уха, я вздрогнул и резко оглянулся. Естественно, никого рядом не оказалось. По крайней мере, из видимых объектов. Но от страха я мгновенно активировал свой меч и теперь он серебристо сверкал в моей руке на всех уровнях, привлекая внимания. «Эх, тангалашки, придурки, вечно напугают!», - с досадой произнес про себя, пытаюсь запихать меч в ножны и снова деактивировать его. «Не надо, - произнес голос совсем рядом со мной, - неси так». Я чуть-чуть прикрыл меч серым туманом, но, разумеется, любому темному средней руки было бы понятно, что он у меня есть - рукоятка упрямо торчала из укрытия, ничего не смог с ней сделать. Я ступал осторожно по мосту, кот молчал, не издал ни одного «мява» с тех пор как мы вступили на мост. Я, честно говоря, боялся, что тот рухнет. Но этого не произошло. Я шел практически на носочках, весь сосредоточившись на скрипах моста и порывов ветра, поэтому был так удивлен, когда нос мой

воткнулся в закрытые ворота. «Вот так тааакк, - уже в который раз по-дедовски со вздохом протянул я, - и как же теперь открыть этот «сим-сим?» Кот выразительно посмотрел на меня своими желтыми глазами, трижды четко сказал «Мяу» и ворота со скрипом начали открываться. Я в ужасе посмотрел на них, потом на кота, который, судя по независимому и гордому выражению мордочки, ждал аплодисментов, потом снова на ворота, и дикий ужас охватил меня. О, как бы я хотел вернуться обратно! Не важно куда, но домой. Любое место, где бы я ощущал себя в безопасности, было бы сейчас для меня домом. Любое. Любое, ребята. Но только не тут, только не здесь, где тут кнопка escаре, где delete? Ох, как же я не хочу этого всего, как не хочу. Пока панические мысли металась в моей голове, ворота с зловещим скрипом продолжали открываться, пока не дошли до предела в этом ужасном звуке, и не открылись совсем. Кот ласково двинул мне мягкой лапой по щеке, что означало: «Пошли, чего стоишь, кожаный?», и мне ничего не оставалось сделать, как шаг вперед. За воротами виднелся черный замок. Узкая, мощеная стертым булыжником, улочка огибала его. Путь от врат лежал по прямой, никого не было рядом – ни людей, ни нелюдей, ни синих человечков. Я сделал пару шагов на полусогнутых. Я, парень не робкого десятка, почему-то трясся, как баран на убой. Может быть, в параллельной реальности, у меня были варианты подумать и не заходить туда. Но здесь, в этой, я отчетливо понимал, что могу идти только вперед. Не было пути назад, небыло. Вся моя жизнь, свитая из хитросплетений ложных путей и ошибок, неверно выбранных дорог, не тех работ, занятий, компаний, предателей - друзей и ложных возлюбленных, из пота, крови, слез и страданий, из коротких минут счастья, когда я все же, невероятным образом, делал правильный выбор - вся моя жизнь непостижимо служила Богу и Ему одному. Да, я сделал множество ошибок, да, я прошел не все дороги, что хотел. Да, я ничего в глобальном плане не достиг и до смешного мало кому помог, кого выручил. Но я от Него не отрекался. Я служил Ему, Ему одному. Так что не было у меня пути назад. А если и смертушка ждала меня. Что ж. Дважды не умирать, а одной - не миновать. Лишь бы, лишь бы это все Его замыслу не противоречило. И моя дрожь прекратилась. Накрыло меня вселенским спокойствием. Я спокойно, уверенно шел вперед по улочке, ведущей к воротам замка. Кот на плече смотрел вокруг во все глаза. А посмотреть и вправду было на что. Было ощущение, что сюда века этак с 16го никто не заходил. Все было покрыто пылью и паутиной. Дома стояли неживыми, с запыленно-коричневыми окнами. Впечатление было удручающим, но завораживающим. Как будто всех людей взяли и вывезли из этого места. Одновременно. В один день.

Открыли портал, и все. Депортировали. И здесь не стало никого. Ни одного человека. А может был, это был мор? Чума? Вымерли в один день все, и все. Пустой замок, пустой город, ржавые ворота. Но кто же мне тогда их открыл? Кот недовольно мявкнул при моей этой мысли. Ах, да, что это я? Позорюсь тут, понимаете ли. У меня же кот – отмычка. Кот – деактиватор. Кот – взломщик дверей. Кот – Великий молчальник, знающий об этом мире неизмеримо больше, чем я. Я ласково почесал ему за ушком. Кот, прищурившись, мимолетно и одобрительно глянул на меня в ответ. Все-таки, взаимопонимание в команде – дорогого стоит, особенно если смерть целится в тебя своим ржавым маузером из-за всех углов и щелей.

Дорога вела нас к вратам замка, вокруг все так же было пустынно, тихо и походило на средневековый триллер, но мне было уже глубоко все равно. Мне было глубоко по хрен. Жизнь вертела меня на среднем пальце руки, я настолько привык к падениям и неудачам, что уже не ждал от происходящего ничего хорошего. Видимо, мой мозг опять достал свою любимую шкатулку с депрессией, вытянул оттуда серый пиджак, напялил его и начал крутить заунывную мелодию шарманки, изредка в такт подвывая. Стоп стоп стоп, мозг! Мы так не договаривались! Тварь ты этакая, стоит отвлечь свое внимание на пару секунд, и вот ты уже посыпаешь голову пеплом и воешь унылые песни под шарманку! Не тут-то было! Остался еще порох в пороховницах и ягоды в ягодицах, мы еще покажем этому миру что мы «ого-го», и никак иначе, и никак не меньше этого! Я мысленно отвесил себе смачную пощечину, и мозг суетливо спрятал шкатулку с депрессией далеко под кровать. Бодро отрапортовал, что готов немедленно выполнять мои команды. Вот так-то бы сразу. Пока я вел нелегкий бой сам с собой (а такие бои всегда нелегки, ведь твой соперник – так же мудр, силен, умен, быстр и хитер, как и ты), мы с котом уже приблизились к замку на расстояние нескольких метров. Охраны не было, вокруг все так же стояла зловещая тишина. Вот мне делать нечего – таскаться по старинным замкам, сметать с них паутину – обиженно надул губы мозг. «Тссссс, - зашипел я на него,- молчи, сволочь, пока я тебя не пришил!» И мозг мгновенно затих и встал в боевую стойку, ожидая моих указаний. «Вот так- то намного лучше,- подумал я, - вот так бы сразу». Почему, чтобы что-то заработало, нужно на это предварительно наорать? Не было ответов на мои слова, нас с котом ждало очередное приключение. Ноги бы целы унести отсюда. Желательно, в комплекте с телом. Ха-ха. Шутка получилась не смешной, кот неодобрительно глянул на меня после нее: я давно подозревал, что он читает мои мысли. О, мой дорогой Доктор Ватсон, как же потрепала тебя судьба,

за какие такие грехи Вседержитель удостоил тебя быть котом? И на эту фразу, хаотично сгенерированную мозгом, мой кот быстро посмотрел на меня, ослабившись и дернув усами. Типа, очень смешно. Ха-ха. Ну что ж, Шерлок Холмс, тебе предстояло очередное дельце. Дельце таких масштабов, о которых ты и не мечтал. Зайти, понять, чо делать, сделать-то чо-то нада, при этом не угробиться самому и не угробить кота. Выйти живым и невредимым. И душа, душа, самое главное, чтобы осталась на месте. Живая и светлая, принадлежащая только Богу и Ему одному. Аминь.

Глава 53

Ох, как все же опасно жить на этой планете! Да и в других мирах ни капельку не легче, не легче, товарищи! Постоянно нужен глаз да глаз за душой, как за невоздержанной трехлеткой – то она готова повестись на искушения, то осудить, то прогневаться, то блудно помечтать, то обожраться, то честолюбиво зазнаться, то гадость каку сделать, то людям, а то и себе! Эх, лишь бы Бога не прогневить, об одном молюсь. Бестолочь – она и в Африке бестолочь, да простят меня небеса. На этой фразе кот чувствительно пихнул меня в бок – нам нельзя было оскорблять самих себя, ни в жизни, ни при исполнении: это лишало до 50% процентов всех сил, а нам с котом в этой ситуации силы были, ох как нужны. Я очнулся и сделал шаг по направлению к черным резным вратам. Мне бы приглядеться к изображениям, вырезанным на них, мне бы всмотреться, кто был изображен, мне бы остановиться хотя бы на пол-секунды, но нет, я был слишком самоуверен и беспечен. Знаки, знаки, Вселенная всегда оставляет знаки, даже на морде тигра нарисовано «Не подходи», и эти черно-рыже-белые полоски видны и в утренней чаще, и в дневной зелени, и в звездной ночи. Но что таким, как я, какие-то предупреждения? Фи. Я сам с усами, все бездны мира исследую своими ногами, и только ангел мой хранитель час от часу седеет все больше и больше, жаль парня, как ни крути, такой молодой, а уже белый, как лунь. Ни стражников, ни охраны, ни-ко-го, только ты да я, искатели, блин, приключений. Двери заскрипели и медленно начали открываться. Мама дорогая, я мысленно схватился за сердце – так и Кондратий хватит от наших, блин, ситюейшенс – не заметишь. Кот абсолютно холодно и равнодушно смотрел, как открываются двери, и, едва они раскрылись до конца, решительно мявкнул. Я вздохнул, я отлично понимал, что на кошачьем это была короткая команда: «Пошли!», но, как же

я не хотел! Как же я не хотел. Я вовсе не был Робин Гудом, во мне не билось настолько храброе сердце, мне по душе был диван и чипсики, я не хотел ничего дурного, меня просто занесло сюда, просто занесло... Кот еще раз взглянул на меня и мой внутренний голос «на панике» заткнулся. Мне ничего не оставалось, как переступить порог этого странного замка, эх, где бы меня по свету не носило, верю, что где-то ждет меня моя теплая постелька с солеными сухариками под сериальчик, и я вернусь туда живым и здоровым, верю, что вернусь. Мы зашли в холодный темный пыльный холл с полным ощущением, что сюда никто не заходил несколько веков подряд. «Как склеп», - пронеслось в голове моей. Я смотрел вперед, туда, где виднелся тусклое серое свечение, кот же вертел свой головой на все стороны, как будто видел то, что было мне абсолютно недоступно. «Ночное видение», - пискнул кто-то у меня за правым ухом, было понятно, что это не кот, но оборачиваться не было смысла. Зачем себя пугать раньше времени? Нужно продвигаться маленькими шажками, тогда страх исчезает. Уж если ты залез в самую жопяную жопу из всех жопяных жоп, глупо было надеяться на то, что ты найдешь там повидло. А я и не ждал ничего хорошего, поверьте, я не был настолько наивен, я понимал, к чему это все ведет, сколько веревочке не виться..., ну там дальше вы сами знаете... Все это я прекрасно понимал и осознавал, но в то мгновение, когда резко и без всяких предупреждений за нами захлопнулись ворота, я вздрогнул от неожиданности и чуть было не заорал. Каким-то невероятным усилием я смог сдержаться и в ту же секунду с ужасом понял, что тот самый свет в конце коридора был ничем иным как отблеском уличного света. Видимо, там стояло что-то вроде огромной вазы, она, блин, и отсвечивала. Мы были в ловушке. Определенно, без всяческих шансов на спасение. Склеп -он и в Африке слеп. Думаю, по углам этого коридора наверняка лежали черепа и белые косточки таких же придурков как мы, спасателей, блин, Вселенной, ха-ха. Кот обвил лапками мою руку и мягко боднул меня головой, я машинально почесал ему за ушком. Как бы то ни было, я не мог долго поддаваться панике. Я был не один, а мы всегда в ответе за тех, кого мы приручили. Эх, говорила мне мама: «Не лезь в воду, не зная броду», а я? А что я? Вечно лезу, куда не надо, куда не просят, я, вечный пионер с воздетой рукой в приветствии: «Будь готов - всегда готов», я, не ведающий жизни без приключений, спокойной жизни, той, которой живут миллиарды нормальных людей, я, с шилом в попе, которое - несущая конструкция, я, перекаати-поле, я, рассветы на крышах, я, закаты, по пояс высунувшись из поезда (не делайте так никогда), я, живущий свою жизнь так неправильно со стороны окружающих, и так верно по меридианам Вселенной

Бога. В общем, кого было винить в такой ситуации? Только себя. Внезапно все вокруг осветилось мягким зеленым светом, кот посмотрел на меня, и я чуть не ослеп. Этот гений включил фары. То есть глаза. То есть кошачьи свои глаза. Взял и включил и теперь они освещали все пространство вокруг. Но как?! Как?! Я не мог бы ответить на этот вопрос, даже если бы очень захотел. Но факт оставался фактом – теперь мы могли двигаться вперед, не опасаясь в темноте наткнуться на нож. Мы видели все вокруг, насколько достигал глаз. Пространство было шире, чем могло показаться снаружи. Да что там, когда вам предлагают зайти в замок размером с обычное здание, а внутри вы оказываетесь где-то, размером с аэродром, что вы подумаете? Какие такие умные мысли посетят вас? А? Вот и меня посетило ни одной. Не то чтобы я был совсем тупым, о нет. Но эти внезапно раздвигающиеся 5ти мерные пространства всегда вводят меня в ступор. В замке, насколько хватало глаз, было огромный зал с каменным полом, выложенным очень старым булыжником. Серое пространство, выхваченное парой зеленых фар моего пушистого бро, клубилось чернотой по углам, насколько хватало глаз. Сколько там было? Десятки метров? Километры? Десятки километров? Тысячи? Этого я не знал. Однако же было полное ощущение, что мы находимся на каком-то открытом стадионе, мега – пространстве, а вовсе не в узком пыльном холле старинного затхлого замка. Я задрал голову вверх и не увидел ничего, кроме всепоглощающей черноты. Я провел ладонью по щеке, она была влажной. В замке струился туман. В замке шел морозящий дождь. Замок, очевидно, ждал нас. Я не мог следить за выражением мордочки кота, потому что этот ушастый слепил меня своими зелеными фарами. Договорился с ним мысленно, что буду слегка сжимать по очереди его правую или левую лапу, указывая направление, а он, если ему что-то не понравится, сделает мне чапалах. Ох, мы, кожаные, в рабстве у этих существ со времен Древнего Египта. В рабстве, в рабстве, они поработили нас давно, легко и надежно. Тебе не надо ничего в этой жизни делать, жизнь удалась, если ты – котик. И мой пушистый об этом знал. А я вот не был котиком. Я залезал в самые дерьмовые места этого мира и нескольких параллельных Вселенных просто потому, что я был создан для того, чтобы уничтожать Тьму. Сверкающему белому лезвию меча туман и морок не причинят зла, ибо меч рассекает их. Тьме не захватить меч. Огонь приходит не с мечом. Его невозможно потушить. Ибо я – и есть огонь. Огонь был внутри меня, я почти ничего не боялся. Почти ничего. Ничего, кроме гнева Бога.

Глава 54

Страха не было еще потому, что все мое внимание было сосредоточено на пушистом. Когда переживаешь за чью-то дорогую тебе жизнь, некогда переживать за свою. Ценность твоей жизни утрачивает всякое значение, а потому страх больше не властен над тобой. Я прижал его чуть сильнее, из-за чего тот незамедлительно и раздраженно мявкнул. Как их Вседержитель создал столь надменными? Ведут себя, как короли, поработили наши сердца, и празднуют. Не жизнь - малина. Сибариты, вечные сибариты. Завидую. Если все получится, в следующей жизни попрошу быть котом. И не на этой планете, а где получше. Если все получится, и я попаду к Нему.

Окей, что мы имеем. У нас есть тьма неизвестно каких размеров, у нас есть любимый кот, которого нужно защищать. У нас есть огонь внутри, которому по хрен на свою собственную смерть и на тьму, но страх, страх потерять того, кого мы любим, плотно сидит в нашем сердце. Расклад «фифти – фифти», или я врага, или он меня, терциум нон датум. Я вздохнул, набрал побольше воздуха в свои легкие и пошел во тьму. А что мне оставалось делать? Жизнь не оставляет мне шансов. Жизнь командует мне быть смелым, быть героем, даже если я этого сильно и не хочу. Если вас прижали в угол, и у вас есть возможность сделать только один маленький шаг в сторону – может быть, это именно то, чего от вас ждет Господь. Может быть, это именно это. Может быть, этот маленький шаг – лучшее решение в вашей жизни. Самый храбрый поступок в мире. Потому что вы обезоружены, прижаты к стенке, и просто вынуждены его сделать, ведь это единственное, на что сейчас вы способны. Но вполне возможно, именно этого и ждет от вас небо. И я сделал этот шаг. Я был окружен, я был загнан в угол, но я не был сломлен. Меня не смогли сломать, хотя этого очень хотели. Я пошел во тьму с моим котом с двумя маленькими зелеными фарами. Нас было двое. Мы были команда. Любые горы были нам по плечу.

Что чувствует любой нормальный человек перед лицом неизвестности? Страх? Ужас? Сомнения? Парализующее сомнение в своих силах – вот что чувствует обычный человек. Мне же стало весело. В моей голове крутилась пластинка из детского садика, где волк ломился к козлятам, а они почему-то решили сопротивляться «до последнего патрона» и отстоять свои маленькие жизни, и вот, самый младшенький из них вскричал своим тонким голоском: «Братцы, помирать, так с

музыкой!»(с) и дальше была какая-то заводная мелодия, под которую мы всем детским садом отжигали, но вот нюанс. Их не съели. Козлят не съели. Волк ломился чтобы их съест, но козлята приняли решение, что будут сопротивляться. И их не съели. Все так просто и одновременно так сложно. Нужно просто принять решение о сопротивлении. Да, тьма нападает на нас, да, она хочет нас сожрать. Сожрать, убить нашу вечную душу, запихать ее в тартар навечно, да так, чтобы в Раю и не вспомнили о нас, и не узнали, погубить наши души на вечные муки – вот чего они хотят. Но если вы решили сопротивляться...Если вы действительно приняли решение.... Если вы изживаете врагов, внешних и внутренних молитвой, постом, еженедельным причастием... То, что им остается, кроме как разочарованно клацать клыками, ведь вы защищены дланью Бога. Ведь над вашей головой отверзаются его руце и хранят вас от порабощения тьмой. Так думал я, самоуверенно шагая во тьму, разрезаемую парой салатových лучей, извергаемых из глазо-фар моего пушистого бро. Ох, говорила мне мама: «Не зная броду, не суйся в воду»(с), и все в таком духе. Но мой внутренний бунтарь не умер внутри меня в мои 16 лет, он продолжал жить во мне, и я «морозил назло маме уши» всю мою сознательную жизнь. Возможно, я перся сейчас прямо в пасть моей смерти, причем, с риском даже не быть толком похороненным, ибо кто будет искать тело жалкого неудачника, затерянного в параллельных мирах? Кот двинул меня лапой, не оборачиваясь, и я понял, что уныние само достало себя из сундука мой души, и затянуло свою обычную серую песню. Нееееет, мы так не договаривались, дорогое уныние. Мне сейчас нужны просто все силы, все силы моей души, все силы моего молодого организма, чтобы наконец победить эту тварь в неопознаваемом пространстве, это чернильное пятно, растекшееся по виртуальным залам замка, эту черную хрень, что не дает мне покоя ни на Земле, ни в соседней Галактике. О, как я устал! Вечно гоняюсь за этой тварью, а на небе покупают чипсы и едят орешки, гадая, кто ж из нас победит? Не то, чтобы я был совсем изношен, нет. Не то, чтобы я опустил руки. Но мне порядком это поднадоело. Кто возьмет верх: я или это противное черное нечто?

Глава 55

И тут внезапно я увидел Его. Я узрел Его, я увидел свет, льющийся сверху белым столпом, и я, ничуть не испугавшись, двинулся навстречу. Столп света, льющийся с небес, выше,

намного триллиардов световых лет выше, чем крыша замка. Там была дыра, дыра в самое сердце Вселенной, и оттуда лился чистый свет. Господи, как же я скучал по Тебе... Господи, как же я измучился... Господи, как же долго я этого ждал.... Глухие рыдания начали душить меня, слезы хлынули из глаз моих, как из брандспойта, я все шел и шел к чудесному источнику света и никак не мог приблизиться. Я ускорил шаг, но это не помогло, я почти побежал, но ни на метр не приблизился к столпу света. Было ощущение, как будто бы на беговой дорожке: ты прилагаешь максимум усилий, бежишь быстрее спринтера, пот льется с тебя градом, ноги дрожат, но и на миллиметр не сдвигаешься с места. И тогда я встал, как вкопанный, и остался стоять. И Свет приблизился ко мне. Я подставил руки, и Свет легко пробежался по моим ладоням, оставив их гореть красным пламенем. Я несмело сделал микро - шаг, несколько сантиметров, буквально придвинул ногу к источнику света, и она тоже запыхала огнем. Я придвинул вторую ногу и зашел сам в этот источник, как в душ. Никогда доселе моя душа не испытывала подобного. Каждая клеточка моего тела горела огнем. Огнем были наполнены мои руки, ноги, глаза, язык, ресницы, от макушки до мизинца на ногах я чувствовал огонь. Нет, неправильно, я был самим огнем. Точно так же внезапно, как столп света появился, он исчез. Я посмотрел вверх- дыры в потолке замка не было. Значит, привиделось. Я опустил глаза и чуть не отдернул руку - я держал на своих руках огонь. Ушастый огонь, который пялился на меня двумя зелеными лучами и мурлыкал. Хуже того - мои руки горели огнем. Я весь все еще горел огнем, да так, что освещал собой весь замок. «Погаси фары, бро, - велел я коту, - мы теперь сами себе электричество». Огонь был неугасим. Он не мог никого обжечь. Он не мог никого поджечь. Это не был огонь в нашем обычном понимании. Можно было взять цветок огня на ладонь и смотреть, как красиво он распускается. И не получить никакого вреда. Но он горел внутри меня, он освещал путь, он придавал сил. Единственный минус, мы стали видимы для врага. «А вот тут ты ошибаешься», - промурлыкал мне телепатически кот, и я увидел, что он исчез, я не успел даже испугаться, а через 2 секунды так же появился, обворожительно улыбаясь. Мозг взялся за анализ: мой кот светил глазами как фарами, мой кот мог улыбаться, мой кот горел внутренним огнем, а потом исчез, мой кот мог все на свете, из чего в моей бедной голове пронеслась одна единственная мысль: «А кот ли это на самом деле?». Кот хитро прищурился. Кот усмехнулся. Кот демонстративно лизнул себе лапу. Кот мявкнул что-то недовольно на своем кошачьем. Кот направил на меня флюиды забвения? Кот отвлек мое внимание, больше этого вопроса я

себе не задавал. Теперь мы продвигались вперед без всяческих фонарей, мы равномерно светились изнутри, горели огнем, я и кот. Дорога пролегла через черную пустыню. Черный сухой песок противно хрустел под ногами. Черная пыль легким проклятием вздымалась от каждого нашего шага. Впереди, насколько хватало глаз, была черно – серая хмарь. Никакой линии горизонта, хотя бы легких остатков заката, хотя бы одну тоненькую красную, розовую полосу, хотя бы что-то другого цвета, чем тьма. Размечтался. Такой опции нам предоставлено не было.

Глава 56

Ох, как жопой. Жопонькой моей я чувствовал, что нам не стоит заходить в этот замок. Территория тьмы очень коварна: ты думаешь, как бы нанести встречный удар, но она уже давно за твой спиной, целится тебе в шею. Не стоит ждать благородства от цитадели зла. Зло состоит из тотального предательства. Я не любил вот это вот все. Банальное чувство безопасности скажет любому путешественнику – обойди это гиблое место. Уйди, милый Ватсон, с болот, тут шастает черная собака Баскервильей. Но я был молод, был упрям. Я думал, что смогу победить весь мир. И со мной был кот – тоже немаловажно, знаете ли. Вдвоем мы были команда. Непобедимая команда. Кот и я.

Черная пыль вздымалась под ногами. Не могу сказать, чтобы было жарко, не могу сказать чтобы было холодно. «Если это пустыня, то утром мы умрем от жажды», - подумалось мне. «Это не пустыня», - хладнокровно отозвался кот. «А что же?!», - вскричал я. «Увидишь», - так же спокойно ответил кот и зевнул. Я не любил такие загадки, где, в случае неправильного ответа, на кону стояла моя жизнь. Эх, сидел бы сейчас на диване, пил пиво, смотрел бы телевизор. Отуплял бы себя по гос. программе, как миллиарды людей на этой планете. Дом-работа-дом. Пиво, чипсы, телик. Каждый вечер. Пиво, чипсы, телик. Ну, или пиво, фастфуд, телик. Главное, чтобы не думать. Максимально заставить свой мозг вырубиться и не соображать. Духовное самоубийство, кажется, так это называется. На земле остается только тело. Потреблять. Потреблять. Потреблять. Ни о чем не думать. Потреблять. Душа атрофируется, души там нет уже даже в зачатке. Толпы и толпы ТВ- зомби жуют каждый вечер снеки и остекленело смотрят на экран. Почему меня не засосало? «Ты молод, - скажете вы,- молодежь не смотрит ящик». А кто сказал, что силы тьмы не придумали ему замену? Миллиарды подростков, уткнувшихся в смартфон с

секундными видео смотрят на них 24/7 с теми же стеклянными глазами. Ничего нового. Но меня не затащило ни в эту секту, ни в другую. Почему? У меня нет ответа на этот вопрос. Я не был самым волевым человеком на земле. Я позволял себе вольности. Я позволял себе слабости. Но всю жизнь меня вела моя нить Ариадны. Да что я там так пафосно говорю – «нить»... Так, ниточка. Едва заметная, то тут то там припорошенная, наполовину скрытая, но я точно знал, что дана она мне была от Бога и что я должен был следовать ей. Что бы ни случилось, кровь из носа. Какие бы чапалахи от людей я ни получал, как бы надо мной ни измывались, как бы ни запугивали, что бы ни заставляли сделать, я знал, что должен следовать ей, и только ей. Было ли мне сложно? Что значит сложно, если на одних весах лежит – следовать своему пути, не смотря на препятствия, а на других – послушаться Бога? Любой здравомыслящий человек выберет между небольшими траблами и пропастью – траблы. Никто из нас не совершенен, жизнь каждого трудна. Но как же страшна жизнь того человека, кто отказался от веры? Страшна, а главное, недолга. Сначала умирает душа, а вслед за ней темные стараются быстро грохнуть тело – чтоб уж наверняка и по-быстрому в ад.

Тяжелые мои мысли прервал пинок кота. Я успел подумать, что пинается он, как младенец в теле женщины, но мысль моя оборвалась на лету, не успев приземлиться на язык, ибо он оцепенел от того, что видели мои глаза. Я осознал, что означает в полной мере не доверять ни себе, ни своему зрению, ибо то, что я видел, невозможно было ни просчитать, ни продумать заранее. Зрело око, чего глаз неймет(с) и все в таком духе, и все тому подобное. Красно – малиново - оранжевое зарево горело отблесками на нашем с котом лицах: внезапно стало светло, как днем. Мы узрели огромное нечто, похожее на голову самого омерзительного героя сказок которое возможно было бы себе представить: огнедышащая голова сверкала огнем, горела страшными лепестками пламени, которые невозможно было бы себе вообразить. Этот огонь не был похож на наш, этот обжигал и нес собой смерть. Мы же горели изнутри тем огнем, которым невозможно было бы обжечься. Наш огонь нес жизнь, а не уничтожал. Безобразное чудовище, точнее, его огромная голова, вращало на выкате своими размером с тарелку глазами, хмурило брови, каждая из которых была с бревно и смердило. Оно смердило, как все самое ужасное, что чуял ваш нос в этой жизни вместе взятое: как подмышка лет сто не мытого потного мужчины, к которой волею судеб вас в давке прижало в метро, как стадо скунсов, как тухлое яйцо «в подарок» от строителей, которым вы не доплатили, «случайно»

забытое под ванной, как блевотина в единственной свободной туалетной кабинке клуба, а вам двадцать и страшно хочется и писать и сделать так же, оно пахло как тридцать дохлых кошек, как вся жизнь тридцатилетнего неудачника, то есть моя. При мысли «неудачник» я вновь схватил чапалах от кота, и вспомнил, что себя гнобить категорически нельзя. Зачем себя гнобить, если ты через две секунды рискуешь быть тотально сожранным? Как часто мы пытаемся отрубить себе голову за два метра от электрического стула? Зачем? Зачем мы это делаем, если единственный, кто может быть нам адвокатом в полной напряженной череде будней – мы сами? Обвинителей полон мир, а единственный адвокат, способный тебя защитить – это ты же и есть. Так не убивай своего единственного защитника на корню. Будь на стороне себя.

Чудовище открыло рот в немом жадном порыве, так глубоко, что внутри него я увидел страшный огонь, и этот огонь горел отблесками на тех несчастных, что двигались на ленте в зияющую пасть. Да, подход был на удивление техногенным: жертвы, которых пожирало чудовище, ехали к нему на автоматически движущейся черной ленте, той самой, что мы выкладываем товар в супермаркете перед кассой. Только тут вместо кассы была огромная отвратительная голова, жрущая людей без причмокивания. «Зина, отмена!», - захотелось заорать мне, но кот предусмотрительно зажал мне рот своей пушистой лапой. Никаких заграждений или надсмотрщиков я не увидел, лента двигалась так медленно, что можно было легко сбежать, просто отступив в сторону, но никто, повторюсь, никто из несчастных не делал этого. «Почему?»- спросите вы. Потому что их тела сверху донизу были опутаны стальными цепями, и эти цепи связывали их по рукам и ногам от макушки до пяток. Цепи... цепи... кто и за что сковал этих несчастных? «Грехи», - ответил на мои мысли кот и внимательно на меня посмотрел. Боюсь, что мы пробыли тут слишком долго, и слуги тьмы неминуемо должны бы были уже нас заметить и поставить на такую же черную прорезиненную ленту, чтобы забросить в зев чудовища, но кот слегка подтолкнул меня, мысленно передав: «Пошли», и мы прошли мимо этого ужасного зала, абсолютно незамеченными. Вопросы роились в моей голове, как комары вечером в центре тайги над заблудившимся походником, запоздалый страх булькнул на дне моего желудка, когда мы уже порядочно отошли, я присел на корточки, тяжело дыша. Кот пару раз толкнул меня лапой, но я помотал головой, типа, дай отдышаться. «Почему он нас не заметил?» - спросил я напрямую кота. Мне уже нечего было стесняться – любая психушка была бы намного лучше этого темного мрачного места, где я

находился сейчас, я был бы готов целовать руки тому, кто решил бы что я «ку-ку» и вызвал бы соответствующие органы контроля за сознанием населения. Но фишка в том, что из людей, хотя бы мало-мальски соображающих людей, не скованных теми страшными цепями, здесь был только я. И кот. Но кот же не «людь»?

Кот посмотрел на меня внимательно, и я понял, что эти цепи ждут каждого, кто преступает законы Бога. Я не был святым, не помню – кажется, я уже об этом говорил. Я грешил, но я очень. Очень. Очень старался не грешить. Хотя грех лежит у порога(с), о как же меня бесила и бесит эта пословица, но какая же это правда! Просто миллиард искушений, как огромный ледяной ушат обрушиваются на человека, когда он выходит из дома. И не менее летит на голову того, кто решит остаться) Место значения не имеет. Самое главное – дойти до финиша, не связанным по рукам и ногам. Самое главное – не дать им власти над собой. Потому что единственная власть над нашими душами должна принадлежать и принадлежит Богу, и ему одному. Создателю нашему, который даровал нам свободу волеизъявления, и в каждой, каждой, каждой жизни мы должны выбрать Его... чтобы не попасть на ту, супермарковскую ленту, к тому.. смердящему...

Глава 57

Нас не заметили, я был бы очень счастлив от этого ощущения, чуть более пары недель назад, или когда там я в очередной раз решил спасти планету от зла? Надо мной, наверное, хихикали в кулачок ангелы в раю и в аду чертили черти план преследования, но факт оставался фактом – я был слишком тщеславен и самонадеян –я надеялся спасти Землю. Было бы очень смешно, если бы не было так грустно – ведь за все это время пребывания здесь, в параллельной реальности, я понял лишь одно: силы мои малы, кот любит меня, ангелы мои защищают меня, Бог смотрит на меня сверху, а тьма жестко преследует, и не собирается останавливаться. Вселенная ждет от меня подвигов, а я каждый раз думаю, ну какой же я идиот, что во все это ввязался. Лежал бы сейчас на диване, пил бы пиво, как все, и не отсвечивал. Уже на вторую неделю постоянного употребления алкоголя мысли бы атрофировались, и я бы стал обычной кормовой базой для тьмы – бесплатной батареей. Исправно бы снабжал тьму энергией, а после смерти отправился бы в ад на стандартные мучения, как все, как все. Чего высовываться? Конец предрешен. Не сегодня,

так завтра они настигнут меня, и я встану на прорезиненную конвейерную ленту. Не успев додумать эту мысль, я получил мощный чапалах от кота. Мои бедные челюсти щелкнули. Кот бил меня по щекам своими пушистыми лапами так сильно, что я не успевал отворачиваться. Откуда столько силы в таком маленьком существе? Я уже хотел было заорать, но он закрыл мне рот своими пушистыми лапами, и я заткнулся. В самом деле, он был прав: панические состояния о том, что ты можешь не победить, надо рубить на корню. Паника никогда не помогает победить, она на стороне проигравших. Я заткнулся и побрел вперед, под ободряющее мурлыканье - тарактенье кота. Все-таки, мне крупно повезло с ним. Что бы со мной было, если бы мой мозг увлекся хотя бы одной моей панической мыслью? Куда бы, в какой тоскливый лабиринт без выхода она бы завела меня? Я видел этих пораженных самими собой воинов- они были повержены, повержены своим же страхом. Их организм сгенерировал страх и отравил сам себя. Как глупо быть разрушителем своей же собственной жизни: своих мечтаний, своих надежд, своей веры. Я не хотел быть, как они. Пусть весь мир считает меня сбитым летчиком, мой кот знает, что в моей груди бьется горячее сердце, что руки мои сильны, что взор мой зорек, как и прежде, что я меток, уверен в себе, что я стремителен и мощь моя никуда не делась. Что нам до того, что о нас подумает весь мир, когда мы должны дать ответ перед Ним, перед Ним одним? Что нам до этих миллиардов мнений таких же осужденных в конце жизни, как и ты сам? Не лучше ли думать с самого рождения, что за все поступки и даже мысли придется дать ответ. О, как горек час внезапной кончины для нераскаявшихся грешников. И с какой же тихой мирной счастливой улыбкой на устах отходят праведники! О, как же мне до них было далеко, как далеко, но как же хотелось приблизиться: умереть в своей постели после долгой - долгой молитвы, а лучше и во время нее, как Серафим Саровский. Эх, но я не был святым, и об этом я мог только мечтать. Только слабая надежда на помилование в судный час подпитывала меня и заставляла передвигать мои уставшие ноги. Это, да и, пожалуй, кот. Ведь мы всегда в ответе за тех, кого приручили.

Глава 58

Мы шли уже довольно долго, а тьма даже и не думала рассеиваться. Густой туман висел по сторонам, наши горящие внутренним огнем тела освещали нам путь. Мы с котом были, как два вечно горящих факела, правда, неизвестно, на каком

топливе. Где мы находились? Я бы сказал, с учетом тумана, что это могло быть просто масштабное место для парковки, или же, пространство размером с пустыню Сахару. Я не знал, ни где я нахожусь, ни куда мы идем. Кот послушно тарыхтел мне в ухо, отгоняя от меня панические атаки. Мой глаз уже пригляделся к этой полутьме, и я бы точно заметил нечто неожиданное. Если бы оно было. Если бы оно было. Хуже войны только ожидание войны. Хуже драки только те томительные секунды, когда все участники знают, что она будет, но кто-то должен ударить первым. Взять на себя ответственность, открыть дверь в тартар, начать это все, спровоцировать. Я не хотел брать на душу этот грех, ведь всем известно, что рай получают миролюбцы, а вовсе не те, кто развязывает войны. Но как же я знал, как я знал, как я был уверен на все 100%, что драка будет... Шерсть моя стояла дыбом, глаз различал малейшие оттенки тьмы в тумане, на любой шорох я реагировал, как боец спецназа: быстро, с опережением. Однако...на нас не нападали. И это выматывало хуже самого боя. Приходилось быть на стороже, тратить нервные клетки. И идти, и идти в непроглядную мглу...Никогда не любил эти гребанные 3D пространства. Это когда ты знаешь, точно, 100% знаешь, что комната перед тобой не больше спичечного коробка, но открываешь дверь и видишь перед собой огромное футбольное поле. Кто это придумал? Зачем? Не иначе как уловки разума, ловушки темных, параллельные пространства или сбой в соседних галактиках, в общем, ничего хорошего. Но тебе, тебе приходится жить с этим. Ни одной, ни одной хорошей мысли не возникло в моем мозгу при первом взгляде на этот замок. Моя пятая точка отчаянно кричала: «Беги! Беги, дурак, отсюда!». Но чувство долга, чтоб его за ногу, да страх за кота просто на веревке потянули меня вовнутрь. Да и от того, кто отказывается от судьбы, уготованной Богом, рано или поздно отвернется сам Бог. А этого я никак не мог допустить. Не так страшна смерть на этой маленькой голубой планетке, как момент после, когда перед самыми Вратами вы можете услышать: «Не знаю тебя». Вот уж, воистину, нет ничего страшнее этого ни на небе, ни на земле. Именно поэтому я, нерадивый маленький воин, с храбростью не больше мыши-полевки, делал все, просто все от меня возможное, что меня ТАМ заметили. Чтобы занесли в Книгу Жизни, да ну хоть как-нибудь, хоть точкой с запятой, хоть точечкой, хоть тире, хоть многоточием, но занесли. Больше ведь ничего не надо для человека, который видел ад на земле, и который очень хочет остаться с Богом. Ибо то, что я видел мне вовсе не товарищи, нет нет нет, пусть чудовища жрут сами себя, а мы не такие, мы другой крови, мы мирный атом. Что бы Бог ни подготовил для меня, что бы ни было уготовлено - я на

все согласен. Я, серенькая мышка – полевка, готова бежать на рассвет тысячи и тысячи километров, если Он прикажет. Если будет в этом какая-то Его мысль, если будет в этом какая-то Его цель и предназначение, я побегу. Даже если я буду уже старой и немощной мышкой – полевкой, я поползу. Если не смогу ползти, я буду вгрызаться зубами в мерзлую землю и все равно продвинусь в том направлении, что дал мне Всевышний. Потому что я видел ад. Я не хочу туда, ребята. Там не наше место, поверьте мне. Мы не должны там оказаться ни при каком раскладе. Шевелите лапками, взбивайте ваше молоко в сливки, сливки в сметану, а сметану – в масло, выпрыгивайте на фиг из кувшина, пусть смерть уйдет со срамом, а вы, а вы, бегите в сторону рассвета, перебирайте маленькими лапками, не останавливайтесь! Ни ночь, ни дождь, ни снег, ни туман, ни дикие звери, ни черти, ни лярвы, ни бесы, ни тангалашки да не остановят вас. Ведь Бог с нами, Бог внутри нас, Бог оберегает нас в каждый момент нашей жизни, Бог любит нас, когда уже не любит никто, Бог следует за нами, когда все отвернулись, Бог освещает нам путь. Маленькая храбрая мышь – полевка бежит в сторону рассвета, и я знаю, что она успеет. Она успеет...

Глава 59

Мои мысли были внезапно прерваны надрывным звуком старинного охотничьего горна, кот встрепенулся у меня в руках и укусил меня за левую руку, от такой черной неблагодарности я обиженно закричал: «Ай!» и автоматически качнулся влево – и как вовремя: мимо меня на полной скорости промчались охотники в старинной одежде, на таких взмыленных лошадях, что пена одной из них со сбруи капнула мне на руку. От испуга и неожиданности, я отскочил на пару метров еще влево, и удивительно вовремя – ибо мимо меня промчалась свора породистых гончих собак, каждая из которых, как было видно, пробежала уже несколько километров и была измождена, но и одновременно раззадорена. Все, все, кого я видел – и лошади, и собаки, и охотники неслись со стеклянными глазами, как будто что-то или кто-то заколдовал их. «Параллельная реальность, 17 век», - шепнул кот. Я не был удивлен. Я уже не удивлялся ничему. Вообще, это хороший способ сохранить нервы целыми. Что бы ни происходило вокруг тебя – ты не удивлен. Не удивлен – равно не тратишь свою эмоциональную энергию на оценку. Сразу действуешь, вот и все. Я выпрямился, отряхнулся, поправил кота на руках и выдвинулся вперед. Распоряжений сверху не было? Не было. Ну и все, значит,

продолжаем путь, с какими бы препятствиями не столкнулись. Хладнокровно строим планы на эту жизнь, не дергаемся. В планах тьмы – разрушить наши планы. В наших планах – победить. Вот и все, вот и все. Очень легкая стратегия, ничего лишнего. Я прошел еще несколько десятков метров. Пыль после охотников, и их лошадей, и их собак улеглась. Так бы и хотелось назвать их «сворой», но мы не должны заикливаться на наших противниках. Не нужно так внимательно заглядывать в бездну, иначе бездна начнет вглядываться в тебя. Еще через несколько метров я увидел густую стену из леса, и посередине просеку, узкий-узкий проход между деревьями. Кот сделал своей лапкой «Тссс», я не стал спрашивать, почему. После всего пережитого я был склонен доверять своему партнеру. Крадучись, мы с котом прошли в эту просеку из лесного массива. Еще проходя сквозь этот узкий коридор из живых деревьев, я заметил слабое свечение впереди. Мягко ступая на цыпочках, я подошел почти к самой кромке из плотного елового темного леса, и, узрев, чуть не потерял сознание. Охотники, их лошади, и собаки, тяжело дыша, роняя пену на землю, сгрудились вокруг большой металлической клетки с большими прочными прутьями. Клетка на невысоком расстоянии была подвешена к дереву. Внутри клетки было то, что заставляло мое сердечко то биться сильнее, то почти останавливаться. Не видел я в своей жизни мышки – полевки ничего более прекрасного, и было очевидно, что не увижу больше. Внутри было то, что светилось изнутри неярким белым светом, чей свет озарял всю поляну и лес, и падал на искаженные от ярости лица охотников нежной обволакивающей пеленой. Если бы мне сказали, что так выглядят ангелы, я бы поверил. Тонкое юное создание, в нежно розовом одеянии с белыми длинными волосами и бирюзовыми глазами казалось неземным эльфом. Или эльфийкой, я не знаю, как правильно, потому что было ясно и ежу, что это была юная девушка, настолько прекрасная своей нежной красотой, насколько может себе представить человеческое воображение. Свет исходил от нее и озарял все вокруг. Я невольно залюбовался ею, и боюсь, она что-то почувствовала, потому что немедленно обернулась в мою сторону. Кот пихнул меня лапой, я сделал шаг назад, зашел глубже в лес, спрятавшись за ближайшей елью. Охотники злобно посмотрели в мою сторону, но, ничего не увидев, отвернулись. Один из них стукнул дубинкой по прутьям клетки, и неземное создание вздрогнуло, а мне немедленно захотелось начистить ему морду. Кот удерживал меня двумя лапами. И я подался обратно назад. О, если бы я знал, в какой реальности это все происходило! Если бы я знал! В какой из реальностей был я, эта девушка, эти охотники? Куда, куда несла меня моя судьба, меня, простого парня, вечно попадающего в

непростые ситуации? Кровь вскипела во мне, кровь. Иногда кровь горячее и сильнее, чем доводы разума. Иногда кровь никак не может охладиться. Мой пыл, моя страсть, моя любовь сработали в этот раз против доводов разума. Кот удерживал меня всеми четырьмя лапами, яростно шипя: «Не вздумай!». На всех языках мира его бы предостережение звучало одинаково. «Не лезь в это парень, ты не выберешься из этого дерьма», - не нужно знать эсперанто, чтобы понять, что именно хотел сказать мне мой кот. «Не лезь туда парень, сохрани свою жизнь», - продолжал шипеть он, вращая глазами. Но моя кровь была горячее, моя кровь кипела яростью, прошло столько тысяч лет, а я так и не смог укротить ее, о, горе мне, горе. И тут я понял все. Я осознал, зачем я оказался здесь, в этом самом мрачном замке, в этом пятимерном бесконечном пространстве, с моим котом. Зачем, зачем я хлебнул кофе, провалился в портал, попал к этим заброшенным высоткам, а потом в этот густой лес, а после него в странный город. Моя душа пыталась освободиться от зла. Моя душа была закована в урбанистические цепи 21го века, она, она одна страдала от моих ежедневных действий. Зачем, зачем зло преследовало меня по жизни, ведь я не сделал ничего плохого? Я же следил за собой, за своими грехами, я был молодец. В чем была моя вина? И я вдруг понял: не посвятивший всего себя Богу автоматически оставляет в своей жизни место для зла. Каким бы ты ни был верующим, если ты не до конца предан Богу, ты оставляешь лазейку для тьмы, и она имеют возможность преследовать тебя. «Душа моя принадлежит Богу, и ему одному», - тихо пробормотал я. И я увидел, как лошади дернулись, встrepенулись и заржали. «Душа моя принадлежит Богу, и ему одному», - громко сказал я. Кот испуганно вытаращил глаза и пихнул меня лапой. Я аккуратно отодвинул кота, и вышел на эту самую мрачную поляну, идя по еле заметной тропке. Все охотники, их лошади, их псы разом, как по команде, повернули ко мне свои головы. Ну что ж, садитесь поудобнее, шоу начинается. Я почти чувствовал проклятия кота, кидаемые мне в спину. Прости, котик, прости. Вот такой я дурак. Не могу выдержать, когда слабых обижают. Вскипает во мне кровь. Десятки тысяч лет работаю над собой, а все без толку, все зря. Моя горячность побеждает меня, в который раз. Я шел сам не свой на эту битву. Всегда неприятно, когда противник тебя превосходит раз этак в тридцать. «Знать моська сильна, что лает на слона» (с), - усмехнулся я. Но мои молитвы были со мной, мой Бог был со мной. Быстро прочитал «Отче наш» и Иисусову молитву – самые короткие, пока шел. Они заметили меня моментально, только я вышел из тени елей. «Душа моя принадлежит Богу, и ему одному», - громко крикнул я. Собаки зарычали, кони заржали,

охотники оскалили зубы в злобе и уставились на меня своими стеклянными глазами. Взгляд их пробирал до ледяного холода, до мурашек, как будто они сбежали сюда из середины ада, где, как известно, только вечный лед и холод. Еще секунда – и с их уст сорвется команда атаки, еще секунда – и мне не сдобровать, эх, погибну молодым и глупым в неизвестной жопе мира – так себе перспективка. Услышал в ухе телепатическое шипение кота: «Белое пламя, белое пламя, дурррралей». «Дуралей» - меня так в последний раз называла учительница начальных классов. Я улыбнулся, и объял себя белым пламенем, в котором горели и не сгорали пророки. Собаки в ту же секунду по команде «фас» сорвались на меня, но, пробежав на дикой скорости несколько метров, воткнулись в невидимый защитный экран. Я видел, как сплющились их морды, на скорости столкнувшись с моей белой защитой, как со стеклом. Я слышал, как они заскулили и побежали обратно к охотникам, поджав хвосты. Я видел, как вытянулись лица охотников. Прозвучала команда: «Пли!», и охотники дали залп по мне. Я видел, как пули ринулись ко мне, но, как в замедленной съемке, все как одна, отскочили от моей невидимой защиты, развернулись и полетели обратно. Мгновение – и я увидел всех охотников поверженными. В них вошли их же пули. Лошади, испугавшись звуков выстрелов, пошли шагом, а потом побежали рысью, волоча за собой мертвые тела. Собаки с зауспокойным воем помчались за ними. Я услышал маты и проклятия, оружие по всему лесу, несущиеся за ними, как будто нечистые духи покинули тела призрачных охотников, и сетовали на то, что им некуда деться. «Странно, - подумал я, - мой бой и пяти минут не продолжился. А ведь я собрался помирать». Под защитой Бога бои всегда максимально короткие. Кто к нам с мечом, тот от меча и...Я подошел к клетке и посмотрел в лиловые глаза небесного создания. И погиб. Как смешно, как глупо – поразить всех врагов в самом отвратном месте этой планетки и сойти с ума от красоты той, что даже невозможно описать. Ни по статусу – ни по жизни, ни к чему, так вот, роковая случайность. Зажмурился, кое – как успокоил сердце, рвущееся из груди. Поднес руки к клетке в поисках замка, и, как только моя ладонь коснулась ее, прутья рухнули, и на моих глазах клетка развалилась на части. Небесное создание расправило свои белые крылья, но, почему-то, она никуда не улетала, осталась сидеть на ветке дерева. Опустила свои длинные ресницы, и я, наконец, избегая гипнотизирующего лилового взгляда, смог налюбоваться ею. Не создавала земля такой красоты, совершенно точно. Все «Мисс мира» и «Мисс Вселенная» отдыхали рядом с такой красотой. Я бы сказал, нервно курили. «Кооот», - тихонечко позвал я. При встрече с непознанным он показывал более стабильные результаты, чем

я. Еще издалека я услышал недовольное ворчание, но через пару секунд он прыгнул мне в руки. Кот смотрел на неё, и в его глазах отражалось это нежное белоснежно –сиреневое великолепие. «Какая у тебя красивая душа», - сказал кот. Мой ангел – хранитель всегда был краток. Потом кот повернулся на меня, мяукнув: «Мррр», и я увидел в его глазах мириады звезд, целую Вселенную.

«Она спасена. Он сделал это, - услышал я чей –то спокойный голос прямо над моей головой. Можем отзывать». И меня отозвали. Меня отозвали. Как жизнь назад. Как две жизни назад. Как тысячу жизней назад. Я. Коленопреклоненный воин Бога. Выполнивший свою миссию. В очередной раз. Отозван.

Сладкие слова для каждого воина Света.

Нет ни горечи, ни сожаления. Только радость.

Сконвертировано и опубликовано на <https://SamoLit.com/>